

АБСОЛЮТНЫЙ МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Курбан Саид

Али и Нино

Трогательная, красивая история,
яркая и незабываемая, о столкновениях культур
и несокрушимой любви.

Newsweek

Annotation

Личность Курбана Саида загадочна, как его книги. Подлинное имя автора, скрывающегося за этим псевдонимом, до сих пор вызывает споры. Не менее темна история романа «Али и Нино»: изданная в 1937 году книга была забыта вплоть до 1970 года, когда, после одновременного издания в Америке и Англии, ее персонажи триумфально вернулись на прилавки книжных магазинов, чтобы стать самыми популярными влюбленными двадцатого века. Сегодня роман переведен на тридцать три языка, по нему ставят пьесы, снимают фильмы, а в Баку его героям установили памятник. Рассказ о любви мусульманина Али и христианки Нино на фоне бурных событий истории не оставит равнодушным ни одного читателя.

- [Курбан Саид](#)
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
-

Курбан Саид

Али и Нино

Kurban Said
ALI UND NINO

Copyright © 1937 by Leela Ehrenfels

© С. Кязимова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Агтикус“», 2016 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Наш очень разнородный класс, состоявший из сорока учащихся, в жаркий полдень парился на уроке географии в Бакинской русской императорской гимназии: тридцать мусульман, четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский.

До сих пор мы не очень задумывались о необычном географическом положении нашего города. Сейчас же профессор Санин монотонно и без особого воодушевления повествовал о том, что «естественные границы Европы обозначены Северным Ледовитым океаном на севере, Атлантическим – на западе и Средиземным морем – на юге. Восточная граница Европы проходит через Российскую империю по Уральским горам, через Каспийское море и далее – через Закавказье. Некоторые ученые относят южные склоны Кавказских гор к Азии, другие же полагают, что страну следует рассматривать как часть Европы, учитывая культурное развитие Закавказья. Поэтому, дети мои, можно сказать, что отчасти и вы ответственны за то, будет ли наша страна принадлежать к прогрессивной Европе или реакционной Азии».

Профессор самодовольно улыбался. Мы притихли на некоторое время, охваченные глубиной высказываний и грузом ответственности, внезапно свалившимися на наши плечи.

Мухаммед Гейдар, сидевший на задней парте, поднял руку:

– Профессор, мы, пожалуй, останемся в Азии.

Класс разразился смехом. Мухаммед Гейдар отсиживал второй год в третьем классе, и, пока Баку принадлежал к Азии, существовала вероятность, что он останется и на третий год, ибо министерский указ позволял местным жителям азиатской части России оставаться на второй год, сколько им заблагорассудится.

Профессор Санин, облаченный в шитый золотом мундир преподавателей русской гимназии, нахмурился:

– Значит, Мухаммед Гейдар, вы желаете остаться в Азии? Может, хоть обоснуете свое решение?

Мухаммед Гейдар смущенно встал, но не произнес ни слова. Он стоял с открытым ртом, морща лоб и бессмысленно тараща глаза. И пока четыре армянина, два поляка, три сектанта и один русский наслаждались его тупостью, я поднял руку и произнес:

– Господин профессор, я бы тоже остался в Азии.

– Али-хан Ширваншир! И вы! Ну хорошо, выйдите к доске.

Профессор Санин выпятил нижнюю губу, тихо проклиная судьбу, сославшую его на берег Каспия. Затем он откашлялся и помпезно произнес:

– Можно ознакомиться с вашими доводами?

– Да, мне больше по душе Азия.

– На самом деле? А вы были когда-нибудь в действительно отсталых странах, в Тегеране например?

– Ну да, прошлым летом.

– Отлично. И вы обнаружили там какие-либо приобретения из европейской культуры, например автомобили?

– Да, и довольно приличные, между прочим. Вмещающие тридцать и более людей. Они курсируют не в черте города, а между регионами.

– Так это автобусы, которые используются за неимением железных дорог. Вам лишь бы поспорить. Садитесь, Ширваншир.

Я почувствовал ликование тридцати азиатов по взглядам, которыми они меня одарили. Профессор Санин угрюмо молчал. От него требовалось сделать из нас добропорядочных европейцев. Он вдруг обратился с новым вопросом:

– А был ли кто-нибудь из вас в Берлине, например?

Профессору явно не везло в этот день – сектант Майков поднял руку и сообщил, что был в Берлине в детстве. Он отчетливо помнил затхлый запах жуткого метрополитена, шумную железную дорогу и сэндвич с ветчиной, который ему приготовила мама.

Мы, тридцать мусульман, возмутились. Сеид Мустафа даже попросил разрешения покинуть комнату, почувствовав тошноту при слове «ветчина». На этом наше обсуждение Баку и его географического положения завершилось.

Прозвенел звонок. Профессор Санин с облегчением покинул комнату.

Сорок учеников выбежали на улицу. Началась большая перемена, во время которой можно было предаться трем занятиям: выбежать в школьный двор и затеять драку с учениками соседней школы из-за того, что те носили золотистые кокарды на форменных фуражках, в то время как нам приходилось довольствоваться серебристыми, или начать громко говорить по-азербайджански, поскольку русские его не понимали, и поэтому он был строго запрещен, или быстренько перебежать улицу и проникнуть в женскую гимназию Святой царицы Тамары. Я решил остановиться на последнем. Девочки прогуливались в саду, облаченные в скромные синие форменные платья и белые передники. Кузина Айша помахала мне. Она шла под руку с Нино Кипиани, а Нино Кипиани была самой красивой

девочкой в мире. Когда я рассказал девочкам о своей схватке на уроке географии, самая красивая девочка в мире посмотрела на меня с высоты своего величия и заявила:

– Али-хан, ты дурак. Слава богу, что мы в Европе. Если бы мы были в Азии, меня давно бы заставили ходить в чадре, и ты не смог бы видеть меня.

Я сдался. Спорное положение Баку позволяло мне наслаждаться взором самых красивых глаз в мире. Я оставил девочек и уныло прогулял остаток дня. Я смотрел на верблюдов, на море, думал о Европе и Азии, о прекрасных глазах Нино и грустил. Ко мне подошел нищий со скрюченными от болезни руками. Я дал ему денег и, когда он попытался поцеловать мне руку, испугался и вырвал ее. Через десять минут мне показалось, что я оскорбил этого нищего. Я принялся его искать, чтобы исправить свою ошибку, но не нашел и побрел домой с нечистой совестью.

Все это случилось пять лет назад.

За эти годы произошло много событий. Прибыл новый директор гимназии, которому нравилось хватать нас за ворот и трясти, поскольку драть учеников за уши было строго запрещено. Наш религиозный наставник подробно объяснил нам, как милостив был Аллах, позволив нам родиться мусульманами. В класс пришли двое армян и один русский, а два мусульманина ушли от нас: один из-за того, что в шестнадцать лет женился, а второй во время каникул был убит в кровавой родовой драке.

Я, Али-хан Ширваншир, трижды побывал в Дагестане, дважды в Тифлисе, один раз в Кисловодске, один раз в гостях у своего дяди в Иране, и меня чуть не оставили на второй год в гимназии из-за того, что я не мог отличить герундий от герундива. Мой отец отправился за советом в мечеть к мулле, который заявил, что вся эта латынь – полная чушь. В связи с чем отец надел все свои турецкие, иранские, русские ордена и направился к директору гимназии, которому подарил какое-то химическое оборудование, и я перешел в следующий класс. В гимназии был объявлен строгий запрет на ношение учащимися заряженных револьверов, в городе были проведены телефоны, а Нино Кипиани продолжала оставаться самой красивой девочкой в мире.

Теперь все подходило к концу, до выпускных экзаменов оставалась неделя, и я проводил дни дома или просиживал за размышлениями о бесполезности преподавания латыни на берегу Каспия. Я любил свою комнату на втором этаже. Стены были покрыты коврами темных расцветок, привезенными из Бухары, Исфагана и Кошана. Узоры, сотканые в виде садов и озер, лесов и рек, передавали мысли мастерицы – непонятные глазу

дилетанта и удивительно красивые для ценителя. В далеких степях женщины собирали растения для этих красок, выжимали длинными гибкими пальцами сок колючих кустарников. Секрет смешивания этих нежнейших красок хранится веками, а мастерица зачастую творит шедевр десятилетиями. Затем ковер вывешивается на стену, демонстрируя символы и намеки, сцены из охоты, битвы и орнаменты в виде строк Фирдоуси или высказываний Саади...

Из-за обилия паласов и ковров комната кажется темной. Здесь есть низкий диван, две небольшие скамеечки с перламутровой инкрустацией, множество мягких подушечек и среди всего этого – очень мешающие и бесполезные учебники, изданные на Западе: по химии, физике, тригонометрии, – бред, изобретенный варварами, желавшими прослыть цивилизованными. Я закрыл книги и поднялся на плоскую крышу дома. Отсюда я мог лицезреть свой мир, массивную стену городской крепости и руины дворца с арабскими надписями на воротах. По лабиринтам улиц проходили верблюды с такими тонкими лодыжками, что мне хотелось погладить их. Передо мной высилась припавшая к земле Девичья башня, обросшая легендами и путеводителями. За крепостью начиналось море – безликий, темный, непостижимый Каспий, а за ним простиралась пустыня – зубчатые камни и низкая поросль: тихая, безмолвная, непокоренная, – самый красивый в мире пейзаж. Я тихо сидел на крыше дома. Какое мне дело до существования других городов, крыш и пейзажей? Я любил ровное море, плоскую пустыню и старый город, раскинувшийся между ними. Шумная толпа, прибывшая в поисках нефти, находит ее, обогащается и вновь уезжает. Это не истинные жители Баку, они не любят пустыню.

Слуга принес чай. Я пил чай и думал об экзамене. Нет, он не беспокоил меня. Конечно же, я его сдам. Но даже если не сдам, какое это имело значение? Крестьяне в наших поместьях будут говорить, что я не смог покинуть обитель знаний. Да и действительно жаль оставлять школу. Серая форма с серебряными пуговицами, эполетами и кокардой была в самом деле нарядной. Мне будет неуютно в штатском, хотя и не придется носить его долго. Только одно лето, после чего я поеду в Москву поступать в Институт восточных языков имени Лазарева. Я сам пришел к такому решению, потому что в этой области я в тысячи раз превзойду русских. Им придется очень туго в вопросах, которые мне даются сами собой. А форма Лазаревского института – самая лучшая: красный плащ с воротом, шитым золотом, тонкая позолоченная шпага и лайковые перчатки, которые можно будет носить даже в будние дни. Мужчина должен носить форму, иначе русские начнут презирать его. А если русские станут меня презирать, Нино

не выйдет за меня замуж. Но я должен жениться на Нино, даже если она христианка. Грузинки – самые красивые женщины в мире. А что, если она откажет мне? В таком случае отважные джигиты перебросят ее через седло моего скакуна, и мы помчимся к иранской границе, в Тегеран. Там она смягчится, что же еще ей останется?

Такой красивой и спокойной казалась жизнь с крыши нашего дома в Баку...

Наш слуга Керим тронул меня за плечо: «Пора». Я поднялся. На горизонте, за островом Наргин, появился пароход. Если верить напечатанному клочку бумаги, доставленному телеграфистом-христианином, на пароходе должен был прибыть мой дядя в сопровождении трех жен и двух евнухов. Нужно было встретить его. Я сбежал по лестнице к стоящему фаэтону, и мы помчались к шумному порту. Дядя был знаменитым человеком. Насреддин-шах милостиво удостоил его почетного звания «Ассад-ад Довле» – «Лев империи», и обращаться к нему разрешалось только так. У него было три жены, множество слуг, дворец в Тегеране и обширные поместья в Мазандаране. Он приехал в Баку из-за болезни самой младшей из жен, Зейнаб. Ей было только восемнадцать лет, и дядя любил ее больше других жен. Однако она была бесплодной, и только от нее дядя ждал наследника. Ни амулеты дервишей из Кербалы, ни волшебные заклинания мудрецов Мешеда, ни опыт пожилых женщин, преуспевших в искусстве любви, не помогли ей. Ее даже свозили в Хамадан. Там, в пустыне, стоит высеченный из красного камня гигантский лев с целебным взглядом, навсегда устремленным на обширную пустыню. Его высекли по приказу древних царей, имена которых уже наполовину забыты. На протяжении многих веков женщины совершали паломничество к статуе льва, припадая губами к его могучему члену в надежде на то, что это принесет им счастье материнства. Бедняжке Зейнаб не помог даже лев.

И вот она едет в Баку, уповая на профессионализм западных докторов. Бедный дядя! Он был вынужден везти с собой и двух других, уже старых и нежеланных жен. Этого требовал обычай: «Ты можешь иметь одну, двух, трех или четырех жен, если будешь относиться к ним одинаково». Одинаковое отношение значило равное распределение благ, к которым причислялась и поездка в Баку.

Однако ко мне все это не имело никакого отношения. Женщины располагались в эндеруне – внутренней части дома. Благовоспитанный мужчина не говорит о них, не расспрашивает о них и не передает им привета. Они являются тенью мужчины, даже если мужчина сам чувствует себя комфортно в тени. Это правильное и мудрое решение. У нас в стране

есть поговорка: «У женщины ума – как на яйце перьев». Бессмысленные создания должны жить под присмотром, иначе навлекут бед на себя и других. Я считаю это мудрым правилом.

Маленький пароход причалил к пристани. Волосатые, широкоплечие матросы перекинули трап. Пассажиры заторопились на берег: русские, армяне, евреи так спешили, как будто боялись потерять лишнюю минуту. Дяди не было. Спешка от шайтана, поговаривал он.

Только после того, как высадились все пассажиры, на палубе появился Лев империи. На нем были плащ на шелковой подкладке, небольшая меховая шапочка и башмаки. Его густая борода и ногти были выкрашены хной в знак поклонения имаму Хусейну, который тысячу лет назад проливал кровь во имя истинной веры. Маленькие глаза дяди показались мне уставшими, а движения – замедленными. За ним суетливо следовали три фигуры, укутанные в черную чадру, – жены. Далее шли евнухи: один с лицом как у высушенной мудрой ящерицы, другой – небольшой, обрюзгший и гордый тем, что ему доверено оберегать честь его превосходительства. Дядя медленно спустился. Я обнял его, почтительно поцеловав в левое плечо, хотя, строго говоря, в общественном месте это было излишне. На жен я не взглянул. Мы сели в фаэтон. Жены и евнухи последовали в отдельных закрытых повозках. Картина была столь внушительной, что я велел извозчику повезти нас в объезд по бульвару, чтобы весь город мог восхищаться величию моего дяди.

Нино стояла на бульваре и с улыбкой смотрела на меня. Дядя поглаживал бороду, спрашивал о новостях в городе.

– Ничего особенного, – сказал я, поскольку знал, что нужно начинать с несущественных вопросов и лишь некоторое время спустя переходить на более серьезные. – Дадаш-бек на прошлой неделе насмерть убил Ахундазаде из-за того, что Ахунд-заде осмелился появиться в городе после похищения жены Дадаш-бека восемь лет назад. Он был заколот в день возвращения. Теперь полиция ищет Дадаш-бека. Но они не найдут его, хотя все знают, что он прячется в поселке Мардакян. Аксакалы говорят, что Дадаш-бек поступил правильно.

Дядя в знак согласия кивал.

– Еще какие новости? Русские обнаружили много нефти на Биби-Эйбате. Знаменитая фирма «Нобель» привезла большую машину из Германии, чтобы засыпать часть моря и бурить там.

Дядя очень удивился.

– Аи, Аллах, Аллах, – произнес он и поджал губы...

– Дома все в порядке, и через неделю, слава богу, я покину обитель

знаний.

Я продолжал говорить, а старик внимательно слушал. Лишь когда фаэтон подъехал к нашему дому, я посмотрел в сторону и равнодушно произнес:

– В город приехал знаменитый врач из России. Люди говорят, он действительно сведущ, читает прошлое и настоящее по лицу, может предсказывать будущее.

Дядя ехал с закрытыми в тоскливом величии глазами. Он довольно равнодушно поинтересовался фамилией врача, и я почувствовал, что угодил ему. Ибо все это называлось хорошими манерами и аристократическим воспитанием.

Глава 2

Отец, дядя и я сидели, поджав по-турецки ноги, под навесом на плоской крыше, устланной мягкими, причудливо разрисованными коврами. За нами стояли слуги с фонарями в руках. Перед нами на ковре были разложены восточные яства: медовые лепешки, засахаренные фрукты, шашлыки и рис с курицей и кишмишем. Я, как всегда, восхищался утонченностью отца и дяди. Не двигая левой рукой, они отрывали большие куски черного лаваша, заворачивали его и подносили ко рту. Дядя с исключительным изяществом погружал пальцы правой руки в жирный дымящийся плов, сжимал рис в комочек и отправлял его в рот, не уронив при этом ни единого зернышка. И почему русские так кичатся умением есть с помощью ножа и вилки? Даже самый последний дурак мог бы научиться этому в течение месяца. Я легко управляюсь с ножом и вилкой и знаю, как подобает вести себя за европейским столом. Однако есть многие восточные блюда с отточенным аристократическим изяществом, как отец и дядя, – с помощью указательного, среднего и большого пальца правой руки, не роняя ни единого кусочка даже в ладонь, – мне пока не удастся. Нино называет нашу манеру кушать варварской. В доме Кипиани всегда едят по-европейски, за столом. Мы же едим за столом лишь во время приема русских гостей. Нино ужасается, представив, как я сижу на полу, орудуя руками. Она забывает, что ее собственный отец впервые взял в руки вилку в двадцать лет.

Трапеза закончилась. Мы ополоснули руки, и дядя произнес молитву. Затем остатки еды унесли и подали крошечные чашки с крепко заваренным черным чаем. Как полагается пожилым людям, после плотной трапезы дядя стал немного болтливым и завел беседу. Отец не особенно участвовал в разговоре, а я, по обычаю, вообще молчал. Как всегда, приехав в Баку, дядя рассказывал о временах правления Насреддин-шаха, когда он сам играл важную, хотя и не очень мне понятную, роль при дворе:

– Тридцать лет я пользовался благосклонностью шахиншаха. Трижды его величество брал меня с собой в поездки за границу. За эти поездки я, как никто другой, познакомился с миром неверных. Мы посетили дворцы королей и кайзеров и встретились с самыми знаменитыми христианами того времени. В странном мире они живут, а самое странное то, как они обращаются со своими женщинами. Женщины, особенно жены кайзеров и королей, разгуливают голышом по дворцу, и никто не возмущается.

Возможно, оттого, что христиане – ненастоящие мужчины, а может, и по другой причине, то ведает лишь Аллах. Однако, в противовес этому, неверные возмущаются вполне безобидным вещам. Однажды его величество пригласили на банкет в царском дворце. Царица села рядом с ним. На блюдо его величества положили кусок цыпленка. Следуя этикету, его величество очень элегантно захватил этот лакомый жирный кусок тремя пальцами и положил его на блюдо царицы. Царица так испугалась, что побледнела и принялась покашливать. Позже мы услышали, как многие придворные и князья в царском дворце были шокированы любезностью шаха. Вот как низко ценят европейцы своих женщин! Они демонстрируют их наготу всему миру, не утруждая при этом себя учтивостью. После трапезы французскому послу позволили обнять царицу и кружить ее в зале под звуки ужасной музыки. Сам царь и офицеры его гвардии видели это, однако никто не встал на защиту царской чести. В Берлине мы видели более странные вещи. Нас пригласили в оперу на «Африканку». На сцене стояла и отвратительно пела жирная женщина. Кайзер Вильгельм заметил это и прямо на месте наказал певицу. В последнем акте пришли негры и устроили погребальный костер. Женщине завязали руки и ноги, после чего тело было предано медленному сожжению. Нам очень понравилось. Позже кто-то сказал, что костер носил лишь символический характер. Но мы не поверили этому, потому что женщина орала прямо как еретичка Хюрриет-уль-Айн, которую шах велел сжечь в Тегеране перед нашей поездкой.

Некоторое время дядя сидел тихо, погруженный в мысли и воспоминания. Затем он глубоко вздохнул и продолжил:

– Я лишь одного не могу понять в христианах. У них лучшее оружие, лучшие солдаты и самые лучшие заводы, производящие все необходимое для подавления врагов. Каждый, кто изобрел оружие для поражения людей быстро и в большом количестве, высоко превозносится, богатеет и получает награды. Очень хорошо. Войны нужны. Но с другой стороны, европейцы строят множество больниц, а люди, вылечившие и давшие кров вражеским солдатам, тоже превозносятся и награждаются. Шах же, мой прославленный господин, всегда недоумевал, отчего люди, совершающие противоположные друг другу поступки, в равной степени награждаются. Однажды в Вене у него по этому поводу состоялась беседа с императором. Но объяснений такому абсурдному поведению все равно не последовало. И при всем этом европейцы презирают нас, потому что нам разрешается иметь по четыре жены, хотя сами зачастую имеют куда больше...

Дядя притих. Стемнело. Его тень казалась тенью старой худой птицы. Он выпрямился, по-старчески откашлялся и вдохновенно произнес:

– Но даже при этом, хотя мы и поступаем, как велит Аллах, а европейцы не выполняют никаких Божьих заповедей, их мощь и сила непрерывно растут, в то время как наши уменьшаются. Кто может сказать, почему так происходит?

У нас не было ответа. Уставший, дядя поднялся и поковылял вниз, в свою комнату. Отец последовал за ним. Слуги унесли посуду. Я остался один на крыше, но мне не хотелось спать.

Город погрузился в темноту, которая походила на зверя в засаде, зверя, приготовившегося к прыжку или игре. На самом деле было два города, один в другом, как ядро в орехе. За старой стеной начинался внешний город с широкими улицами, высокими зданиями, шумными и жадными до денег людьми. Внешний город был построен из-за нефти, добывавшейся из нашей пустыни и приносившей богатство. Там находились театры, школы, больницы, библиотеки, полицейские и красивые женщины с оголенными плечами. Перестрелки, случавшиеся во внешнем городе, происходили всегда из-за денег. Географическая граница Европы начиналась во внешнем городе, где жила Нино. За старой стеной улицы были узкие и изогнутые, как восточные кинжалы. Минареты, так не похожие на построенные Нобелем нефтяные вышки, упирались в спокойную луну. За восточной стеной старого города высилась Девичья башня. Управляющий Баку Мухаммед Юсуф-хан велел ее построить в честь своей дочери, на которой хотел жениться. Этот кровосмесительный брак так и не состоялся. Дочь сбросилась с башни, в то время как обезумевший от любви отец спешил к ней в комнату. Камень, о который разбилась девушка, называется Камнем девственницы. Иногда невесты за день до свадьбы возлагают на этот камень цветы.

На протяжении столетий в аллеях нашего города пролилось немало крови. Пролитая кровь сделала нас сильнее и отважнее. Напротив нашего дома стоят ворота Цицианашвили, здесь тоже была пролита благородная кровь, которая стала частью истории моей семьи. Это случилось много лет тому назад, когда наша страна Азербайджан все еще принадлежала Ирану, а Гасанкули-хан правил Баку – ее столицей. Грузин по происхождению и генерал царской армии князь Цицианашвили окружил наш город. Гасанкулихан объявил о капитуляции великому белому царю, открыв ворота и позволив войти князю Цицианашвили. Князь в сопровождении нескольких офицеров въехал верхом в город. На площади за воротами началось празднество. Разжигались костры, жарились целые туши быков. Князь Цицианашвили очень опьянел и уткнулся головой в грудь Гасанкулихана. Затем мой предок Ибрагим-хан Ширваншир вытащил большой

кривой кинжал и передал его Гасанкули-хану, который медленно перерезал князю Цицианашвили горло. Испачканный в крови, он продолжал орудовать кинжалом, пока голова князя не оказалась у него в руках. Голову положили в мешок с солью, и мой предок повез его в Тегеран шахиншаху. Однако царь решил отомстить за убийство. Он послал свою армию в Баку. Гасанкули-хан заперся во дворце, проводя время в молитвах и готовясь к смерти. Когда царские солдаты перелезли через стену, он убежал по подземному ходу к морю и оттуда перебрался в Иран. А перед тем как проникнуть в подземный ход, хан написал на дверях простенькое, но мудрое изречение: «Тревожащийся о завтрашнем дне никогда не станет отважным».

По дороге из школы домой я часто захаживал в разрушенный дворец. Зал справедливости с необъятными мавританскими колоннадами был пустым и запущенным. Граждане в поисках справедливости должны обращаться к русскому судье за стеной. Но вряд ли кто обратится к русскому судье, а того, кто осмелится обратиться, аксакалы станут презирать, а дети на улице – дразнить высунутым языком. Не потому, что русские судьи такие плохие или несправедливые. Напротив, они снисходительны и справедливы. Просто их манера раздражает наш народ. Вора сажают в тюрьму, где в чистой камере пьют чаем, даже подслащенным. Однако прока от этого никакого, особенно для обобранных им людей. Жалобщики приходят днем в мечеть и обращаются к расположившимся по кругу мудрецам, выносящим приговор по законам шариата и закону Аллаха: «Око за око, зуб за зуб».

Иногда по ночам по аллеям снуют укутанные в плащ фигуры. Подобно молнии вонзается кинжал, слышится крик, и справедливость восстановлена. Кровная месть переходит из дома в дом. В темную ночь по аллеям иногда проносится мешок. Приглушенный стон, мягкий всплеск моря, и мешок исчезает. На следующий день человек сидит на полу своей комнаты в разорванной одежде с полными слез глазами. Он выполнил волю Аллаха: смерть прелюбодейке.

Старый город полон секретов и тайн, глухих закоулков и маленьких аллей. Я люблю эти мягкие ночные шорохи, освещающую плоские крыши луну и жаркое спокойное послеобеденное время во внутреннем дворе мечети в атмосфере тихой медитации. Аллах позволил мне родиться здесь мусульманином шиитской веры, последователем имама Джафара. И коль Он так милостив ко мне, пусть я умру здесь: на моей улице, в доме, в котором я родился. Мне и Нино – христианке со смеющимися глазами, которая ест при помощи ножа и вилки и носит тонкие шелковые чулки.

Глава 3

На форме выпускников воротник был вышит серебром. Сияло серебро пряжек и пуговиц. Плотная серая ткань была выглажена и все еще хранила тепло. Сняв фуражки, мы тихо стояли в большом школьном зале. Началась торжественная часть экзамена, и мы, сорок человек, из которых только двое были православными, молили Бога ортодоксальной церкви о помощи.

Священник, в тяжелом золоченом праздничном одеянии, с надушенными длинными волосами и большим золотым крестом в руке, начал богослужение. Воздух отяжелел от ладана, учителя и двое православных опустили на колени. Слова священника, произносимые нараспев, казались нам бессодержательными. Как часто на протяжении этих восьми лет мы безучастно и скучающе это слушали: «Да благословит Господь всемиростивейшего, всемогущего, христианнейшего монарха нашего и царя Николая Александровича, всех странствующих по морю или по суше, всех страждущих и мучающихся, всех геройски павших на полях битвы за Бога, царя и Отечество, всех православных христиан...» Я с тоской смотрел на стену. Там в широкой золотой раме висел портрет всемиростивейшего и всемогущего монарха и царя в натуральную величину, подобно византийской иконе, под большим двуглавым орлом. Лицо царя было вытянуто, волосы светлые, ясный и холодный взгляд устремлен вперед. На груди несметные ордена. Восемь лет я пытался сосчитать их, но всякий раз из-за их обилия сбивался со счета. Раньше рядом с портретом царя висел и портрет царицы, который потом убрали. Сельские мусульмане возмущались ее платьем с большим вырезом и перестали посылать детей в гимназию.

Пока священник молился, мы предавались торжеству момента. В конце концов, это был самый волнующий день. Я с самого утра лез из кожи вон, чтобы провести его подобающе этому важному событию. Прежде всего, я решил стать отзывчивым с домашними. Однако многие из них все еще спали. Затем по дороге в гимназию я давал милостыню всем встречным нищим – для пущей верности. Я был так взволнован, что одному из них вместо пяти копеек всучил целый рубль. Когда он стал изливаться в благодарности, я с достоинством ответил:

– Не меня благодари. Благодарю Аллаха, который моей рукой раздает милостыню.

После такой благой речи я, конечно же, не мог провалиться на

экзамене.

Богослужение подошло к концу. Построившись, мы последовали к столу экзаменаторов. Расположившись в ряд за длинным столом, они казались доисторическими чудовищами: черные бороды, хмурые взгляды и нарядные, вышитые золотом униформы. Все выглядело торжественным и пугающим, хотя русские не любят заваливать мусульман на экзамене. Ибо у всех нас есть много друзей, а друзья наши – дюжие ребята с кинжалами и пистолетами. Учителя знают об этом и боятся диких бандитов так же, как учащиеся – преподавателей. Многие профессора считали свое назначение в Баку одним из Божьих наказаний. Не так уж и редко учителя подвергались нападениям и избиениям в темных переулках. Виновных найти не удавалось, а учитель получал назначение в новое место. Вот почему они сквозь пальцы смотрят на наглое списывание математических решений Али-ханом Ширванширом у соседа по парте Метальникова. Лишь только раз, когда я списывал, учитель близко подошел ко мне и отчаянно зашипел: «Не так открыто, Ширваншир, мы не одни!»

Итак, с письменными задачами по математике я справился. Счастливые, уже вдохнув свободы, мы прогуливались вдоль Николаевской улицы. На следующий день предстоял письменный экзамен по русскому. Темы сочинений, как всегда, прибыли в запечатанном конверте из Тифлиса. Директор распечатал конверт и торжественно произнес: «Женский образ Тургенева как воплощение русской женщины». Тема была легкая. Достаточно воспеть русских женщин, и оценка в кармане. Письменный экзамен по физике был гораздо сложнее. Но там, где мне отказывали мозги, в дело вступало искусство списывать. Поэтому с физикой тоже никаких проблем не было. Экзаменационная комиссия дала нам день отдыха. Затем последовали устные экзамены. Здесь каждый отвечал за себя. Нужно было витиевато отвечать на простые вопросы. Первым шел экзамен по Закону Божьему. Наш наставник мулла обычно тихо себе посиживал на заднем плане, но сегодня он вдруг перешел в первые ряды, облаченный в длинную струящуюся накидку и подпоясанный зеленым поясом, свидетельствовавшим о его приверженности к учению пророка. С учениками он был снисходителен. Он лишь спросил меня о символе вероисповедания и выставил высокую оценку – я, как примерный ученик, повторил шиитское заявление веры: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мухаммед Его пророк, а Али наместник Аллаха». Последние слова имели особое значение, поскольку именно они отличали праведных шиитов от заблудших собратьев суннитов, однако и им Аллах не отказал в своей милости. Этому научил нас мулла, ибо он был человеком без предрассудков.

Его либеральность компенсировалась отсутствием оной у преподавателя истории. Я вытянул билет с вопросом, который мне не очень понравился: «Победа Мадатова в Гяндже». Преподаватель тоже не особенно комфортно почувствовал себя. В битве под Гянджой русские предательски убили знаменитого Ибрагим-хана Ширваншира, моего предка, который однажды помог Гасанкули-хану обезглавить князя Цицианашвили. «Ширваншир, вы вправе поменять билет», – мягко произнес преподаватель. Я подозрительно посмотрел на стеклянную чашу, полную листков с написанными на них вопросами. Каждый ученик имел право лишь один раз поменять билет, но в этом случае рассчитывать на отличную оценку уже не приходилось. Я не хотел испытывать судьбу, раз уж знал все о смерти своего предка. А там, в чаше, лежали совершенно неизвестные вопросы о Фридрихе Вильгельме в Пруссии или причинах Гражданской войны в Америке. Кто мог знать об этом? Я покачал головой. Затем я, как можно обстоятельней и вежливей, рассказал о том, как иранский шахзаде Аббас-мирза выехал с сорокатысячной армией из Тебриза в Азербайджан, чтобы изгнать оттуда русских. В Гяндже его встретил пятитысячный отряд, которым командовал царский генерал армянин Мадатов. Огнем своей артиллерии Мадатов расстрелял иранское войско, которое доселе не было знакомо с огнестрельным оружием. Шахзаде Аббас-мирза свалился со своего коня и уполз в канаву, армия обратилась в бегство, а Ибрагим-хан Ширваншир был схвачен и расстрелян при попытке перебраться на другую сторону реки со своей армией. «Победа была одержана не столько благодаря храбрости русских, сколько техническому превосходству в вооружении отряда Мадатова. В результате победы был подписан Туркманчайский договор, согласно которому иранцы должны были выплатить огромную контрибуцию, которая впоследствии полностью разорила пять персидских провинций». Этим заявлением я лишал себя отличной оценки. Я должен был сказать: «Победа была одержана благодаря доблести русских, которые обратили в бегство врага, численностью превосходившего их в восемь раз. В результате этой победы был подписан Туркманчайский договор, с помощью которого Ирану удалось приобщиться к западной культуре и рынкам». Но мне было все равно – честь моего предка для меня была равнозначна разнице между «отлично» и «хорошо».

Экзамены закончились. Директор произнес еще одну речь. Он с гордостью и подобающей моменту серьезностью объявил нас выпускниками, и мы, подобно освобожденным арестантам, ринулись вниз по лестнице. Сияло ослепительное солнце. Улицы были покрыты мелким

желтым песком. Полицейский на углу улицы, охранявший нас восемь лет, поздравил нас, и каждый дал ему пять копеек. Затем мы, как шайка бандитов, с криками и воплями побежали в город. Я поспешил домой, где меня встретили, как Александра после его победы над персами. Слуги благоговейно смотрели на меня. Отец расцеловал и пообещал исполнить три любых желания. Дядя сказал, что такой образованный мужчина должен быть представлен тегеранскому двору, где ему надлежит сделать блестящую карьеру.

Когда улеглись первые волнения, я пробрался к телефону. Вот уже две недели я не разговаривал с Нино. Согласно мудрому правилу отцов, мужчине, стоящему на жизненном перепутье, следует держаться подальше от женщин. Сейчас же я снял трубку громоздкого аппарата, покрутил ручку и прокричал: «3381!»

– Али, ты сдал экзамены? – раздался голос Нино.

– Да, Нино.

– Поздравляю, Али!

– Когда и где мы можем встретиться, Нино?

– В пять у бассейна в Губернаторском саду, Али.

Продолжать дальше было невозможно. Родня, слуги и евнухи, любопытствуя, наострили уши. А за спиной Нино стояла ее аристократка-матушка. Лучше повесить трубку. В любом случае бестелесным голосом не особенно насладишься.

...Я поднялся в большую комнату отца. Он восседал на диване. За ним расположился дядя. Оба пили чай. Слуги, стоявшие вдоль стены, уставились на меня. Экзамен еще не закончился. Ибо сейчас, когда я собирался вступить во взрослую жизнь, отец должен был официально и прилюдно раскрыть сыну всю мудрость жизни. Это было трогательно и вместе с тем немного старомодно.

– Сынок, теперь, когда начинается твоя взрослая жизнь, я должен еще раз напомнить тебе об обязанностях мусульманина. Мы живем в стране неверных. Дабы не исчезнуть, мы должны беречь наши древние традиции и уклад жизни. Сын мой, чаще молись, не пей, не целуй чужих женщин, будь добр к бедным и слабым и всегда будь готов обнажить кинжал во имя веры. Если ты погибнешь на поле битвы, я, старик, стану скорбеть. Если же ты выберешь бесчестную жизнь, твой отец будет опозорен. Не забывай своих врагов, мы не христиане. Не думай о завтрашнем дне, ибо это сделает тебя трусом. И никогда не забывай основ шиизма – учения имама Джафара.

Дядя и слуги словно впали в транс. Они внимали словам отца так, как будто это были откровения. Затем отец поднялся, взял меня за руку и

напряженно добавил:

– И последнее. Прошу тебя – никогда не занимайся политикой! Делай все, что захочешь, но не вмешивайся в политику!

Я мог поклясться с чистой совестью. Политика меня совсем не занимала. А Нино не представляла политической проблемы. Отец еще раз обнял меня. Теперь я стал совсем зрелым человеком.

В половине пятого я спускался по крепостному переулку к бульвару, сверкая своей нарядной формой. Затем свернул направо, пройдя мимо губернаторского дворца к саду, разбить который на пустынной почве Баку стоило огромных усилий. Удивительное чувство свободы не покидало меня. Мимо меня проехал в своем фаэтоне губернатор, и мне не пришлось отдать ему воинскую честь, как я делал на протяжении восьми лет. Я снял с фуражки серебряную кокарду Бакинской высшей гимназии. Теперь я один из выпускников. Отныне я прогуливался как гражданское лицо, и на минуту меня посетила мысль покурить у всех на виду. Однако отвращение к табаку перевесило соблазн свободы. Я отказался от мысли закурить и свернул в парк.

Это был большой пыльный сад со скудными печальными деревьями и залитыми асфальтом дорожками. По правой стороне возвышалась старая крепостная стена. В центре стояли белые мраморные колонны городского клуба. Между деревьями расположились бесчисленные скамейки. Три фламинго стояли среди пыльных пальм, уставившись на красный шар заходящего солнца. Около клуба находился бассейн – огромный круглый резервуар, выложенный каменными плитами. Городская управа намеревалась заполнить его водой и выпустить туда лебедей. Однако этой идее не суждено было сбыться. Вода стоила дорого, а во всей стране не нашлось ни одного лебедя. Резервуар неизменно глазел в небо, как пустая глазница мертвого циклопа.

Я уселся на скамейку. За замысловатой неразберихой квадратных серых домов, над их плоскими крышами ярко светило солнце. Тени деревьев за моей спиной становились все длиннее. Мимо, шаркая туфлями, прошла женщина в голубой полосатой чадре. Сквозь чадру выпирал длинный нос с горбинкой. Нос принюхался ко мне. Я отвернулся. На меня стала находить странная апатия. Как хорошо, что Нино не носит чадру и у нее нет такого длинного и кривого носа. Нет, я не заставлю Нино носить чадру. А может, и заставлю? В мягких лучах заходящего солнца перед моим мысленным взором возник облик прелестной Нино. Нино Кипиани – какое красивое грузинское имя. Нино, чьи почтенные родители отличаются европейским вкусом. Что все это значило для меня? У Нино светлая кожа,

большие смеющиеся темные кавказские глаза, обрамленные длинными нежными ресницами. Только у грузинок такие прекрасные и веселые глаза. Ни у европейек, ни у азиаток. Тонкие брови полумесяцем и профиль Мадонны. Мне стало грустно. Мне стало грустно от такого сравнения. На Востоке существует столько сравнений для мужчины, а вот женщин сравнивают только с Девой Марией – символом чужого, непонятного мира.

Я опустил взгляд на асфальтовую дорожку Губернаторского сада, покрытую сверкающим песком, привезенным из великих пустынь, и закрыл глаза. Сбоку от меня послышался беззаботный смех.

– Святой Георгий! Посмотрите на этого Ромео, уснувшего в ожидании своей Джульетты!

Я вскочил. Рядом со мной стояла Нино, в небесно-голубой форме гимназии Святой Тамары. Она была очень худенькой, даже очень худой по восточным меркам. Но именно этот недостаток пробуждал во мне нежные чувства и желание защитить ее. Ей было семнадцать, и я знал ее с того самого дня, когда она впервые прошла по Николаевской улице в свою гимназию.

Нино села. Ее глаза блеснули.

– Значит, ты все-таки сдал экзамены? Я немного волновалась за тебя.

Я положил руку ей на плечо:

– Пришлось прилично поволноваться, но Аллах, как видишь, приходит на помощь своим смиренным рабам.

Нино улыбнулась:

– Через год тебе придется наставлять меня. Было бы здорово, если бы ты сидел под моей партой и шептал мне ответы по математике.

Этот порядок завелся много лет тому назад, когда двенадцатилетняя Нино, вся заплаканная, прибежала ко мне во время перемены и потащила к себе в класс, где мне пришлось весь урок сидеть под ее партой и подсказывать решения задач на уроке математики. С тех пор в глазах Нино я сделался героем.

– Как поживает твой дядя со своим гаремом? – спросила Нино.

Я помрачнел. Дела гарема обычно хранятся в секрете. Но перед безобидным любопытством Нино отступали все правила восточного приличия. Моя рука нырнула в ее темные волосы.

– Гарем дяди скоро возвращается домой. Как ни удивительно, западная медицина, по-видимому, помогла, хотя точных признаков нет. Пока ребенка ждет дядя, а не тетя Зейнаб.

Нино по-детски наморщила бровь:

– Все это отвратительно. Мои родители против этого. Держать гарем

постыдно.

Она говорила тоном школьницы, отвечающей урок. Я коснулся губами ее уха:

– У меня никогда не будет гарема, Нино, никогда.

– Но ты, наверное, заставишь жену носить чадру!

– Может быть. Поживем – увидим. Чадра – полезная штука. Она защищает от солнца, пыли и взглядов незнакомцев.

Нино покраснела:

– Ты всегда будешь азиатом, Али. Чем тебе мешают чужие взгляды? Женщина хочет нравиться.

– Женщина должна хотеть нравиться только своему мужу. Открытое лицо, голая спина, полуобнаженная грудь, прозрачные чулки на изящных ножках – все это обещания, которые женщина должна исполнить. Мужчина, увидевший это, желает большего. Вот для того, чтобы у мужчин не возникло такого желания, женщины и носят чадру.

Нино изумленно посмотрела на меня:

– По-твоему, семнадцатилетние девушки и девятнадцатилетние юноши говорят о таких вещах в Европе?

– Мне недосуг о них думать.

– Тогда и мы не будем говорить о них, – сурово ответила Нино, сжав губы.

Я погладил ее волосы. Она запрокинула голову. Последний луч заходящего солнца отразился в ее глазах. Я склонился к ней... Ее губы нежно и безвольно раскрылись. Я припал к ним очень долгим и неприличным поцелуем. У Нино перехватило дыхание. Затем она отстранилась. Мы сидели молча, уставившись в сумерки. Потом, немного смущенные, мы поднялись. Взявшись за руки, мы покинули сад.

– На самом деле и мне следует носить чадру, – сказала она, – или выполнить твоё желание.

Она смущенно улыбнулась. Теперь все было в порядке. Я проводил ее домой.

– Я обязательно приду на ваш выпускной вечер, – сказала она.

– А что ты будешь делать летом, Нино?

– Летом? Мы собираемся в Шушу и Карабах. Но не нужно заноситься. Это не означает, что и ты должен приезжать в Шушу.

– Хорошо. Увидимся в Шуше этим летом.

– Ты невыносим. И что я нашла в тебе?

Дверь за ней закрылась.

Я пошел домой. Евнух дяди, с лицом высушенной ящерицы,

усмехнулся:

– Грузинки – красивые женщины, хан. Но не стоит целовать их открыто, в общественных садах, где ходит так много народу.

Я ущипнул его за ухо. Евнух может быть наглым сколько захочет. Он среднего пола: ни мужчина, ни женщина.

Я отправился к отцу:

– Ты обещал исполнить три моих желания. У меня назрело первое: это лето я хочу провести один в Карабахе.

Отец пристально посмотрел на меня, затем, улыбнувшись, кивнул.

Глава 4

Зейнал-ага был простым крестьянином из пригорода Баку – Бинагади. Ему принадлежал участок пыльной, сухой, неплодородной земли, который он возделывал до тех пор, пока в результате несильного землетрясения на скудном наделе не образовалась трещина и оттуда не хлынул нефтяной фонтан. С тех пор Зейнал-аге не приходилось думать о том, как свести концы с концами. Деньги сами текли к нему рекой, и он расточал их направо и налево. Однако деньги все накапливались, накапливались и вскоре стали ему в тягость. Он чувствовал, что рано или поздно за такой удачей последует наказание, и поэтому жил в ожидании Божьей кары, подобно приговоренному смертнику. Он строил мечети, больницы, тюрьмы, совершил паломничество в Мекку и открыл детские приюты. Однако судьбу не подкупишь. Его восемнадцатилетняя жена, на которой он женился в семьдесят лет, запятнала его честь. Он отомстил за поругание сполна – жестоко и беспощадно, после чего сдал и пресытился жизнью. Семья развалилась, один из сыновей ушел из дома, второй навлек невыносимый позор, совершив грех самоубийства. Теперь, седой, унылый и униженный, Зейнал-ага обитал в своем сорокакомнатном бакинском дворце. Единственный оставшийся сын Ильяс-бек учился с нами в одном классе, и выпускной вечер должен был состояться в доме Зейнал-аги – в большом зале с потолком из горного хрусталя.

В восемь часов я поднимался по широкой мраморной лестнице. Ильяс-бек стоял наверху, приветствуя гостей. Он, как и я, был в черкесском костюме, украшенном изящным тонким кинжалом, свисавшим с пояса. Теперь и мы могли пользоваться этой привилегией.

– Салам алейкум, Ильяс-бек! – воскликнул я и коснулся правой рукой папахи.

Мы пожали друг другу руки в старой традиционной манере: правой рукой я пожал ему правую руку, а его левая рука пожала мне левую руку.

– Сегодня ночью мы закроем лепрозорий, – прошептал мне Ильяс-бек.

Я радостно закивал в ответ.

Лепрозорий был выдумкой и секретом нашего класса. Русские преподаватели не имели ни малейшего представления о том, что происходило в нашем городе и его окрестностях, даже если бы они прожили и проработали здесь много лет. В их глазах мы были всего лишь на все способными аборигенами. Поэтому мы сообщили им о лепрозории

около Баку. Если кто-то из нас хотел прогулять уроки, староста класса подходил к классному наставнику и, стуча зубами, рассказывал о том, как несколько больных проказой сбежали из лепрозория и теперь разгуливают по городу. Полиция разыскивала их именно в той части Баку, где проживали прогульщики. Наставник бледнел и разрешал учащимся не приходить в школу до тех пор, пока прокаженные не будут арестованы. В зависимости от обстоятельств эти прогулы могли затянуться на неделю или даже больше. Ни одному преподавателю не приходило в голову обратиться в санитарное управление и выяснить о существовании этого лепрозория. Но сегодня ночью мы собирались закрыть лепрозорий.

Я направился в уже переполненный зал. В углу в окружении преподавателей сидел наш директор с подобающей случаю торжественной и помпезной маской на лице. Я подошел к нему и уважительно поклонился. Благодаря моей обезьяньей способности к языкам и диалектам одноклассники-мусульмане назначали меня своим уполномоченным, когда дело доходило до разбирательств с директором. В то время как нерусское происхождение многих из них выдавала первая фраза на русском языке, мне удавалось имитировать отдельные диалекты. Наш директор был из Петербурга, поэтому с ним надо было говорить на «питерском», то есть пришепетывать согласные и глотать гласные. Хотя акцент получался не очень красивый, зато весьма и весьма аристократичный. Директору и в голову не приходило, что я дурачился. Он радовался прогрессу русификации этой окраины.

– Добрый вечер, господин директор, – скромно произнес я.

– Добрый вечер, Ширваншир, ты пришел в себя после экзаменов?

– Да, господин директор. Но потом я пережил сильное потрясение.

– Что произошло?

– Ну, в связи с лепрозорием. Мой кузен Сулейман побывал там. Он, знаете ли, служит лейтенантом в Сальянской воинской части. Ему нездоровилось, и мне пришлось поухаживать за ним.

– А что же случилось с лепрозорием?

– Разве вы не знаете? Прокаженные вчера совершили побег и ринулись в город. Против них развернули две части Сальянского полка. Прокаженные захватили два поселка. Солдаты окружили эти поселки и стреляли во всех без разбора. В данный момент все дома сжигаются. Правда, ужасно, господин директор, что лепрозорий перестал существовать? Обезображенные, разлагающиеся куски плоти, упавшие с больных, лежат за городскими воротами. Их поливают нефтью и сжигают.

На лбу директора выступили капельки пота. Он, наверное, думал о

том, что наступил момент попросить министерство о переводе в более цивилизованное место.

– Какая ужасная страна, какой ужасный народ, – хрипло произнес он. – Теперь-то вы видите, дети мои, как важно иметь опытное правительство и быстро реагирующие магистраты.

Класс окружил директора и, ухмыляясь, слушал его лекцию о пользе порядка. С лепрозорием было покончено. Нашим последователям придется разработать новую собственную версию.

– А знает ли господин директор о том, что сын Мухаммеда Гейдара уже учится во втором классе в нашей школе? – невинно спросил я.

– Что-о-о? – Глаза директора полезли на лоб.

Мухаммед Гейдар был проклятием школы. Он оставался в каждом классе по три года. В шестнадцать лет он женился, но продолжал ходить в школу. Его сын в девятилетнем возрасте пошел в ту же самую гимназию. Сначала счастливый отец попытался скрыть это. Но однажды маленький пузан подошел к нему во время большой перемены и, уставившись на него большими невинными глазами, произнес по-азербайджански:

– Папа, если ты сейчас же не дашь мне пять копеек на шоколадку, я расскажу маме, как ты списал задачи по математике.

Жестоко опозоренный Мухаммед Гейдар надрал наглецу уши и попросил нас рассказать директору при первом же удобном случае о своем отцовстве.

– Вы хотите сказать, что у ученика шестого класса Мухаммеда Гейдара есть сын, который учится во втором классе? – спросил директор.

– Да, он просит у вас прощения и хочет, чтобы его сын стал таким же образованным, как он сам. Очень трогательно видеть, как распространяется тяга к западному образованию.

Директор покраснел. Он молча задавался вопросом, насколько обучение отца с сыном в одной школе противоречит правилам гимназии. Однако так и не пришел ни к какому решению. Таким образом, отцу и сыну было разрешено осаждать и дальше этот бастион западной науки.

Открылась маленькая дверь. Десятилетний мальчик отодвинул тяжелые шторы и ввел темнокожих слепых музыкантов из Ирана. Держась за руки, музыканты прошли в угол зала и уселись на ковре. Их редкие инструменты были изготовлены много веков тому назад в Иране. Раздалась заунывная музыка. Один из музыкантов поднес ладонь к уху – классический жест восточных певцов. В зале воцарилась тишина. Раздался полный восторга удар бубна, и певец запел фальцетом:

Твой стан подобен персидскому кинжалу,
Уста твои словно пылающий рубин.
Будь я турецким султаном, стала бы ты суженой моей,
В косы твои вплетал бы я жемчуг,
Целовал бы пятки твои,
В чаше золотой преподнес бы сердце свое.

Певец умолк, но песню подхватил громкий и резкий голос другого. С ненавистью в голосе он пел:

Но каждую ночь
Ты, как мышь, крадешься
Через двор в соседний дом.

Бубен безумствовал. Кяманча рыдала. И уже третий певец страстно запел:

Он шакал, он неверный.
О горе, о несчастье, о позор!

На минуту воцарилась тишина. Затем через три-четыре такта мягко и романтически нежно запел четвертый:

Три дня я точил свой кинжал,
На четвертый заколол врага,
Искромсав его.
Я переброшу тебя, моя любимая, через седло,
Повяжу лицо свое платком войны
И умчусь с тобой в горы.

Рядом со мной стояли директор школы и преподаватель географии.
– Какая ужасная музыка, – мягко произнес директор. – Звучит как рев кавказского осла в ночи. Интересно, есть ли какой-нибудь смысл в словах?
– Нет, наверное, так же как и в музыке.
Я уже хотел на цыпочках уйти от них, но почувствовал, как зашевелилась тяжелая дамасская портьера за моей спиной. Я осторожно

оглянулся. За портьерой стоял старик с белоснежными волосами и странными светлыми глазами. Слушая музыку, он плакал: его превосходительство Зейнал-ага, отец Ильяс-бека. Его мягкие руки с толстыми голубыми венами дрожали. Эти руки не могли даже написать имя хозяина, но управляли семидесятимиллионным состоянием. Я отвернулся. Он был простым крестьянином, этот Зейнал-ага, но понимал в искусстве пения больше преподавателей, выпустивших нас в свет. Песня закончилась. Музыканты принялись играть кавказскую танцевальную мелодию. Я огляделся. Учащиеся сбились в группы и пили вино, даже мусульмане. Я не пил. Девочки, сестры и друзья наших одноклассников, щебетали по углам. Среди них было много русских девочек с русыми косами, серыми или голубыми глазами и напудренными сердцами. Они говорили либо только с русскими, либо с армянами или грузинами. Приближение же мусульман их смущало, они хихикали и, ответив скороговоркой, отворачивались. Кто-то заиграл на пианино вальс. Директор закружил с дочерью губернатора.

Наконец-то! С лестницы послышался ее голос:

– Добрый вечер, Ильяс-бек. Я немного опоздала, но не по своей вине.

Я смутился. Нино была одета не в вечернее платье и даже не в форму гимназии Святой Тамары. С ее плеч свисала короткая бархатная накидка с золочеными пуговицами. Талия была туго стянута ремешком и казалась такой тонкой, что я смог бы обхватить ее одной рукой. Длинная черная бархатная юбка доходила до пят, обнажая позолоченные носки ее лайковых башмачков. На головке сидела небольшая круглая шапочка, с которой на лоб двумя рядами спадали тяжелые золотые монеты. Она была в старинном костюме грузинской княжны и походила на византийскую Мадонну. Мадонна рассмеялась:

– Нет, Али-хан, не сердись. Пока завяжешь все тесемки этой юбки, столько времени пройдет. Я натянула ее только из-за тебя.

– Первый танец мой! – выкрикнул Ильяс-бек.

Нино взглянула на меня, и я кивнул в знак согласия. Я танцую неважно, да и не особенно люблю танцевать. А Ильяс-беку можно доверить Нино. Он знает, как себя вести. «Молитву Шамиля!» – попросил Ильяс-бек у музыкантов. Раздалась дикая музыка. Ильяс-бек выпрыгнул в центр зала, вытащил свою саблю, и ноги его понеслись в бешеном ритме танца кавказских горцев. В руках его блеснул клинок сабли. Нино подплыла к нему. Ноги ее казались игрушечными. Начался танец Шамиля. Мы хлопали в такт музыке. Нино исполняла партию невесты, которую предстояло похитить... Ильяс зажал саблю между зубами и, раскинув руки, подобно хищной птице, кружил вокруг девушки. Нино скользила по залу, передавая

движениями гибких рук страх, отчаяние и покорность. В левой руке она держала платок. Все тело дрожало. И лишь монетки ее шапочки спокойно возлежали на лбу – в этом заключалось мастерство танца. Только грузинка может делать такие фантастически быстрые повороты, не приводя в движение монетки на шапочке. Ильяс мчался за ней. Он, не останавливаясь, преследовал ее. Чем властнее становились широкие движения его рук, тем слабее отбивали его атаки руки Нино. Наконец она замерла, как загнанная охотником лань. Ильяс-бек кружил все ближе и ближе. Взгляд Нино стал мягким и покорным. Руки ее задрожали. Музыка стала громче, и она разжала левую руку. Платок упал наземь, и в тот же миг сабля Ильяс-бека пригвоздила его к полу. Ритуальный танец закончился.

Кстати, я упомянул, что перед танцем мы с Ильяс-беком обменялись саблями? Так что платок Нино пригвоздила моя сабля. Всегда лучше подстраховаться, ибо как гласит мудрое правило: «Перед тем как поручить верблюда покровительству Аллаха, покрепче привяжи животное к забору».

Глава 5

– О хан, когда наши славные предки впервые ступили в эту страну, где они собирались добыть себе великое и наводящее ужас имя, они закричали: «Гара Бах!» – «Смотрите – там лежит снег!» Но, подойдя к горам и увидев густой лес, они закричали: «Карабах!» – «Черный сад!» С тех пор этот край стал называться Карабах. Ибо, да будет вам известно, хан, наш край очень древний и знаменитый.

Старик Мустафа, у которого в Шуше я снимал комнаты, почтенно умолк. Затем он выпил маленькую рюмку карабахского фруктового ликера, отрезал кусочек странного, волокнистого сыра, напоминающего девичью косу, и продолжил:

– В наших горах, как известно, обитают злоеющие темные призраки, стоящие на страже несметных сокровищ. В лесах стоят священные камни, меж которых текут священные родники. У нас есть все. Пройдись по городу и погляди, работает ли кто-нибудь. Да никто! Ты удивишься, ага!

Я действительно удивился тому, как искусно лгали жители этого края. Они слагали любые легенды, дабы прославить свою родину. Только вчера толстяк-армянин пытался рассказать мне, что христианская церковь Марас в Шуше была построена пять тысяч лет тому назад.

– Не завирайся, – предупредил я его. – Христианство как религия возникло едва ли две тысячи лет тому назад. Церковь не могла быть построена до возникновения религии как таковой.

Толстяк обиделся и упрекнул меня:

– Вы, несомненно, образованный человек. Но позвольте мне, старику, напомнить вам, что христианство как религия могло возникнуть две тысячи лет назад в других странах. Но нас, карабахцев, Иисус Христос наставил на путь истинный за три тысячи лет до того. Вот так вот!

Через пять минут тот же старик, не моргнув и глазом, поведал мне, что французский генерал Мюрат – армянин по происхождению и родился в Шуше. Ребенком его забрали во Францию, чтобы и там прославить Карабах. Даже по дороге в Шушу фаэтонщик показал на каменный мостик, по которому нам предстояло проехать, и гордо произнес:

– Мост был построен Александром Великим, когда он отправился на завоевание Персии.

На перилах большими цифрами было выбито «1897». Я показал это фаэтонщику, но тот лишь махнул рукой:

– Аи, ага, русские выбили эти цифры позднее из-за зависти к нашей славе!

Шуша – удивительный край. Он раскинулся на высоте пяти тысяч метров в горах, окружен лесами и родниками. Здесь в полном согласии живут армяне и мусульмане. На протяжении веков Шуша служила мостом между кавказскими странами, Персией и Турцией. Местные аристократы – армянские нахарары и мелики да мусульманские беки и агалары – строили дома на холмах и в долинах, окружавших город. Часто с подкупающей детской самонадеянностью они называют свои мазанки дворцами. Этим людям никогда не надоест сидеть на крыльце, покуривая трубку и рассказывая друг другу о том, как часто карабахские генералы спасали Российскую империю и самого царя и какая ужасная участь постигла бы их, встань на их защиту кто-нибудь другой.

Я и мой гочу доковыляли до Шуши за семь часов. Гочу – вооруженная прислуга по профессии и разбойники по призванию. Это безмолвные люди с воинственным выражением лица и со свешивающимися с пояса кинжалами, шпагами, пистолетами и другим оружием, проводящие время в раздумьях о своем героическом прошлом и трофеях. А может, их молчаливость и вовсе ничего не означает. Отец настоял на том, чтобы меня сопровождал гочу, – то ли чтобы уберечь меня от незнакомцев в пути, то ли их от меня. Но я не особенно сопротивлялся. Мне нравился этот гочу, и потом, его связывало с домом Ширванширов родство, на него можно было положиться как на восточного слугу.

Я жил в Шуше уже пять дней. Пять дней в ожидании Нино я выслушивал от каждого встречного, что самые богатые, отважные и вообще выдающиеся люди являются выходцами из Шуши. Я смотрел на городские сады, считал минареты и церковные колокольни. Шуша, несомненно, была религиозным городом: семнадцать церквей и десять мечетей с лихвой хватало на шестьдесят тысяч населения. И потом, рядом с городом можно было найти несметное количество святых мест, самыми важными из которых были знаменитая могила, часовня и два дерева святого Сары-бека. Хвастливые друзья потащили меня туда в первый же день.

До могилы святого можно добраться из Шуши за час. Весь город совершает туда ежегодное паломничество, где в святой роще устраиваются пиры. Отличающиеся особой набожностью ползут к могиле на коленях – довольно неудобный способ почтить святого, хотя именно так паломничество становится особой заслугой. У могилы растут два дерева, дотрагиваться до которых считается святотатством. Достаточно коснуться

до листика, чтобы все тело оказалось парализованным, – настолько велика сила святого. Хотя никто так и не смог толком рассказать мне, имели ли место на самом деле случаи паралича или какие-нибудь другие чудеса. Мне лишь в малейших подробностях поведали о том, как однажды, спасаясь от врагов, Сары-бек взобрался на верхушку горы, откуда смотрит на нас современная Шуша. Когда враги совсем приблизились, конь его перелетел могучим прыжком через горы, скалы и весь город. На месте, где приземлился конь, и сегодня можно увидеть отпечатки на камне – следы копыт этого благородного животного. Такую вот историю мне рассказали. И когда я попытался было выразить свои сомнения насчет прыжка, последовал возмущенный ответ:

– Так, ага, конь-то был карабахским.

И тут же поведали очередную легенду о карабахском скакуне:

– Город утопал в красотах... Но самым лучшим в этом городе был карабахский скакун, знаменитый конь, за которого персидский шах Ага Мухаммед предлагал весь свой гарем...

А знали ли вообще мои друзья, что Ага Мухаммед был импотентом?

– Этот скакун, – продолжали они, – был почти святым. Чтобы вывести эту чудесную породу, аксакалы на протяжении веков ломали голову, пока не появился знаменитый гнедой карабахский скакун.

После всех этих историй мне стало интересно увидеть этих прекрасных коней. Но друзья лишь с сожалением посмотрели на меня:

– Легче попасть в султанский гарем, чем проникнуть в конюшню с карабахскими скакунами. Во всем городе всего двенадцать гнедых, и увидеть их – все равно что прослыть конокрадом. Владелец скакуна садится на него лишь в случае войны.

Словом, мне пришлось довольствоваться их рассказными о легендарном скакуне.

Сейчас я сидел на веранде в Шуше, слушая болтовню старого Мустафы и ожидая Нино. Этот сказочный город мне нравился.

– О хан, – вдруг начал Мустафа, – ваши предки воевали, а вы просидели в обители знаний и стали образованным человеком. Получается, что вы знакомы и с изящными искусствами. Персы гордятся Саади, Хафизом и Фирдоуси, русские – Пушкиным, а далеко на западе творил поэт по фамилии Гёте, написавший поэму о дьяволе.

– И что же? Все эти поэты родом из Карабаха? – прервал его я.

– Нет, мой благородный господин, я просто хочу сказать, что наши поэты лучше, хотя и отказываются заключать слова свои в мертвые буквы. Они слишком талантливы, чтобы записывать свои поэмы, и поэтому просто

рассказывают их.

– О каких поэтах ты говоришь? Не об ашугах ли?

– Ну да, об ашугах, – авторитетно заявил старик. – Они проживают в селах Шуши, и завтра у них будет состязание. Вы пойдете посмотреть на них?

Местными поэтами славится почти каждое карабахское село. Они слагают поэмы на протяжении зимы, а весной выходят в люди и распевают свои песни в лачугах и дворцах. Но лишь три села населяют исключительно поэты, и в знак почтения, с которым Восток относится к поэзии, эти села освобождены от налогов и податей. Одним из таких сел является Дашкенд.

С первого взгляда было понятно, что жители этого села не простые крестьяне. Это были длинноволосые мужчины в шелковых одеяниях, с подозрением поглядывавшие друг на друга. За ними следовали их жены с грустными лицами и музыкальными инструментами мужей в руках. Село кишело богатыми армянами и мусульманами, съехавшимися со всей страны послушать ашугов. Энергичная толпа собралась на небольшой главной площади. В центре стояли два доблестных ашуга, приготовившиеся к тяжелой дуэли. Они презрительно поглядывали друг на друга. Длинные волосы развевались на ветру. Вдруг один из них выкрикнул:

– От твоей одежды воняет навозом, лицо твое похоже на свиное рыло! Таланта меньше, чем волос на животе девственницы! Ты за гроши сочинил бы поэму о своем собственном позоре!

Второй вторил ему зловещим лаем:

– Ты одет как сводник, а голос у тебя как у евнуха. Ты не можешь продать свой талант за неимением оного. Поедаешь объедки с праздничных столов, накрытых в мою честь.

Они продолжали с жаром ругаться. Публика аплодировала. Затем появился какой-то седой старик с лицом апостола и объявил темы состязания: «Луна над Араксом» и «Смерть Аги Мухаммед-шаха!»

Поэты подняли глаза к небу и запели. Песнь их была о жестоком Аге Мухаммеде, который поехал в Тифлис, чтобы вернуть себе мужскую силу в тамошних серных водах. Когда и серные родники не помогли ему, шах разрушил город и велел беспощадно истребить всех мужчин и женщин. Но по дороге домой его настигла беда. Ночью, когда он спал в своем шатре, кто-то заколол его кинжалом. Великому шаху не суждено было насладиться жизнью. В походах ему приходилось терпеть голод, довольствоваться черным хлебом и кислым молоком. Он завоевал огромное число стран и

бедствовал хуже нищего в пустыне. Этот несчастный Ага Мухаммед...

Все это декламировалось в классических стихах. В одном из них подробно рассказывалось о мучениях бессильного в стране наикрасивейших женщин, а в другом с той же тщательностью описывалась казнь этих женщин. Публика осталась довольной. С ашугских лбов градом катился пот. Затем один из них с более мягким голосом выкрикнул:

- На что похожа луна над Араксом?
- На лицо твоей возлюбленной, – прервал его сердитый собрат.
- Нежен свет той луны, – выкрикнул мягкоголосый.
- Нет, луна подобна щиту воина, павшего в бою, – ответил сердитый.

Через некоторое время сравнения закончились, и каждый из них стал воспевать красоту луны, реки Аракс, которая извивается, как девичья коса меж степей, и возлюбленных, любующихся в сумерках отражением луны в водах Аракса...

Сердитого объявили победителем, после чего он со злобной усмешкой отобрал саз у своего оппонента. Я решил подойти к нему. Он выглядел угрюмым, собирая монеты в свою чашу.

- Вы довольны своей победой? – поинтересовался я.

Он с отвращением сплюнул:

– Разве это победа, ага? Раньше победителей не было. Сотню лет тому назад победителю разрешалось обезглавить проигравшего. Вот тогда наше искусство действительно ценилось. Да и мы уже не те. Кому же захочется пролить кровь ради какой-то поэмы?

- Вы же теперь лучший поэт в округе.

– Нет, – повторил он. – Я всего лишь искусный мастер. Мне далеко до настоящих ашугов.

- А кто они, настоящие ашуги?

– В месяце Рамазан, – поведал сердитый ашуг, – есть таинственная ночь, которая называется ночью Кадыра. В эту ночь вся природа на час засыпает. Реки перестают течь, злые духи оставляют свои сокровища. Можно услышать рост травы и разговор деревьев. Из рек появляются нимфы, а зачатые в эту ночь люди рождаются мудрецами и поэтами. В эту ночь поэт должен призвать пророка Ильяса – святого покровителя всех поэтов. Пророк появляется в нужное время, разрешает поэту отпить из своего сосуда и освящает его: «Теперь ты стал настоящим ашугом и начнешь видеть весь мир моими глазами». Таким образом, освященные поэты начинают управлять стихиями: животные и люди, ветры и моря слушаются его голоса, ибо сила пророка в словах его.

Сердитый ашуг опустил на землю и, обхватив лицо ладонями,

горько зарыдал:

– Но никто не знает, какая ночь – ночь Кадыра и в какой час ночи природа погружается в сон. Поэтому настоящие ашуги вымерли.

Он поднялся и пошел. Одинокий и угрюмый степной волк, живущий в зеленом раю Карабаха.

Глава 6

В своем узком каменистом ложе звенел родник Печапюр. Деревья, окружавшие его, стояли с воздетыми к небу ветвями, словно уставшие святые. Отсюда открывался величественный вид: на юге, подобно библейским пастбищам, раскинулись армянские луга, всем своим видом обещающие богатый урожай. За холмами пряталась Шуша. А на востоке в пыльных пустынях Азербайджана терялись карабахские поля. Горячее дыхание огня Заратустры носилось над равниной на крыльях пустынного ветра. Но деревья вокруг нас стояли неподвижно, словно ангелы их только что оставили, а магия еще не успела раствориться. Наш костер казался потомком множества костров, благословивших этот священный край. Вокруг костра на разноцветных коврах расположилась группа грузин и я вместе с ними. Пока на вертеле жарилось мясо, мы наполнили чаши вином и разложили вокруг костра блюда с фруктами, овощами и сыром. Возле родника сидели странствующие музыканты – зазандари. Даже названия инструментов в их руках отличались мелодичностью: дайра, чунири-чианури, саламури, диплипито. По заказу городских грузин, пожелавших усилить экзотическое очарование происходящего, они стали петь одну из своих баяти – персидскую песнь о любви. Наши преподаватели латыни назвали бы такой экстравагантный способ слиться с народными обычаями «дионисийским настроением». Празднество было устроено семьей Кипиани, которая, добравшись до Шуши, решила собрать всех отдыхающих ночью в шушинской роще.

Напротив меня сидел отец Нино – тамада, управляющий застольем в соответствии со строгими правилами. Его глаза блестели, а на раскрасневшемся лице красовались густые черные усы. Сейчас он поднял свой бокал за меня. Я тоже отпил из своего, хотя обычно не пил. Но тамадой вечера был отец Нино, и было бы просто неприлично не выпить в его присутствии. Слуги принесли родниковой воды. Вода здесь одно из многочисленных чудес: выпив ее, можно есть сколько угодно, не беспокоясь при этом о неприятных последствиях переедания. Горы снеди таяли на глазах по мере того, как мы упивались водой. Мать Нино сидела подле мужа у мерцающего огня. Несмотря на суровый профиль, у нее были смеющиеся глаза. Такие глаза принадлежали только мингрельским женщинам, выросшим в долине Риони, где колдунья Медея встретила с аргонавтом Язоном.

Тамада поднял свой бокал: «Выпьем в честь почтенного Дадиани». Старик с ясными, как у младенца, глазами поблагодарил его. Начался третий круг. Все опустошили свои бокалы. Пьяных не было, поскольку во время таких застолий грузины чувствуют душевный подъем и ясность разума, подобную печапюрской родниковой воде, которая, помимо всех своих волшебных качеств, еще и отрезвляет.

Наша компания была не единственной в этот ночной час. Роцца пестрела огнями множества костров. Каждую неделю шушинцы совершают паломничество к родникам, а празднества продолжаются до рассвета. Христиане и мусульмане собираются вместе под тенью святой роцци.

Я обернулся и встретился с сидевшей позади меня Нино глазами. Она беседовала с седовласым Дадиани. Почтительность к старшим и любовь к детям всегда в почете.

– Пообещай, что приедешь погостить у меня в замке в Зугдиди, – говорил старик. – В долине реки Риони, где давным-давно рабы Медеи собирали овечьим руном золото. И вы бы присоединились, Али-хан. Повидаете удивительные джунгли Мингрелии.

– С удовольствием, ваша светлость, но только ради вас, а не джунглей.

– Чем тебе не угодили леса? Для меня они – воплощение исполненного жизненного долга.

– Али-хан боится деревьев, как дети – привидений, – сказала Нино.

– Да нет же. Просто вам дороги леса, а мне – степь, – ответил я.

Дадиани прищурился:

– Степь, говоришь? Сухие кустарники и горячий песок?

– Мир лесов смущает меня, ваша светлость. Он полон страха и колдовства, призраков и демонов. Не позволяет смотреть вперед и обступает, повергнув в темноту. Солнечные лучи теряются в полумраке деревьев, и все кажется ненастоящим. Нет, лес действительно не по мне. И потом, в лесной тени я чувствую себя угнетенным, а шелест ветвей наводит грусть. Мне по душе простые вещи: ветер, песок и камни. Степь лишена прикрас и подобна удару кинжалом. Лес же своей замысловатостью напоминает гордиев узел. Я теряюсь в лесу, ваша светлость.

Дадиани задумчиво взглянул на меня.

– У тебя душа степняка, – сказал он. – Может, людей нужно разделять именно по этому признаку: на лесовиков и степняков. Восточное опьянение происходит в степи, где люди пьянеют от горячего ветра и песка, где мир кажется предельно простым и беззаботным. Лес же полон вопросов. Лишь степь не спрашивает, не дает и ничего не обещает. Однако пламень души

зарождается в лесу. У степняка один лик и одна истина, которая переполняет его. Лесовик, напротив, многолик. Из степи происходят фанатики, а из леса – создатели. Может, в этом и заключается основное различие между Востоком и Западом.

– Вот почему армяне и грузины любят лес, – вмешался толстяк Мелик Нахарарян, принадлежащий к одному из известнейших армянских родов.

Этот человек с глазами навыкат и кустистыми бровями любил пофилософствовать и выпить. Мы прекрасно ладили. Он поднял бокал за мое здоровье и выкрикнул:

– Али-хан, в горах рождаются орлы, а в джунглях – тигры. Кто же рождается в степи?

– Львы и воины, – ответил я под радостные аплодисменты Нино.

Подали бараньи шашлыки. Вновь и вновь наполнялись бокалы.

Грузины гуляли вовсю. Дадиани пустился в подробные обсуждения с Нахараряном, а Нино лукаво поглядывала на меня. Я кивнул. Сумерки сгустились. При свете костров люди ходили на духов или разбойников. На нас никто не обращал внимания. Я поднялся и отправился медленной походкой к роднику. Склонившись над водой, я зачерпнул полную ладонь воды и выпил. Какое наслаждение. Какое-то время я любовался отражением звезд в воде. Вдруг послышались шаги. Под маленькой ножкой хрустнула сухая ветка... Я протянул руку Нино. Мы прошли в лес. Нам не следовало покидать застолье у костра. Нино присела на траву и притянула меня к себе. Карабахские обычаи довольно суровые. Старый Мустафа с ужасом поведал мне, как восемнадцать лет назад в одной семье была нарушена верность и с тех пор деревья в их саду не плодоносили. Мы посмотрели друг на друга. При свете луны лицо Нино казалось бледным и таинственным.

– Княжна, – позвал я ее.

Нино искоса посмотрела на меня. Вот уже двадцать четыре часа Нино носила титул княжны – результат двадцатичетырехлетней тяжбы ее отца за право именоваться князем. Сегодня утром он получил из Петербурга телеграмму о получении желанного титула. Старик обрадовался этой новости, как ребенок, нашедший свою мать, и решил отпраздновать это событие ночью.

– Княжна, – повторил я и забрал лицо Нино в ладони.

Она не сопротивлялась, возможно из-за большого количества выпитого кахетинского вина. А может, ее пьянили лес и лунный свет. Я припал к ней губами. Ладонки ее были мягкими и теплыми, а тело – податливым. Хрустнули сухие ветки. Мы лежали на мягком мху, и Нино смотрела на

меня. Я дотронулся до маленьких холмиков ее девичьих грудей. На меня накатило странное чувство, которое вскоре полностью охватило нас обоих. Лицо ее стало тоньше и серьезней. Я расстегнул на ней платье. Кожа Нино сияла, как опал при лунном свете. Охваченная страстью, она произносила что-то нежное и пылкое. Я спрятал лицо между ее маленькими грудями, опьяненный ее благоухающей, чуть солоноватой на вкус кожей. Колени Нино дрожали. По лицу катились слезы. Я стал осушать лицо поцелуями. Она поднялась, безмолвная и неуверенная в своих загадочных, необъяснимых чувствах. Моей Нино было всего лишь семнадцать лет, и она училась в гимназии Святой царицы Тамары.

– Али-хан, кажется, я действительно люблю тебя, даже несмотря на то, что я теперь княжна.

– И все-таки тебе недолго осталось быть ею, – произнес я, встретив недоуменный взгляд Нино.

– В каком смысле? Царь снова собирается отнять у нас титул?

– Ты лишишься титула, выйдя за меня замуж. Не расстраивайся, титул хана тоже неплох.

Нино скрестила на затылке руки, запрокинула голову и рассмеялась:

– Хан? А может быть, жена хана? Такого титула не существует. И потом, у тебя смешно получается делать предложение – если это вообще можно считать предложением.

– Да, это и есть предложение.

Пальцы Нино погладили мое лицо и исчезли в волосах.

– А если я соглашусь, останешься ли ты благодарным на всю жизнь этому шушинскому лесу и заключишь ли мир с деревьями?

– Думаю, да.

– Наш медовый месяц мы проведем у твоего дядюшки в Тегеране, и мне, как особой гостье, позволят посетить и побеседовать за чашкой чая с толстушками в шахском гареме.

– Ну и?..

– И потом мне позволят смотреть на степь, потому что вокруг не будет ни одной души, желающей смотреть на меня.

– Нет, Нино, тебе не придется смотреть на степь. К тому же она тебе не понравится.

Нино обхватила мою шею и прижалась носом к моему лбу:

– Наверное, я приму твое предложение, Али-хан. Но ты подумал о том, что, помимо лесов и степей, нам придется преодолеть множество других преград?

– Каких?

– Прежде всего, мои родители умрут от горя, если я выйду замуж за мусульманина. Затем твой отец проклянет тебя и заставит меня принять ислам. А если я стану мусульманкой, то царь-батюшка сошлет меня в Сибирь за то, что я отреклась от христианской веры. И тебя заодно – за то, что заставил меня это сделать. И будем мы сидеть посреди Северного Ледовитого океана на айсберге, пока большие белые медведи не съедят нас.

Я рассмеялся:

– Да нет же, Нино, не сгущай красок. Тебе не придется принимать ислам, и родители твои не умрут от горя, а на наш медовый месяц мы поедем в Париж и Берлин, чтобы ты смогла полюбоваться деревьями в Булонском лесу или Тиргартене. Ну что скажешь?

– Ты очень любезен, – произнесла изумленно она, – и я пока не отказываю тебе, у меня еще будет уйма времени дать тебе свое согласие. Не переживай, не сбегу я от тебя. Давай обсудим это дело с родителями, когда я окончу школу. Но не вздумай похищать меня. Все, что захочешь, только не это. Знаю я вас: перебрасываете девушку через седло, увозите в горы и в результате начинается кровная война с семьей Кипиани.

Вдруг ее охватило безудержное веселье. Все ее тело стало смеяться: лицо, руки, ноги, кожа. Она прислонилась к стволу дерева, склонила голову и посмотрела на меня. В тени дерева Нино походила на экзотическое животное, спрятавшееся в лесу от охотника.

– Пошли, – сказала Нино, и мы отправились к костру. Вдруг ее посетила мысль. Она остановилась и посмотрела на луну. – А наши дети, к какой религии они будут принадлежать? – с волнением спросила она.

– К самой лучшей и подходящей, – уклончиво ответил я.

Она подозрительно взглянула на меня и на минуту умолкла, погрузившись в думу. Затем с грустью произнесла:

– Я ведь не слишком стара для тебя? Мне скоро исполнится семнадцать, а твоей будущей жене должно быть сейчас двенадцать.

Я успокоил ее. Конечно же, она не казалась мне слишком старой. Чересчур смышленной, может быть, но является ли это достоинством? Мне иногда кажется, что мы, восточные люди, слишком рано становимся зрелыми, старыми и мудрыми. А с другой стороны, мне кажется, что мы глупы и простодушны. Я не знал, что думать: меня привели в замешательство деревья, Нино, отблеск костров вдалеке и больше всего я сам. Может быть, я выпил слишком много кахетинского вина и, как степной разбойник, бродил в саду любви. Хотя Нино совсем не казалась жертвой степного разбойника. Она была спокойна и невозмутима. От слез, смеха и магической страсти не осталось и следа. Мне потребовалось больше

времени, чтобы прийти в себя.

Мы вернулись к роднику Печапюр. Никто и не заметил нашего отсутствия. Я наполнил стакан родниковой водой и жадно припал к нему горящими губами. Поставив стакан на место, я встретился взглядом с Меликом Нахараряном, который понимающе дружелюбно и немного покровительственно поглядывал на меня.

Глава 7

Я лежал на диване на веранде домика и предавался любовным мечтаниям. История моей любви сильно отличалась от тех, которые мне рассказывали отец, дяди и деды. Она была особенной с самого начала. Нино я встретил не у ручья, когда она наполняла свой кувшин водой, а на Николаевской улице по дороге в школу. На Востоке любовь начинается у журчащего сельского родника или у больших музыкальных фонтанов в городах, где не существует проблем с водой. Девушки каждый вечер отправляются к ручью с большими глиняными кувшинами на плечах. А возле ручья юноши, рассевшись в круг, беседуют о сражениях и разбойниках, не обращая никакого внимания на девушек. Девушки неспешно наполняют кувшины водой и уходят. Кувшины наполнены до краев и давят на плечи. Чтобы не споткнуться, девушки откидывают чадру и скромно опускают глаза. И так каждый вечер: девушки приходят к роднику, юноши рассаживаются на краю площади. Любовь на Востоке зарождается именно так. Иногда одна из девушек случайно поднимает глаза и бросает взгляд на юношей. Те и ухом не ведут. Но когда девушка вновь возвращается, один из них поворачивается и обращает взгляд на небо. Иногда их взгляды встречаются, а иногда и нет. Тогда на следующий вечер его место занимает другой юноша. Стоит взглядам молодых людей у родника встретиться несколько раз, как тут же становится ясно, что зарождается любовь. Остальное идет своим чередом: влюбленный страдалец бродит по окрестностям и распевает печальные песни, в то время как его родня обсуждает калым, а аксакалы уже прикидывают, сколько воинов подарит селу молодая пара. Все довольно просто, каждый шаг обсуждается и решается заранее.

А как же я? Где затерялся мой родник? Почему лицо Нино не спрятано под чадрой? Удивительно: женщины под чадрой не видно, но ее можно узнать по привычкам, мыслям, желаниям. Чадра скрывает ее глаза, нос, уста. Душа же остается неприкрытой. Душа восточной женщины ясна. Непокрытые чадрой женщины – совсем другие. Их глаза, нос, рот и прочие части тела на виду. Но вам никогда не прочитает мыслей, прячущихся за этими глазами, даже если вам будет казаться, что все предельно ясно. Я люблю Нино, и все же она иногда приводит меня в полное недоумение. Ей нравится, когда на нее заглядываются посторонние мужчины на улице. У приличной восточной девушки такое внимание вызвало бы лишь

отвращение. Она целуется со мной. Я могу дотронуться до ее груди и погладить бедра, хотя мы даже не помолвлены. Когда она читает любовные романы, взгляд становится мягким и мечтающим, словно ей чего-то страшно не хватает. А спроси я у нее, чего же она так страстно желает, она лишь изумленно покачает головой – ей и самой неясно чего. Когда мы вместе, мне ничего другого не надо. Я думаю: она часто бывала в России. Отец брал ее с собой в Петербург, а всем известно, какие сумасбродки эти русские женщины. Их взгляд переполняет сильное желание, они часто изменяют мужьям и редко имеют больше двух детей. Вот так Бог наказывает их! Но я люблю Нино. Ее глаза, голос, манеру говорить и выражать свои мысли. Я женюсь на ней, и она, как и все грузинки, несмотря на их веселость, беззаботность или мечтательность, станет примерной женой. Иншаллах.

Я повернулся на бок. Все эти размышления утомили меня. Как приятно было лежать с закрытыми глазами и мечтать о будущем, то есть о Нино. Ибо будущее начнется в день, когда Нино станет моей женой. Какой волнующий момент нам предстоит. Нам запретят видеться друг с другом. Невесте с женихом нельзя видеться в день свадьбы: очень пагубно может сказаться на первой брачной ночи. Мои друзья, вооружившись и оседлав коней, привезут Нино. Она будет укутана в чадру. В этот день на ней должен быть восточный наряд. Мулла станет задавать вопросы, а мои друзья разбредутся по четырем углам зала и будут произносить заклинания против полового бессилия. Этого требуют обычаи, ибо у каждого мужчины есть враги, которые в день свадьбы вынимают из ножен кинжалы, поворачиваются лицом на запад и шепчут: «Аисани, банисани, мамаверли, каниани – у него ничего не получится, ничего не получится, ничего». Слава Аллаху, что у меня хорошие друзья, а Ильяс-бек знает наизусть все спасительные заклинания. Сразу же после церемонии мы расстанемся. Нино уйдет к своим подружкам на девичник, а я – к друзьям на мальчишник. А потом? Что же будет потом?

На минуту я открываю глаза и вижу деревянную веранду и деревья в саду, затем тут же закрываю их, чтобы лучше представить, что же будет потом. Ибо день свадьбы самый важный день, может, даже и единственно важный день жизни. Потому и очень трудный. Не так уж легко проникнуть в спальню молодоженов в первую брачную ночь. У каждой двери вдоль длинного коридора выстраиваются фигуры в масках, и, лишь одарив их монетами, новобрачный может пройти в спальню. Да и в спальне его могут подстергать петух, кот или другие сюрпризы, спрятанные здесь друзьями, опять же из лучших побуждений. Мне придется хорошенько осмотреться.

В постель могут подсунуть и какую-нибудь старую каргу, которая будет хихикать и просить денег, чтобы уйти восвояси. Наконец-то я один. Распахивается дверь, и входит Нино. Начинается самая сложная часть церемонии. Нино улыбается и выжидающе смотрит на меня. Тело ее стянуто сафьяновым корсетом, который держится на тесемках, зашнурованных спереди замысловатыми узлами руками специалиста, дабы сбить с толку новобрачного. Мне придется в одиночку расшнуровать все это. Нино не разрешается помогать. Хотя она может и подсобить. Уж очень запутаны эти узлы, и горе и позор на мою голову, если мне придется их резать. На следующий день друзья придут посмотреть на развязанные узелки, и мужчина должен показать, насколько хорошо он владел собой. Горе несчастному, который не сможет показать их. Он превратится в посмешище всего города.

В первую брачную ночь дом напоминает муравейник. Собравшись в коридорах, на крыше, порой даже на улице, друзья, родственники друзей и друзья друзей томятся в ожидании исхода и, если дело затягивается, нервничают. Они начинают стучать в дверь, мяукать и лаять, пока наконец не раздастся долгожданный выстрел. Тут они станут с воодушевлением стрелять в воздух. Собравшиеся выбегают из дома и образуют почетный караул, чтобы выпустить нас с Нино, когда им самим этого захочется. Да, свадьба будет действительно прекрасной. С соблюдением всех старинных обычаев. Так, как диктуют отцовские традиции...

Я, кажется, уснул на диване. Потому что, когда я открыл глаза, мой гочу сидел на корточках на полу и чистил острием кинжала ногти. Как же я не услышал его прихода? Я лениво зевнул и спросил:

– Какие новости, братец?

– Ничего особенного, ага, – скучаяще ответил он. – По соседству разругались женщины, да какой-то осел, сорвавшись с привязи, угодил в родник, где до сих пор и сидит.

Гочу засунул кинжал в ножны и равнодушно продолжил:

– Царь решил объявить войну нескольким европейским монархам.

– Что? Какую войну? – Я подскочил и недоуменно уставился на него.

– Да обыкновенную войну.

– Как это обыкновенную? Против кого?

– Против некоторых европейских монархов. Я уже не помню их имен. Уж слишком много их было. Мустафа записал их имена.

– Позови сейчас же Мустафу.

Гочу неодобрительно покачал головой – какое нездоровое любопытство! – затем исчез и вернулся в сопровождении Мустафы.

Мустафа надменно усмехался и вел себя как всезнайка. Конечно же, царь объявил войну. Весь город об этом говорил. Лишь я в это время дремал на веранде. Имейте в виду, что никто точно не знает, почему царь объявил войну. Он принял такое решение, лишь исходя из собственного здравого смысла.

Я уже начал терять терпение:

– Кому же царь объявил войну?

Мустафа выудил из кармана клочок бумаги со своими каракулями. Затем откашлялся и с достоинством стал читать по слогам:

– Немецкому кайзеру и австрийскому императору, королю Баварии, королю Пруссии, королю Саксонии, королю Вюртемберга, королю Венгрии и множеству других лордов и принцев.

– Я же сказал вам, ага, что всех и не упомнишь, – робко заметил гочу.

Мустафа свернул свой клочок и произнес:

– С другой стороны, его имперское величество халиф и султан Османской империи Мухаммед Рашид, а также его величество шахиншах Ирана султан Ахмед-шах объявили о своем намерении не участвовать в этой войне. Поэтому войну можно считать войной неверных, к которой мы не имеем никакого отношения. Мулла Мухаммед Али думает, что победят немцы.

Мустафе не удалось закончить. Со стороны города стал разноситься колокольный звон семнадцати церквей. Я выбежал. Знойное августовское небо угрожающе и неподвижно висело над городом. Вдалеке, как равнодушные свидетели, высились голубые горы. Колокольный звон ударил по их серым скалам. Улицы кишели людьми. Взмыленные, возбужденные лица были обращены к куполам церквей и мечетей. В воздухе стояла столбом пыль. Люди хрипло переговаривались. Безмолвные и выдавшие виды стены храмов смотрели на нас безжалостным взглядом вечности. Их башни висели над нами немой угрозой. Колокольный звон смолк. Толстый мулла в струящемся разноцветном халате поднялся на минарет рядом с нашим домом. Он рупором поднес ко рту ладони и с гордостью и в то же время печально прокричал: «Идите на намаз, идите на намаз, лучше молиться, чем спать!»

Я вбежал в конюшню. Гочу оседлал мне коня, и я помчался по улицам сквозь испуганную толпу. Уши коня стояли торчком в счастливом ожидании, пока я выезжал из города. Передо мной серпантинном извивалась широкая тропинка. Я промчался мимо домов карабахских аристократов.

– Ты уже рвешься в бой, Али-хан? – кричал мне вслед какой-то крестьянин, причисляющий себя к местной знати.

Я посмотрел вниз, на долину. Посреди сада стоял небольшой домик с плоской крышей. Взглянув на него, я напрочь забыл о правилах верховой езды и диким галопом пустился к крутому холму. Дом становился все больше и больше, а за ним исчезли по очереди горы, небо, город, царь и весь мир. Я въехал в сад. Из дома вышел слуга и произнес убитым голосом:

– Князь с семьей покинул дом три часа назад.

Моя рука автоматически схватилась за кинжал. Слуга отошел в сторону:

– Княжна Нино просила передать письмо его сиятельству Али-хану.

Рука потянулась в нагрудный карман. Я сошел с коня, уселся на крыльце веранды и с нетерпением вскрыл мягкий благоухающий конверт. Письмо было написано крупным детским почерком:

Дорогой Али-хан! Неожиданно объявили войну, и нам нужно возвращаться в Баку. У меня не было времени сообщить тебе об этом. Не злись. Я плачу и люблю тебя. Лето выдалось короткое. Поскорее возвращайся и ты. Буду с нетерпением ждать тебя. В пути буду думать лишь о тебе. Папа думает, что война продлится недолго и победят наши. Из-за всей этой суматохи я совсем потеряла голову. Съезди, пожалуйста, на шушинский рынок и купи мне ковер. Я не успела. Пусть будет с узором из маленьких разноцветных конских голов. Целую тебя. В Баку будет ужасно жарко.

Я сложил письмо. Все было в порядке. Лишь я, Али-хан Ширваншир, оседлал как дурак коня, вместо того чтобы отправиться с поздравлениями по поводу начала войны к городскому голове или хотя бы – помолиться в мечети за победу царской армии. Я сидел на крыльце веранды, уставившись вдаль невидящим взглядом. Какой же я был дурак! Что же еще оставалось делать Нино, как не возвращаться с родителями домой и просить меня пораньше приехать? Когда в стране объявлена война, возлюбленная должна быть рядом с любимым, а не строчить надушенные письма. Но войны в стране не было, война была объявлена в России, до которой ни мне, ни Нино не было дела. Но даже и при таком раскладе я был вне себя от ярости – на войну, на старика Кипиани, который так торопился попасть домой, на гимназию Святой Тамары, где девушек не учили правилам поведения, и больше всего на Нино, которая уехала, бросив все,

пока я, позабыв о долге и достоинстве, думал, как быстрее добраться до нее. Я вновь и вновь перечитывал письмо. В порыве отчаяния я внезапно вытащил кинжал и, подняв руку, сразу же вонзил клинок в ствол дерева, стоявшего напротив. Слуга вытащил кинжал и, оценивающе рассмотрев его, застенчиво произнес:

– Настоящая кубачинская сталь, и руки у вас сильные.

Я вскочил на коня и медленно поплелся домой. Вдалеке высились своды городских зданий. Злость поутихла. Я ее выплеснул на дерево.

Нино была права: она – примерная дочь и станет такой же примерной женой. Мне было стыдно за свое поведение, и я, склонив голову, плелся дальше, вдыхая дорожную пыль. На западе заходило раскаленное солнце. Я вдруг услышал конское ржание и, подняв голову, остолбенел. На минуту Нино и весь остальной мир покинули мои мысли. Передо мной стоял узкозадый конь с маленькой суживающейся головой, надменным взглядом и ногами как у балерины. Под косыми лучами солнца его кожа отливала золотом. В седле сидел пожилой мужчина с обвисшими усами и большим, с горбинкой носом: хозяин соседского поместья граф Меликов. Так вот о каких знаменитых конях святого Сары-бека мне рассказывали в первый день приезда в Шушу! «Гнедые кони, которых на весь Карабах всего двенадцать голов. За ними ухаживают, как за женами в султанском гареме». Сейчас же это гнедое чудо стояло передо мной.

– Куда вы направляетесь, граф?

– На войну, сынок.

– Что за чудо-конь, граф!

– Да, я вижу, ты восхищен, не так ли? Лишь несколькими довелось увидеть этих гнедых... – Взгляд графа потеплел. – Его сердце весит ровно шесть фунтов. А стоит обдать тело водой, как оно заблестит, подобно золотому кольцу. Этот конь никогда не видел солнечного света. Сегодня, когда я его выводил из конюшни, солнечные лучи засветили ему прямо в глаза, и они засверкали, как пробившийся сквозь скалы родник. Так, наверное, блестели глаза человека, добывшего огонь, при виде первого пламени. Он – потомок коня святого Сары-бека. Я его еще никому не показывал. Граф Меликов садится на свое гнедое чудо, лишь когда царь призывает на войну.

Он с гордостью попрощался и, звеня шашкой, поскакал дальше. Война, несомненно, охватила страну.

Я добрался домой затемно. Сообщение о войне взбудоражило весь город. Местные аристократы, напившись, скакали по городу и стреляли в воздух.

– Прольется кровь! – кричали они. – Кровь прольется! О Карабах, мы прославим твое имя!

Дома меня ждала телеграмма: «Немедленно возвращайся домой. Отец».

– Собери вещи, – приказал я гочу, – завтра мы уезжаем.

Затем я вышел на улицу и стал наблюдать за суетой. Меня беспокоило какое-то необъяснимое тревожное чувство. Подняв голову к небу, я погрузился в долгие и глубокие раздумья.

Глава 8

– Скажи-ка мне, Али-хан, кто наши союзники? – спрашивал гочу, пока мы спускались по крутой извилистой тропе, оставив за собой Шушу.

Этот простой сельский парень был неистощим на самые странные вопросы обо всем, что касалось войны и политики. В нашей стране обычно говорят на три темы: религия, политика и торговля. Война же касается их всех. О войне можно говорить когда и где угодно, причем с равноценной частотой, не боясь при этом исчерпать эту тему.

– Наши союзники, гочу, – это император Японии, император Индии, английский король, сербский король, бельгийский король и президент Французской республики.

Гочу неодобрительно сжал губы:

– Но если президент Французской республики – штатский человек, как он может сражаться и вести войну?

– Может быть, он пошлет генерала.

– Человек должен сам участвовать в войне, а не поручать ее другим, в противном случае за исход нельзя ручаться.

Тревожно взглянув на спину нашего фэзтонщика, он с видом знатока продолжил:

– Царь – невысокий и тощий, а кайзер Гийом – здоровенный и сильный. Он сокрушит царя в первом же бою.

Этот простодушный парень был убежден, что монархи самолично верхом на конях наступают друг на друга и таким образом начинают сражение. Никакие аргументы не могли переубедить его.

– После того как Гийом сокрушит царя, в сражение должен вступить царевич. А он молодой и не блещет здоровьем. У Гийома же шесть дюжих, пышущих здоровьем сыновей.

Я попытался утешить его:

– Гийом может воевать лишь правой рукой, поскольку левая парализована. Да, но левая рука ему нужна лишь для того, чтобы держать поводья. Правая – чтобы сражаться.

От таких глубоких размышлений на лбу гочу прорезались глубокие складки. Вдруг он спросил:

– А правда, что императору Францу-Иосифу сто лет?

– Точно не знаю. Могу только сказать, что он очень старый.

– Ужас, – произнес гочу, – в таком преклонном возрасте человеку

приходится седлать коня и обнажать саблю.

– Да нет. Ему не придется этого делать.

– Конечно же придется. Между ним и сербским королем существует кровная вражда. Они теперь кровные враги, и император должен отомстить за пролитую кровь наследного принца. Будь он крестьянином из нашего села, за кровь можно было бы заплатить сотней коров и домом. Но император не сможет забыть кровопролитие. Если бы он забыл, все бы стали так поступать, в итоге исчезла бы кровная месть и погибла бы страна.

Гочу был прав. Что бы там ни говорили европейцы, кровная месть составляет основу государственного порядка и послушания. Вернее, простить кровную месть можно, если об этом просят аксакалы, и просят всем сердцем. Тогда можно запросить высокую цену и добиться прощения. Но сам принцип кровной мести должен поддерживаться. В противном случае чем все это закончилось бы? Человечество делится на семейства, а не нации. И семьи эти поддерживают между собой определенное равновесие, ниспосланное Аллахом и основанное на силе духа мужчин. Если это равновесие нарушается смертоносной силой, поправшая волю Аллаха семья должна, в свою очередь, тоже лишиться одного члена. Так восстанавливается равновесие. Конечно, кровную месть иногда нелегко совершить: бывает, что пули летят мимо или людей гибнет больше, чем следовало бы. Тогда кровная месть будет длиться веками. Однако принцип прост и ясен. Мой гочу хорошо это понял и удовлетворенно кивнул: да, столетний император, оседлавший своего коня, чтобы отомстить за убийство сына, был справедливым человеком.

– Али-хан, если император и сербский король должны свести счеты, при чем тут остальные императоры?

...Вопрос был трудный и застиг меня врасплох.

– Послушай, – сказал я, – наш царь и сербский король веруют в одного и того же Бога, поэтому и помогают друг другу. Кайзер Гийом и другие вражеские монархи состоят в родстве с императором. Английский король приходится родственником царю, и, таким образом, все между собой как-то связаны.

Гочу вовсе не удовлетворил такой ответ. Он был уверен, что японский император веровал совсем в другого Бога, отличного от того, которому поклонялся царь, а тот таинственный правитель Франции никак не мог состоять в родстве с монархами. Кроме того, по сведениям гочу, во Франции вообще не верили ни в какого Бога. Именно поэтому страна называлась республикой. Мне и самому все это было не до конца понятно.

Я уклончиво отвечал и в конце сам обратился к гочу с вопросом, пойдут ли он на войну. Он мечтательно посмотрел на свое оружие.

– Да, – произнес он, – конечно же пойду.

– А ты знаешь, что можешь не идти? Мы, мусульмане, освобождены от воинской повинности.

– Я знаю и все же хочу воевать.

Парень вдруг совсем разговорился:

– Война – это хорошо. Я повидаю мир. Услышу свист ветра на Западе и увижу слезы в глазах врага. Верхом на коне и с переброшенной через плечо винтовкой я буду скакать с друзьями по завоеванным селам. Я привезу с собой много денег, и все будут восхищаться мной как героем. Если же я погибну, то это будет смерть настоящего мужчины. Все станут поминать мое имя добрым словом и почитать моего сына или моего отца. Да, война – действительно хорошая штука, против кого бы она ни была направлена. Каждый мужчина должен раз в жизни побывать на войне.

Гочу никак не унимался. Он уже насчитал и количество ранений, которые намеревался нанести врагам, и трофеи, которые отчетливо представлял себе. Глаза его блестели зарождающейся жадной сражений, а смуглое лицо напоминало лицо старого воина из святой книги Шахнаме. Я завидовал ему, потому что этот простой парень знал, как ему следует поступать, в то время как я задумчиво и нерешительно лишь вглядывался в будущее. Уж слишком долго мне пришлось проучиться в стенах русской императорской гимназии и заразиться склонностью русских к самоанализу.

Мы приехали на вокзал. Помещение было переполнено женщинами, детьми, крестьянами из Грузии и кочевниками из Закавказья. Куда и зачем они следовали – оставалось загадкой. Казалось, что эти люди и имен своих не помнят. Они расположились на перроне, как комья грязи, штурмуя прибывающие поезда независимо от их направления. У двери в зале ожидания рыдал старик с гноящимися глазами и в драном тулупе. Он был родом из Ленкорани – из села, которое находилось на границе с Ираном. Старик был уверен, что дом его разрушен, а дети погибли. Я сообщил ему, что Иран не воюет с нами. Но старик был безутешен:

– Нет, господин, уж слишком долго ржавел иранский меч. Теперь они его точат. Теперь нас атакуют кочевники, войска шаха разнесут наши дома – ведь мы для них неверные. Иранский лев опустошит нашу страну. наших дочерей сделают невольницами, а сыновей – игрушкой для забав.

Его бессмысленные стенания не прекращались. Мой гочу растолкал толпу, и нам наконец удалось пройти к платформе. Паровоз выглядел как доисторическое чудовище. Он зловеще выделялся на фоне желтой пустыни.

Мы сели в поезд и, всучив проводнику щедрые чаевые, получили в распоряжение целое купе. Гочу сел на обитое красным плюшем сиденье с вышитыми инициалами ЗЖД – Закавказская железная дорога. Поезд тронулся сквозь пустынный пейзаж. Желтый песок, простирающийся в пространстве, небольшие плешивые холмы с мягко закругленными верхушками, поврежденные ветрами скалы, озарившиеся заревом. С моря, преодолев множество миль, подул прохладный бриз. Кое-где низкие холмы устилала пыльные ползучие растения. Вдали показался караван: сотня или более верблюдов, одногорбые и двугорбые, большие и маленькие, тревожно уставились на поезд. Они передвигались вялыми шажками, покачивая головой в такт монотонному звону колокольчиков, повязанных вокруг шеи. Если один из них спотыкался, колокольчик сбивался с такта, нарушая ритм всего каравана. Все остальные животные, почуяв сбой, останавливались, чтобы восстановить гармонию, и затем продолжали свой путь. Вот он, символ пустыни: это странное существо, помесь животного с птицей, грациозное и неуклюжее, привлекательное и отталкивающее, рожденное и предназначенное для раскаленной пустыни.

Сбившийся с такта колокольчик пробудил во мне первый порыв как можно скорее отправиться на войну. Теперь у меня было достаточно времени поразмышлять. Караван ступал по мягкому песку в восточном направлении и вскоре исчез. Поезд мчался на запад по бездушным железным рельсам. Почему я не поднял руку и не потянул за рычаг стоп-крана? Ведь именно к ним я принадлежал: к этим верблюдам, их погонщикам, песку! Какое мне дело до остального мира за этими горами? До этих европейцев с их войнами, городами, царями, кайзерами и королями? До их печали, счастья, чистоты и беспорядка – у нас иные понятия о чистоте или беспорядке, добре или зле, у нас иной ритм и иные лица. Пусть поезд мчится на запад. Мое сердце и душа принадлежат Востоку.

Я широко распахнул окно и высунулся насколько мог. Глаза проводили караван, теперь уже исчезнувший из виду. Я был спокоен и невозмутим. Решение назрело. Моей стране не угрожал враг. Никто не угрожал закавказским степям. Поэтому это была не моя война. Мой гочу думал иначе. Ему было все равно: сражаться за царя или во благо Запада. Он лишь искал на голову приключений. Как и все азиаты, гочу хотел пролить кровь и насладиться горем врага. Я тоже хочу воевать, прямо душой истомился по жарким схваткам и дыму костров на полях сражений. «Война» – какое же это прекрасное слово, мужественное и сильное, словно удар копья. Но я должен выждать. Ибо меня не покидает смутное предчувствие: кто бы ни

выиграл эту войну, на нас все ближе и ближе надвигается опасность – опасность, превосходящая по масштабам все, вместе взятые, царские завоевания. Поэтому, чтобы сокрушить будущего врага, когда тот вторгнется в наш город, в нашу страну, на наш континент, в стране должно быть достаточно мужчин. Невидимая рука даже сейчас сжимает поводья каравана, стараясь направить его на новые пастбища, на новый путь. Этими путями может вести только Запад. Мне не хочется следовать за ним.

Вот почему я останусь дома. Лишь когда невидимая сила наступит на мой мир, я обнажу свой меч. Я откинулся на сиденье. Как хорошо, что я довел свои рассуждения до конца. Кто-то скажет, что я пожелал остаться дома ради черных глаз Нино. Может быть. Может быть, он даже будет прав. Потому что эти черные глаза для меня – зов родной земли, зов дома для блудного сына. Я отведу невидимую опасность от черных глаз родины.

Я взглянул на гочу. Он крепко спал и с воинственным воодушевлением похрапывал.

Глава 9

Закавказская августовская жара сделала город ленивым и апатичным. Не изменился и его древний морщинистый облик. Многие русские уехали воевать за царя и родину. Полиция рыскала по домам немцев и австрийцев. Выросли цены на нефть, а люди по обе стороны великой стены наслаждались жизнью. Лишь завсегдатаи чайханы могли читать военные сводки. Война шла где-то далеко, на другой планете... Названия захваченных или оставленных городов казались незнакомыми и чужими. С первых полос газет дружелюбно смотрели лица генералов, полных уверенности в скорейшей победе. Я не поехал сдавать вступительные экзамены в Москву. Уж очень не хотелось мне оставлять родину в такую трудную минуту, да и с занятиями можно было подождать. Многие презирали меня за это и за отказ идти на войну. Но, поглядывая с крыши нашего дома на пеструю городскую суматоху, я точно знал, что ни один царский указ не оторвет меня от родных крепостных стен.

Отец удивленно и обеспокоенно спрашивал:

– Ты действительно не хочешь идти воевать? Ты, Али-хан Ширваншир?

– Нет, отец, не хочу.

– Большинство наших предков полегло на поле боя, и это так естественно для нашей семьи.

– Знаю, отец. Я тоже погибну на поле боя, но не сейчас и не так далеко...

– Лучше умереть, чем влачить позорное существование.

– Я и не влачу. Просто эта война не имеет ко мне никакого отношения.

Отец подозрительно посмотрел на меня. Не вырос ли из сына трус? В сотый раз он пересказывал мне историю нашей семьи: как при Надир-шахе пять членов семьи Ширваншир воевали за империю Серебряного Льва. Четверо полегли в боях против Индии. Лишь одному удалось вернуться из Дели с богатыми трофеями. Он купил усадьбы, построил дворцы и пережил сурового правителя. А в войне между Шахруром и Гусейн-ханом этот самый предок встал на сторону коварного шахзаде Аги Мухаммеда Каджара. Он и восемь его сыновей участвовали в походах шахзаде на Сенд, Хорасан и Грузию. Лишь трое из них выжили и продолжали служить великому евнуху даже после его восшествия на престол шаха. В ночь его смерти их шатры стояли в лагере Аги Мухаммеда в Шуше. За усадьбы,

дарованные им преемником Аги Мухаммеда – великодушным Фатали – в Ширване, Мазандаране, Гилане и Азербайджане, Ширванширы расплатились кровью девяти членов семейства. Три брата стали наместниками шахиншаха и стали править Ширваном. Затем пришли русские. Баку защищал Ибрагим-хан Ширваншир, имя которого после его смерти в Гяндже еще сильнее прославил наш род. После заключения Туркманчайского договора Ширванширы разделились. Иранские члены семьи воевали и погибли в походах против туркменов и афганов во время правления Мухаммед-шаха и Насреддин-шаха, а оказавшиеся в России Ширванширы пролили кровь за царя в Крымской войне в сражениях против турков и в японской войне. Вот такой вот ценой нам достались ордена и медали, благодаря которым сыновья нашего семейства сдают экзамены, даже будучи неспособными отличить герундий от герундива.

– Страна снова вступила в войну, – закончил отец, – а ты, Али-хан Ширваншир, малодушничаешь, прячась за милосердным указом царя. К чему слова, если ты не впитал традиций нашей семьи. О героических подвигах наших предков ты должен узнать не из старых пыльных книг. Они должны засесть в сердце и жилах твоих.

Отец грустно умолк. Он презирал меня, не в силах понять причин такого поступка. Был ли его сын трусом? Страна находилась в состоянии войны, а сын его не торопился воевать, не жаждал неприятельской крови и слез врагов. До чего же он докатился!

Я сидел на ковре, облокотившись на мягкие подушки.

– Ты обещал исполнить три моих желания, – игриво напомнил я. – Первым было провести лето в Карабахе. А вот второе: я обнажу меч, лишь когда сам этого захочу. Это никогда не поздно будет сделать. Нам еще долго придется воевать. Мой меч еще понадобится стране.

– Хорошо, – согласился отец.

После этого он больше не заговаривал со мной о войне, хотя и бросал косые испытующие взгляды. А может, и прав был сын, в конце концов.

Я поговорил с муллой в мечети Тезе Пир. Тот сразу же понял меня. А вскоре пожаловал и к нам домой, шурша одеянием и источая аромат амбры. Они с отцом тогда уединились и долго беседовали. Мулла сообщил отцу, что, по Корану, участие в этой войне не считается священным долгом мусульманина, и в подтверждение привел множество высказываний пророков. После его прихода меня оставили в покое. Но лишь дома. Военная лихорадка распространилась среди молодежи, и далеко не всем хватало разума избежать ее. Изредка я захаживал к друзьям. Вот и сейчас, пройдя мимо ворот Цицианашвили, свернул направо, в переулок Ашума,

перешел улицу Святой Ольги и оказался у дома Зейнал-аги.

Ильяс-бек сидел за столом, склонившись над военными трактатами. Рядом с ним, сдвинув брови и с выражением испуга на лице, сидел наш дурень Мухаммед Гейдар. Война взбудоражила и его. Он поспешил покинуть стены гимназии и, подобно Ильяс-беку, горел лишь одним желанием: увидеть на своих плечах золотые офицерские эполеты. Поэтому они теперь вдвоем готовились к экзаменам на офицерский чин.

– Долг армии и флота – защищать царя и родину от внешних и внутренних врагов, – услышал я отчаянное бормотание Мухаммеда, войдя в комнату.

– Кто они, уважаемый Мухаммед, наши внешние враги? – решил я проверить бедолагу.

Тот, сдвинув брови, глубокомысленно задумался и вдруг выдал:

– Немцы и австрийцы.

– А вот и нет, дорогуша, – обрадовался я и торжественно сообщил правильный ответ: – Под внешним врагом подразумевается любое военное подразделение, угрожающее нарушить наши границы с целью развязать войну.

Затем я обратился к Ильяс-беку:

– Что такое выстрел?

– Выстрел – это выбрасывание пули из ствола оружия под воздействием пороха, – выпалил он.

Игра в ответы и вопросы продолжалась довольно долго. Как же трудно было уничтожить врага с соблюдением всех правил и положений и как непрофессионально наша страна подходила к этому вопросу! Затем Мухаммед Гейдар и Ильяс-бек стали с воодушевлением расписывать свои будущие походы. Основное место во всех этих грезах занимали женщины, подобранные целыми и невредимыми с развалин захваченных городов. Затем, снисходительно взглянув на меня, они сообщили, что каждый солдат носит в своем вещмешке жезл фельдмаршала.

– Когда я стану офицером, – заявил Мухаммед Гейдар, – тебе придется уступать мне дорогу на улице и отдавать честь. Я ведь буду проливать кровь, защищая твою ленивую задницу.

– Когда ты станешь офицером, война уже закончится, а немцы займут Москву.

Моих героев не возмутил такой прогноз. Их, как и меня, не волновало, кто выиграет войну. Между нами и фронтом простиралась территория, занимающая одну шестую мира. Немцы просто-напросто не в силах были завоевать всю эту территорию. Да и какая разница, если вместо одного

христианского государя нами станет управлять другой христианский государь. Так нет, Ильяс-бек искал приключений, а Мухаммед Гейдар – благовидного предлога, чтобы достойно завершить образование и посвятить себя достойному мужнины занятию. Несомненно, они оба станут отважными офицерами. Нашему народу отваги не занимать. Но во имя чего? Ни Ильяс-бек, ни Мухаммед Гейдар ни разу не задались этим вопросом, а все мои предупреждения пропускаясь мимо ушей: в них проснулась типичная для восточных мужчин жажда крови.

Облитый ушатом презрительных замечаний, я покинул дом Зейнал-аги и, пробравшись через маленькие переулки армянского квартала, вышел на бульвар. Соленый и свинцовый Каспий лизал гранитные камни. В порту стояла военная лодка. Я присел и стал наблюдать за местными кораблями, вступившими в схватку с волнами. На одном из них я мог с легкостью добраться до порта Астара в шахском Иране и оттуда – в какое-нибудь полуразрушенное тихое гнездо. В тегеранских дворцах бы меня ждали грустные любовные вздохи, выраженные в прекрасных стихах поэтов, воспоминания о героических подвигах отважного Рустама и благоухающие розовые сады. Иран – замечательная страна.

...Я прохаживался из одного конца бульвара в другой, стараясь выиграть время. Никогда еще мне не приходилось видеться с Нино у нее дома. Все это выходило за рамки приличий. Но поскольку шла война, старик Кипиани мог закрыть на это глаза. Наконец, набрав полные легкие воздуха, я стал подниматься по ступенькам дома, где жила Нино. Дом был четырехэтажный, а на втором этаже висела металлическая табличка «Князь Кипиани». Служанка в белом фартуке открыла дверь и поклонилась. Я отдал ей папаху, хотя согласно восточным правилам гость не должен снимать папаху. У европейцев на этот счет существовали другие правила, и я это знал. Семейство Кипиани сидело в гостиной и пило чай.

Комната была большой, с обитой красным шелком мебелью. По углам стояли пальмы и разные кадки с растениями, а стены вместо росписи и ковров украшали обои. Семейство пило чай на английский манер – с молоком, из больших красивых чашек. На столе лежали бисквиты и сухари. Я поцеловал руку матери Нино. Рука пахла бисквитами, сухарями и лавандовой водой. Князь пожал мне руку, а Нино, потупив взгляд, подала три пальца. Меня пригласили за стол и сразу же подали чай.

– Значит, вы решили пока не идти на военную службу, хан? – любезно поинтересовался князь.

– Да, ваше сиятельство.

Княгиня поставила чашку на стол.

– На вашем месте я бы вступила в какой-нибудь комитет по оказанию помощи с тыла. Хотя какая-то возможность надеть форму.

– Может быть, княгиня. Хорошая мысль.

– Я так и сделаю, – сказал князь. – Даже если мне нельзя оставлять свой пост, я не пожалею свободного времени на благо родины.

– Конечно, князь. Но к сожалению, у меня так мало свободного времени. Боюсь, что родина не получит от меня большой пользы.

Князь искренне удивился:

– Чем же вы заняты?

– Управлением нашего имения, князь.

Я попал в точку. Эту фразу я вычитал в каком-то английском романе или где-то еще. Если какой-то благородный лорд бездельничал, считалось, что он управляет имением. Фраза позволила мне значительно подняться в глазах родителей Нино. Мы обменялись парой других не менее изысканных фраз, и я попросил у них разрешения сводить Нино вечером в оперу. Я снова поцеловал руку княгини, откланялся и договорился зайти за Нино в половине восьмого.

Нино проводила меня до двери, и, когда я забирал у слуги папаху, она густо покраснела, склонила голову и на ломаном азербайджанском произнесла:

– Я ужасно рада, что ты решил остаться в городе. На самом деле. Но скажи мне, Али-хан, ты действительно боишься идти на войну? Ведь мужчины так любят сражения. Я бы даже полюбила твои раны.

Я не покраснел. Лишь взял ее руку и сжал ее.

– Нет, я не боюсь. Придет и твое время залечивать мне раны. Но если тебе так хочется, можешь пока называть меня трусом.

Нино недоуменно взглянула на меня. Я отправился домой и разорвал старый учебник химии на мелкие кусочки. Затем насладился чашкой настоящего иранского чая и забронировал ложу в опере.

Глава 10

Закрой глаза, прикрой руками уши и открой душу. Помнишь ту ночь в Тегеране? Огромный, выложенный голубым камнем зал, славное имя шаха Насреддина, выбитое над входом. Посреди зала стоит квадратная сцена, а вокруг нее сидят, стоят, лежат солидные мужчины, восторженные дети, юные фанатики – преданная публика, пришедшая на инсценировку трагической гибели святого Гусейна. Свет в зале приглушен. Злой халиф Езид посылает своих воинов в пустыню и велит принести ему голову юноши. Траурные песни прерываются звоном мечей. Али, Фатима и наша прародительница Хава бродят по сцене, распевая рубаи. На золотом подносе халифу приносят голову Гусейна. Зрители содрогаются в рыданиях. Мулла проходит по рядам, собирая слезы в хлопок. В слезах этих большая таинственная сила. Чем сильнее верует зритель, тем большее воздействие окажет на него пьеса. Деревянная доска изображает пустыню, сундук – украшенный бриллиантами трон халифа, несколько деревянных кольев – Эдемский сад, а бородатый мужчина – дочь пророка.

Теперь открой глаза, опусти руки и оглядись: ослепляющий свет бесчисленных электрических ламп. Стены и стулья обиты красным бархатом, позолоченные гипсовые статуи богов поддерживают тянущиеся ввысь ложи. Лысины в партере сияют, словно звезды в ночном небе. Картину дополняют обнаженные спины и руки женщин. Зрителей и сцену разделяет глубокая бездна. Там внизу сидят и настраивают свои инструменты безымянные и безликие музыканты. Зал наполнен приглушенным звуком бесед, плавно перетекающих из одной темы в другую, шелестом перелистываемых программ, хлопаньем вееров: вот он, оперный театр Баку, за несколько минут до начала «Евгения Онегина». Нино сидит рядом со мной. Голова обращена в мою сторону, губы влажны, а взгляд бесстрастен. Она в основном молчит. Когда выключают свет, я обнимаю ее за плечи. Голова отклонена, и Нино кажется целиком погруженной в музыку Чайковского. Евгений Онегин разгуливает по сцене в английском костюме, а Татьяна распевает арию.

Я предпочитаю оперу театру. Оперные сюжеты сравнительно просты, и большинство из них в любом случае довольно хорошо известны. Я не возражаю против музыки, если она негромкая. Но в театре иногда приходится хорошенько напрячься, чтобы вникнуть в странные события, происходящие на сцене. В зале темно, и, когда я закрываю глаза, соседи по

ложе думают, я погружен в океан музыкального волшебства. На этот раз я сижу с открытыми глазами. Нино наклоняется вперед, и за ее нежным профилем я вижу первый ряд партера. Посредине сидит толстый мужчина с выпученными, как у барана, глазами и лбом философа – мой старый друг Мелик Нахарарян. Его голова продолжает двигаться в такт музыке между левым глазом и носом Нино.

– Смотри, Нахарарян сидит, – шепчу я ей.

– Лучше на сцену смотри, варвар, – шепчет она мне в ответ, переводя при этом взгляд на толстого армянина. Тот поворачивается и приветствует нас дружеским кивком.

В антракте мы встретились в буфете, когда я покупал шоколадки для Нино. Он зашел посидеть к нам в ложу. Этот толстый, умный и начинающий лысеть мужчина.

– Сколько вам лет, Нахарарян? – поинтересовался я.

– Тридцать, – ответил он.

Нино вскинула взгляд и переспросила:

– Тридцать? Тогда вас скоро не будет в городе.

– И почему же, княжна?

– Всех ваших сверстников уже призвали в армию.

Он громко рассмеялся, еще больше выпучив глаза и колыхая животом:

– К сожалению, княжна, я не смогу воевать. Мой доктор нашел у меня неизлечимую болезнь – воспаление придаточных пазух, поэтому мне придется остаться здесь.

Уж очень экзотической мне показалась болезнь и напомнила чем-то желудочную. Нино удивленно посмотрела на него.

– А это очень опасная болезнь? – спросила она с сочувствием.

– Ну как вам сказать. Если за дело берется знающий врач, любая болезнь может стать неопасной.

Нино была удивлена и рассержена. Мелик Нахарарян принадлежал к самой аристократической семье Карабаха. Его отец был генералом, а сам он – сильным как бык, здоровым и неженатым. Когда он покидал ложу, я пригласил его поужинать с нами после оперы. Он вежливо поблагодарил и принял приглашение. Поднялся занавес, и Нино склонила голову на мое плечо. Во время знаменитого вальса Чайковского она вдруг посмотрела на меня и прошептала:

– По сравнению с этим Нахараряном ты просто герой. Во всяком случае, ты не мучаешься воспалением.

– У армян воображение богаче, чем у мусульман, – попробовал я оправдать Нахараряна.

Нино не отрывала головы от моего плеча, даже когда герой-тенор Ленский, согласно сюжету, замертво упал от выстрела Евгения Онегина. Это была легкая, изящная, полная победа, и нам захотелось отпраздновать ее. Нахарарян ждал нас у входа. У него был свой автомобиль, по-европейски элегантно стоявший рядом с фаэтоном, принадлежавшим семейству Ширваншир. Мы поехали темными переулками города, мимо наших с Нино школ. Ночью эти здания казались более приветливыми. Вот и мраморная лестница, ведущая в городской клуб. Нино было совсем небезопасно появляться здесь. Но поскольку ее сопровождали Ширваншир и Нахарарян, княжне Нино можно было не беспокоиться об уставе гимназии Святой Тамары.

Широкую террасу ярко освещали белые лампы. Мы прошли к столику, выходящему на темный Губернаторский садик, мерцающее мягким светом море и маяк острова Наргин. Послышался звон бокалов. Нино и Нахарарян пили шампанское. Но ничто в мире, и даже глаза Нино, не могло заставить меня пить в обществе, и я, как обычно, потягивал оранжад. Наконец группа, состоявшая из шести танцоров, удалилась, и Нахарарян глубококоммысленно произнес:

– Вот сидим мы здесь, представители трех славных кавказских народов: грузин, мусульман и армян, рожденные под одним и тем же небом, на одной и той же земле, такие разные и в то же время одинаковые, подобно Троице. Европейцы и азиаты, вобравшие в себя Восток и Запад и отдающие обоим свое богатство.

– Я всегда считала, – включилась Нино, – что кавказцам присущ боевой дух. И тем не менее сейчас я нахожусь в обществе двух кавказцев, которым не хочется воевать.

Нахарарян снисходительно посмотрел на нее:

– Мы оба хотим воевать, княжна, но не друг против друга. Нас и русских отделяет высокая стена, имя которой Кавказ. В случае победы русских мы полностью обрусеем. Потеряем наши церкви, язык, национальную самобытность. Мы превратимся в евро-азиатских метисов, вместо того чтобы являться мостом между двумя мирами. Нет уж, все, кто воюет за царя, воюют против Кавказа.

– Иранцы и турки раздирают нашу страну на части, – заговорила Нино истинами гимназии Святой Тамары. – Шах разрушил Восток, а султан – Запад. Столько грузинок превратили в наложниц в гаремах! Русские тоже не по собственной воле оказались здесь. Это мы попросили их приехать. Грузинский царь Георгий Двенадцатый добровольно сдался царю. «Мы берем на себя оборону Грузинского царства не для того, чтобы увеличить

нашу, и без того огромную, империю...» Разве вы не слышали этих слов?..

Конечно же да. Эти слова из манифеста столетней давности, изданного Александром I, нам вдалбливали в гимназии на протяжении восьми лет. «Не для того, чтобы увеличить нашу, и без того огромную, империю, мы берем на себя...» Слова выбиты в бронзе на центральной улице Тифлиса. Нино не так уж не права. Восточные гаремы в то время были заполнены наложницами-христианками, а улицы кавказских городов – телами убитых христиан. Конечно же, я мог сказать: «Я мусульманин, а вы – христиане. Аллах сделал вас нашей жертвой». Но я молчал в ожидании ответа Нахараряна.

– Видите ли, княжна, – сказал он, – человек, мыслящий как политик, должен иногда находить в себе мужество и вести себя непорядочно и даже несправедливо. Я признаю, что русские принесли нам мир. Но нам, кавказцам, теперь нужно сохранить этот мир без их помощи. Они делают вид, что все еще должны защищать нас друг от друга. Поэтому-то сюда и направлены русские войска, русские чиновники и губернаторы. Но, княжна, посудите сами: вам ли опасаться меня? Или, может, мне следует опасаться Али-хана? Не мы ли сидели мирно у родника Печапюр? Несомненно, времена, когда кавказцы считали Иран своим врагом, остались позади. Враг переместился на север, и этот самый враг старается внушить нам, что мы – дети, которых нужно оберегать друг от друга. Но мы уже не дети, мы давно выросли из этого возраста.

– Значит, вы по этой причине не хотите идти воевать? – поинтересовалась Нино.

Нахарарян был изрядно пьян.

– Нет, не только поэтому, – сказал он. – Я ленив и привык к комфорту. Я злюсь на русских за то, что они захватили армянские церкви, и потом, лучше все-таки сидеть здесь, чем в траншеях. Моя семья уже достигла славы. А я гедонист.

– Я думаю иначе, – произнес я. – Я не гедонист и люблю воевать.

– Ты молод, друг мой, – сказал Нахарарян и снова поднял свой бокал.

Он долго еще говорил и, возможно, довольно умно высказывался. Когда мы поднялись из-за стола, Нино была почти уверена в его правоте. Мы сели в автомобиль Нахараряна.

– Этот прекрасный город, – продолжал он в машине, – является вратами в Европу. Не будь Россия такой реакционной, мы бы давно уже были европейской страной.

Мне вспомнились наши веселые дни в гимназии на уроке географии. Я громко рассмеялся. Вечер удался. Пока мы прощались, я целовал глаза и

руки Нино, а Нахарарян любовался морем. Затем он подвез меня до ворот Цицианашвили... Дальше ему нельзя было ехать. За стеной начиналась Азия.

– Ты женишься на Нино? – спросил он напоследок.

– Иншаллах.

– Тебе придется преодолеть некоторые трудности, друг мой. Если вдруг понадобится помощь, можешь рассчитывать на меня. Я за межнациональные браки между аристократическими семьями, представляющими наши народы. Мы должны поддерживать друг друга.

Я с благодарностью пожал ему руку. Значит, и среди армян встречаются действительно достойные люди. Мысль меня взволновала, и, уставший, я вошел в дом. Слуга сидел на корточках на полу и читал. Я взглянул на книгу. На страницах вязью были выведены арабские буквы Корана. Слуга поднялся и поклонился. Я взял книгу в руку: «О, вы, кто верует, знайте, что вино, азартные игры и рисунки являют собой мерзость и порождены шайтаном. Избегайте их, и вам это зачтется. Шайтан пытается отвернуть вас от Аллаха и молитвы». Страницы источали сладкий аромат. Тонкая желтоватая бумага шелестела. Слова Аллаха, заключенные в кожаный переплет книги, были суровы и назидательны. Я вернул книгу и поднялся к себе в комнату. Диван был таким широким, низким и мягким. Я закрыл глаза так, как это делал каждый раз, когда хотел с особой отчетливостью представить себе что-нибудь. Я видел шампанское, Евгения Онегина на балу, пустые выпученные глаза Нахараряна, мягкие губы Нино и орды врагов, наступавшие на нас через горы, чтобы завоевать город.

С улицы доносилось монотонное пение. Это был несчастный влюбленный Ашум. Он был старым, и никто не знал, какую любовь он пережил. Люди прозвали его Меджнуном, что по-арабски значило «томящийся от любви». По ночам он слонялся по пустым переулкам, садился в каком-нибудь углу, рыдал и пел о своей горе до рассвета. Монотонное пение навевало сон. Я повернулся к стене и погрузился в темноту и грезы. Жизнь все еще была прекрасной.

Глава 11

У палки два конца: верхний и нижний. Переверни палку, и верхний конец окажется внизу, а нижний – наверху. Палка же ничуть не изменится. То же самое можно сказать обо мне. Я такой же, что и месяц или год тому назад. В мире все также воюют и те же самые генералы одерживают победы или терпят поражения. Но те, которые раньше называли меня трусом, теперь при встрече со мной опускают глаза: друзья и родственники хвалят меня за мудрость, а отец с восхищением поглядывает на меня. Но палка сама ничуть не изменилась. Однажды по городу пронесся слух, будто его величество султан Великой Османской империи Мехмед Рашид решил объявить неверным войну. Его победоносные войска продвигались в восточном и западном направлениях, чтобы освободить мусульман от русского и английского ига. Кругом говорили, что началась священная война, а над дворцом халифа развевалось зеленое знамя пророка. Я превратился в героя. Ко мне стали наведываться друзья, с восхищением отзываясь о моей дальновидности. Все же прав был я, отказавшись идти воевать. Мусульмане никогда не должны идти против султана. Наши братья турки придут в Баку, а объединившийся с турками наш народ превратится в единую нацию верующих.

Я молча кивал, не отвечая на их похвалу. Мудрый человек не должен реагировать на хвалу или хулу. Друзья развернули карты. Они, ссорясь, выясняли, каким маршрутом воспользуются турки, чтобы въехать в город. Я положил конец этим ссорам, заявив, что независимо от маршрута турки, по всей вероятности, войдут сюда через армянский квартал. Друзья опять восхищенно посмотрели на меня и похвалили за дальновидность.

Человеческая душа меняется за ночь. Ни один мусульманин больше не горел желанием взяться за оружие. Ильяс-беку война вдруг наскучила, и Зейнал-аге пришлось заплатить огромную сумму, чтобы он попал в Бакинский гарнизон. Бедолага как раз до объявления турками войны сдал экзамен на чин офицера, и каким-то чудом даже Мухаммеду Гейдару удалось выдержать его. Теперь они оба были лейтенантами и проводили дни в казармах, снедаемые завистью по отношению ко мне, не присягнувшему на верность царю. У них уже не было пути назад. Да и не принуждал их никто. Сами ведь знали, на что шли, и я первый отвернулся бы от них, измени они этой присяге.

В те дни я больше отмалчивался, чтобы придать какую-то четкость

своим размышлениям. Лишь изредка я выходил по вечерам из дому и быстрым шагом направлялся к небольшой мечети около крепости. Там, в старом доме, жил мой старый школьный товарищ Сеид Мустафа, который являлся потомком пророка. У друга было рябое лицо и маленькие узкие глаза, и подпоясывался он зеленым кушаком, как подобало людям с его саном. Отец Сеида был имам небольшой мечети, а дед – знаменитым мудрецом на пире имама Рзы в священном городе Мешед. Он молился пять раз в день и выводил имя безбожника халифа Езида мелом на подошве ступней, чтобы изо дня в день втоптывать в грязь имя того, кто презрел истинную веру. На десятый день мухаррама, в траурный день Ашшура он бичевал себя цепями до крови. Нино считала его фанатиком и презирала за это. Мне же он нравился за ясность мысли, поскольку он, как никто другой, мог отличить добро от зла, правду от лжи. Он приветствовал меня радушной улыбкой:

– Ты слышал, Али-хан? Богач Ягуб-оглы закупил двенадцать ящиков шампанского, чтобы распить их с первым турецким офицером, который войдет в город. Шампанское! Шампанское – в честь священного джихада!

Я лишь пожал плечами:

– И это тебя удивляет, Сеид? Мир сошел с ума.

– Аллах сводит с пути тех, на кого Он обратил свой гнев, – хмуро констатировал Сеид. Он подскочил, губы его дрожали. – Вчера восемь мужчин сдались на милость султану. Восемь! Скажи мне, Али-хан, о чем они думают, эти восемь дезертиров?

– Головы их пусты, как желудок голодного осла, – осторожно предположил я.

Ярости Сеида не было границ.

– Ты только посмотри! – вскричал он. – Шииты воюют на стороне суннитского халифа! Ведь Езид пролил кровь внука пророка. Ведь Моавиа убил Али! Кто же наследник пророка? Халиф или незримый Имам Вечности, в чьих жилах течет кровь пророка? Шииты веками носили траур, кровь проливалась между нами и вероотступниками, который хуже кяфиров. Шия здесь, Сунна там, и никакого моста между нами. Не так давно по приказу султана Селима были зверски убиты сорок тысяч шиитов. А теперь? Шииты воюют на стороне халифа, похитившего наследие пророка. Все кануло в Лету: кровь праведных, таинство имамов. Здесь в нашем шиитском городе люди с нетерпением ждут прихода суннитов, которые разрушат нашу веру. Что нужно туркам? Энвер уже продвинулся к Урмие. Иран разделят надвое. Истинной вере пришел конец. О Али, приди же со своим огненным кинжалом и накажи этих вероотступников! О Али,

Али! – Сеид со слезами на глазах бил себя кулаком в грудь.

Потрясенный, я не сводил с него глаз. Чему верить, а чему нет? Турки действительно были суннитами. Но я все равно с нетерпением ждал вступления войск Энвера в наш город. Что это означало? Кровь наших мучеников была пролита зря?

– Сеид, – произнес я, – турки одной с нами крови. У нас один язык. В наших венах течет одна туранская кровь. Может, поэтому легче умереть под знаменем с полумесяцем халифа, чем под царским крестом.

Сеид Мустафа вытирал слезы.

– В моих венах течет кровь пророка Мухаммеда, – с гордостью произнес он. – Туранская кровь? Ты, наверное, не помнишь даже той толики знаний, которую получил в гимназии. Кто живет сейчас на Алтае или на границе с Сибирью: кто живет там? Такие же, как и мы, турки, говорящие на одном языке с нами, в чьих жилах течет туранская кровь. Аллах не дал им истинной веры, превратив их в язычников, молящихся богу воды Су-Тенгри, богу неба Теб-Тенгри. Если бы эти якуты или алтайцы стали могучими и направили на нас свои войска, пришлось ли бы нам, шиитам, радоваться только потому, что они одной с нами крови?

– Что же нам теперь делать, Сеид? – спросил я. – Иранский меч заржавел. Все, кто воюет против турков, воюют за царя. Нам что же, теперь во имя пророка Мухаммеда защищать царский крест от халифского полумесяца? Как нам поступить, Сеид?

На Мустафу нашла глубокая печаль. Он взглянул на меня, и казалось, в его взгляде сосредоточилось все отчаяние умирающего тысячелетия.

– Что нам делать, Али-хан? Я не знаю.

Он был в агонии и даже в таком состоянии не прятался за пустыми словами.

Я в растерянности молчал. Керосиновая лампочка чадила. В маленьком обруче света мерцал радугой коврик для намаза – словно лужайка, которую можно свернуть и взять с собой в дорогу. А Сеид Мустафа жил в этом мире так, как будто был здесь проездом. Потому-то так легко ему было осуждать людей за грехи. Через десять или двадцать лет он станет имамом в пире Резы в Мешед, одного из мудрецов, которые вершат судьбу Ирана. Уже сейчас он смотрит на мир уставшими глазами человека, осознающего свой преклонный возраст и смирившегося с ним. Он ни на дюйм не отступился бы от своей истинной веры, хотя таким образом мог сделать Иран вновь великим и могучим. Лучше погибнуть, чем найти призрачную мечту земных наслаждений, пройдя через трясины греха. Поэтому он молчал и не знал, что предпринять. Поэтому я люблю его,

этого одинокого стража истинной веры.

– Наша судьба в руках Аллаха, Сеид Мустафа, – произнес я, меняя тему разговора. – Да наставит нас Аллах на путь истинный!.. Но сегодня вечером я хотел поговорить о другом.

Сеид Мустафа рассматривал свои ногти, окрашенные хной, перебирая янтарные четки. Он взглянул на меня, ухмыляясь во весь рот:

– Я знаю, Али-хан, ты хочешь жениться.

Я аж подпрыгнул от удивления. Ведь на самом деле я хотел поговорить о создании организации юных шиитов. Но было поздно. Он уже вел себя как мулла.

– Откуда ты знаешь, что я хочу жениться, и какое тебе до этого дело?

– Догадался по твоему взгляду, и, конечно же, мне есть до этого дело, поскольку я твой друг. Ты хочешь жениться на христианке Нино, которая меня недолюбливает.

– Да, это так. Что скажешь?

Сеид бросил на меня испытующий взгляд:

– Я говорю «да», Али-хан. Мужчина должен жениться, и лучше всего на женщине, которая ему нравится. Ей не нужно отвечать ему взаимностью. Умный мужчина не станет ухаживать за женщиной. Женщина – всего лишь земля, а мужчина – сеятель. Следует ли полюбить крестьянина? Достаточно и того, что она любима крестьянином. Женись, но не забывай: женщина всего лишь земля.

– Значит, ты полагаешь, что у женщины нет ни души, ни разума?

Он с жалостью посмотрел на меня:

– Что за вопрос, Али-хан? Конечно же нет. Куда там ей?! Ей достаточно быть целомудренной и производить на свет детей. В шариате говорится: «Свидетельство одного мужчины перевешивает свидетельство трех женщин». Не забывай об этом, Али-хан.

Я был вполне готов услышать проклятия праведника Сеида Мустафы в свой адрес за то, что хотел жениться на христианке, которая его недолюбливала. Поэтому меня тронул такой ответ. Он еще раз доказал честность и мудрость Сеида.

– Значит, ты не против того, что она христианка? Или ей следует принять ислам? – мягко спросил я.

– Да зачем это ей? – задался он вопросом. – У создания без души и разума и так нет веры. Женщину не ждут ни в раю, ни в аду. В момент смерти она лишь расщепляется и исчезает в никуда. Сыновья же должны быть шиитами.

Я кивнул в знак согласия. Сеид встал и подошел к книжному шкафу.

Своими длинными, как у старой обезьяны, руками он выудил пыльную книгу. Я взглянул на обложку – «Dshainabi: Tewarichi Al-Y-Sildjuk» («История династии сельджуков»). Сеид развернул книгу.

– Вот. Страница двести семь, – произнес он и стал читать вслух: – «В шестьсот тридцать седьмом году хиджры в своем дворце Кабадие скончался султан Ала-ад-Дин Кей-Губад. На трон сельджукидов взошел Гияс-ад-Дин Кей-Хосров. Он взял в жены дочь грузинского князя и воспыал к этой грузинке такой любовью, что повелел на монетах чеканить рядом со своим профилем изображение супруги-христианки. Однажды мудрецы и святые люди явились к нему со словами: „Султан не должен нарушать шариат. Это грех“. Всемогущий султан пришел в ярость и произнес: „Аллах поставил меня повелевать вами. А ваше дело – подчиняться мне“. Мудрецы и святые люди ушли в глубокой печали. Но Аллах открыл глаза султану. Он призвал мудрецов к себе и произнес следующее: „Я не нарушу священных законов, возложенных на меня Аллахом. А посему повелеваю отныне чеканить на монетах изображение льва, сжимающего в передней лапе меч, – это буду я. А солнце, сияющее над моей головой, – моя любимая жена“. С тех пор на гербе Ирана лев и солнце... А мудрецы утверждают, что «нет женщин красивее грузинок».

Мустафа закрыл книгу и усмехнулся:

– Вот и ты теперь идешь по следу Кей-хосрова. Ни один закон не запрещает этого. Грузинки – часть трофеев, которые, согласно наказу пророка, правоверные должны были «пойти и взять». Так написано в книге.

Его мрачное лицо внезапно смягчилось, а маленькие злые глаза засияли. Он был счастлив разрешить скромные сомнения двадцатого века с помощью священной книги. Пусть знают неверные, где находится настоящий прогресс. Я обнял Сеида, поцеловал и отправился домой. В темных переулках шаги мои звучали твердо и уверенно. Священная книга, старый султан и мудрый Мустафа были на моей стороне.

Глава 12

Степь – врата в таинственный и непостижимый мир. Под копытами моего коня вьется пыль и стучат камни. Подо мной мягкое, словно набитое пухом, терское казацкое седло. В таком седле казаки могут спать, ехать стоя и лежа. Все нехитрое казацкое имущество хранится в притороченных к седлу мешках: каравай хлеба, бутылка водки и сума с золотыми монетами, награбленными в кабардинском селе. Мои же мешки пусты. Неистовый степной ветер уносит меня в бескрайние серые пески. С плеча моего свисает епанча – черная кабардинская войлочная накидка, защищающая от зноя или холода. Разбойники и странники придумали епанчу для грабежей и походов. Она не пропускает ни солнечных лучей, ни капли дождя. Епанчу с легкостью можно превратить в палатку, а затем спрятать все награбленное добро в ее черных складках. Похищенные девушки заворачиваются в широкую войлочную епанчу и напоминают попугаев в клетке.

Я скакал к воротам Боз-Гурд. Эти две серые, поврежденные ветром скалы воздвигли недалеко от города посреди степи доисторические титаны. Предание гласит, что Серый Волк, прародитель тюрков, однажды провел османское племя через эти прочные узкие ворота к зеленым равнинам Анатолии. В полнолуние шакалы и степные волки собираются у скал и воют, как собаки на покойника. У них невероятное чутье на смерть. Они могут чувствовать смерть, даже когда человек еще жив. Наверно, и в луне они видят мертвеца. Собаки сродни волкам, как и мы, подданные Российской империи, находимся в родстве с волками, которых Энвер-паша ведет на Кавказ.

Я скачу по большой пустыне в сопровождении отца. Когда отец сидит в седле, он будто сливается со своим конем и становится похожим на кентавра.

– Сафар-хан, – зову я его охрипшим голосом. Я редко зову отца по имени. – Сафар-хан, мне нужно с тобой поговорить.

– Говори на скаку, сынок. Легче говорить, когда конь и всадник представляют одно.

Уж не смеется ли отец надо мной? Я неистово хлещу коня. Отец поднимает брови и, слегка пришпорив коня, сравнивается со мной:

– Я слушаю, сынок. – Голос его кажется насмешливым.

– Я хочу жениться, Сафар-хан.

Воцаряется долгое молчание. Мимо свистит ветер. Из-под копыт моего

коня вылетают камни.

– Я построю тебе дворец, – наконец отвечает отец. – И уже приглядел место у моря. Полагаю, там и конюшня есть. Летом ты можешь оставаться в Мардакяне. Первенца твоего назовем Ибрагимом, в честь нашего предка. Я куплю тебе автомобиль, если захочешь. Хотя при нынешнем состоянии дорог ездить на нем нет смысла. Лучше построить конюшню.

Снова воцаряется тишина. Ворота Боз-Гурд остались позади. Мы скачем к морю в направлении поселка Баилов.

– Тебе подыскать красивую жену или уже присмотрел кого-нибудь? – словно издали звучит голос отца. – В наши дни юноши довольно часто сами выбирают себе жен.

– Я хочу жениться на Нино Кипиани.

Ни единый мускул не дрогнул на лице отца. Правой рукой он ворошит конскую гриву.

– Нино Кипиани, – произносит он. – У нее слишком узкие бедра. Хотя я думаю, у всех грузинок такие бедра. Несмотря на это, дети у них рождаются здоровыми.

– Отец!

Я не совсем понимаю причину своего раздражения. Он искоса поглядывает на меня и улыбается.

– Ты все еще очень молод, Али-хан. Женские бедра имеют куда большее значение, чем знание языков. Ну и когда ты женишься на ней? – спрашивает он с абсолютным равнодушием.

– Осенью, после того, как Нино окончит школу.

– Очень хорошо. Тогда в мае следующего года у вас уже будет ребенок.

Май – удачный месяц.

– Отец!

Я вновь почему-то прихожу в ярость. Мне кажется, отец издевается надо мной. Я не женюсь на Нино из-за ее бедер или знания языков, я женюсь на ней, потому что люблю ее. Отец улыбается. Затем он останавливает коня и говорит:

– Степь широка и пустынна. Мы можем остановиться на любом холме и позавтракать. Я голоден. Давай передохнем здесь.

Мы сходим с коней. Отец вынимает из мешка каравай хлеба и овечий сыр. Но я не голоден. Мы лежим на песке, он ест и глядит вдаль. Затем лицо его становится серьезным, он поднимается и садится, скрестив ноги, прямо как будто аршин проглотил.

– Очень хорошо, что ты решил жениться. Я трижды был женат. Но жены умирали, как мрут мухи осенью. Теперь же, как видишь, я не женат.

Но когда ты женишься, может, и я женюсь. Твоя Нино христианка. Не позволяй ей являться к нам со своей верой. Женщина – хрупкий сосуд. Не забывай об этом. Не бей ее, когда она беременна. Но помни: ты – хозяин, а она всего лишь твоя тень. Ты же знаешь, что каждый мусульманин может иметь по четыре жены. Но тебе лучше довольствоваться одной. Разве что если у Нино не будет детей. Тогда другое дело. Не изменяй жене. Жена твоя имеет право на каждую каплю твоего семени. Прелюбодея ждуть вечные муки. Будь с ней терпелив. Женщины как дети, только хитрее и злее. Это тоже важно знать. Осыпь ее подарками, если хочешь, одень ее в шелка и украшения. Но если тебе когда-нибудь понадобится совет, обратись к ней и поступи наоборот. Наверное, это самое важное из того, что тебе следует знать.

– Но, отец, я люблю ее.

Он качает головой:

– Вообще-то, любовь к женщине не поощряется. Мужчина должен любить родину или войну. Некоторые любят красивые ковры или редкие виды оружия. Но любовь мужчины к женщине все-таки случается. Отсюда песни о любви Лейли и Меджнуна или любовные газели Хафиза. Всю свою жизнь Хафиз воспевал любовь. Всезнающие люди говорят: «Хафиз ни разу не спал с женщиной. А Меджнун был всего лишь сумасшедшим». Поверь мне: мужчина должен заботиться о женщине, но любить должна женщина. Такова воля Аллаха.

Я молчал, да и отец не произнес больше ни слова. Возможно, он был прав! Любовь не самое важное занятие в мире для мужчины. Просто я еще не дорос до отцовской мудрости. Вдруг отец рассмеялся и весело воскликнул:

– Ну хорошо, я завтра же отправлюсь к князю Кипиани и поговорю с ним об этом. Или, может, сегодняшняя молодежь предпочитает сама делать предложение?

– Я сам поговорю с Кипиани, – быстро ответил я.

Мы вновь оседлали коней и поскакали в поселок Баилов. Вскоре показались нефтяные вышки Биби-Эйбата, напоминающие зловещий черный лес. В воздухе витал запах нефти. У фонтанирующих скважин стояли грязные рабочие. Проезжая мимо баиловской тюрьмы, мы вдруг услышали выстрелы.

– Кого-то расстреляли? – спросил я.

Нет, на этот раз это был не расстрел. Выстрелы раздавались со стороны казарм Баиловского гарнизона. Там проходили военные учения.

– Хочешь увидиться с друзьями? – спросил отец.

Я кивнул. Мы въехали на учебный плац, где Ильяс-бек и Мухаммед Гейдар проводили занятия в своих ротах. С их лиц стекал пот.

– Направо! Налево! Направо! Налево!

Мухаммед Гейдар выглядел очень серьезным. Ильяс-бек же напоминал покорную чужой воле марионетку. Они подошли к нам и поздоровались.

– Ну, как тебе нравится в армии? – спросил я.

Ильяс-бек молчал. Мухаммед Гейдар оглянулся назад.

– Как бы то ни было, здесь лучше, чем в школе, – угрюмо заявил Мухаммед Гейдар.

– К нам приезжает новый командир. Граф Меликов из Шуши! – заявил Ильяс-бек.

– Меликов? Я знаю его. Не тот ли это Меликов, владелец гнедого?

– Именно он. По гарнизону уже ходят легенды о его коне.

Мы молчали. На учебном плацу лежал толстый слой пыли. Ильяс-бек мечтательно взглянул на ворота, всем своим видом выражая зависть и сильное желание оказаться по ту сторону. Отец хлопнул его по плечу:

– Не завидуй свободе Али-хана. Тем более он уже собирается проститься с ней.

Ильяс-бек смущенно рассмеялся:

– Да, но он подарит свою свободу Нино.

Мухаммед Гейдар с любопытством вытянул голову:

– Ха, самое время жениться.

Он был мужем с большим стажем. Жена его носила чадру. Ни Ильяс-бек, ни я не знали о ней ничего, кроме ее имени. Он снисходительно посмотрел на меня, нахмурил и без того низко расставленные брови и произнес:

– Теперь ты узнаешь, почем фунт лиха.

В его устах эта фраза прозвучала очень глупо. Что Мухаммед Гейдар и его укрытая чадрой жена могли знать о жизни? Я распрощался с друзьями, и мы ускакали.

Вернувшись домой, я разлегся на диване. В азиатской комнате всегда прохладно. В ночное время она наполняется прохладой, как родник водой. А в полуденный зной кажется, что окунулся в холодную воду. Вдруг зазвонил телефон. Это была Нино.

– Али-хан, я умираю от жары и математики. Поможешь?

Через десять минут Нино протягивала мне тонкие руки. Ее нежные пальчики были испачканы чернилами. Я принялся целовать эти чернильные пятна.

– Нино, я поговорил с отцом. Он согласен.

Нино затрепетала и рассмеялась. Затем она смущенно оглядела комнату и покраснела. Мы стоим так близко, что я заглядываю в ее расширенные зрачки.

– Али-хан, я боюсь, я так боюсь, – шепчет она.

– Чего ты боишься? Неужели экзамена?

– Нет.

Она отворачивается и смотрит на море. Затем проводит рукой по волосам и читает: «Али-хан, поезд направляется из города Икс в город Игрек со скоростью пятьдесят километров в час...»

Любимая! Я склоняюсь над ее учебниками.

Глава 13

Густой туман с моря окутал город. Фонари на перекрестках горели тусклым светом. Я бежал по бульвару мимо то появляющихся, то исчезающих равнодушных или испуганных лиц. Споткнувшись о деревянную доску, брошенную поперек дороги, я упал на портового рабочего – амбала, сидевшего на корточках. Глаза его были подернуты пеленой и уставились куда-то вдаль. Большой рот подергивался, он жевал гашиш и пребывал в забытьи. Я стукнул его кулаком по спине и побежал дальше. Окна портовых домишек подмигивали мне. Я наступил на стекло, которое тут же сломалось под ногами, и увидел перекошенное от ужаса лицо какого-то иранца. Вдруг передо мной вырос живот. Зрелищность этой жирной человеческой плоти совсем вывела меня из себя: я изо всех сил ударил его головой. Живот был мягким и жирным.

– Добрый вечер, Али-хан, – добродушно произнес голос.

Я поднял голову и увидел над собой улыбающееся лицо Нахараряна.

– Черт побери! – воскликнул я и уже готов был убежать, как он схватил меня за руку.

– Вы чем-то расстроены, друг мой. Оставайтесь здесь, – предложил он по-дружески.

Я вдруг почувствовал ужасную усталость и, обессиленный и весь истекающий потом, не смог двинуться дальше.

– Пойдем к Филипосянцу, – предложил он.

Я кивнул. Мне было все равно. Он взял меня за руку и повел вдоль Барятинской улицы к большой кофейне. Когда мы погрузились в глубокие кресла, он сочувственно сказал:

– Горячность, кавказская горячность. Возможно, из-за этой угнетающей жары. А может, есть другая причина, по которой ты куда-то так стремительно бежишь?

В этой кофейне с мягкими креслами и обтянутыми красным шелком стенами, прихлебывая горячий чай, я рассказал Нахараряну обо всем, что стряслось: как я позвонил супругам Кипиани, попросив разрешения явиться к ним сегодня, как Нино украдкой выбежала из дому, как я поцеловал руку княгине и пожал руку князю, как я им поведал о нашем старинном происхождении и доходах нашей семьи, как я просил руки княжны Нино на таком идеальном русском, что даже сам царь бы позавидовал.

– И что же, друг мой? – искренне поинтересовался Нахарарян. – А потом?

– Нет, ты только послушай! – Я стал имитировать движения и легкий грузинский акцент князя: «Сын мой, уважаемый хан. Поверьте мне, лучшего мужа, чем вы, своей дочери я не пожелал бы. Какой счастливой должна быть та, на которую пал выбор такого мужчины, как вы. Но Нино еще молода. Она все еще школьница, в конце концов. Что может девочка в ее возрасте знать о любви? Ведь мы не собираемся перенимать обычаи индусов и отдавать дочерей замуж в таком возрасте. И потом, существуют еще различия в религии, воспитании, происхождении. Я говорю это ради вашего же блага и уверен, что ваш отец согласился бы со мной. И потом, в такое тяжелое время, когда кругом воюют... Бог знает что с нами со всеми будет. Я не хочу препятствовать ей в выборе. Но давайте оставим пока все как есть, давайте подождем конца войны. Да и вы оба к тому времени подрастете. И если вы не измените своего решения, мы вернемся к этому разговору».

– И как вы собираетесь поступить, хан? – спросил Нахарарян.

– Похитить Нино и увезти ее в Иран. Я не потерплю такого унижения! Отказать Ширванширу! Кем он себя возомнил? Я чувствую себя опозоренным, Нахарарян. Род Ширваншир древнее рода Кипиани. Во времена шаха Аги Мухаммеда мы разгромили всю Грузию. Тогда-то любой Кипиани с радостью согласился бы выдать дочь за Ширваншира. Что он имеет в виду, говоря о различии в вероисповедании? Христианство лучше ислама? А как же моя честь? Собственный отец станет смеяться надо мной. Христианин отказался выдать за меня свою дочь. Мы, мусульмане, – волки, потерявшие зубы. Сто лет тому назад...

Ярость душила меня, мешала говорить. Ну и ладно. Я и так наговорил столько всего. Нахарарян тоже был христианином. Он имел полное право обидеться, однако отнесся ко мне с пониманием:

– Я понимаю вашу ярость. Но он же вам не отказал. Конечно же, глупо ждать окончания войны. Он просто не понимает, что его дочь уже выросла. Вы правильно решили похитить ее. Очень старый и добрый обычай и вполне соответствует традициям нашей страны. Хотя, конечно же, к этому следует прибегнуть лишь в самом крайнем случае. Кто-то должен объяснить князю культурно-политическое значение этого брака. Тогда бы, я уверен, он смирился.

– Кому же доверить эту роль?

Нахарарян похлопал себя широкой ладонью по груди и воскликнул:

– Я сам займусь этим! Можете полагаться на меня, хан!

Я, пораженный, посмотрел на него. Что затеял этот армянин? Он уже во второй раз вмешивается в мою жизнь. Может, он пытается завести друзей среди мусульман, прознав о том, что к городу продвигаются турки. А может, он действительно собирается объединить кавказские народы. Мне до этого нет никакого дела. Очевидно, он был союзником. Я протянул ему руку. Он задержал ее в своей:

– Предоставьте это мне. Я буду держать вас в курсе. И никаких похищений. Оставьте это на крайний случай.

Я поднялся, чувствуя, что этому человеку можно доверять. Я обнял его и вышел из кофейни. На улице я понял, что кто-то идет за мной. Обернувшись, я увидел старого друга отца Сулейман-агу. Он сидел в кофейне и заметил нас. Рука тяжело опустилась на мое плечо:

– Какой позор. Ширваншир обнимает армянина.

Я открыл от удивления рот. Но он уже растворился в тумане. Я пошел дальше. Как хорошо, подумал я, что я не рассказал отцу, почему ходил в дом Кипиани сегодня. Я ему только скажу, что не говорил с ними. Уже вставляя ключ в замочную скважину двери, я задумчиво покачал головой:

– Ну не глупо ли так ненавидеть армян.

Все следующие недели моя жизнь вертелась вокруг телефонного аппарата. Эта штука с большой кривой ручкой вдруг приобрела огромное значение. Я день за днем проводил дома и бормотал что-то невнятное, пока отец не спросил меня, почему я тяну с предложением. Время от времени черное чудовище издавало звон, я снимал трубку и принимал от Нино сводки с поля боя:

– Это ты, Али? Слушай, Нахарарян сидит с мамой, обсуждая поэмы ее деда, поэта Илико Чавчавадзе.

И чуть позже:

– Али, ты слышишь меня? Нахарарян говорит, что на эпоху Руставели и Тамары сильно повлияла иранская культура.

И опять через некоторое время:

– Али-хан! Нахарарян пьет чай с папой. Он только что сказал: «Вся прелесть этого города в мистической связи между нациями».

Через полчаса:

– Он проливает мудрость, как крокодил слезы. Говорит: «Баку – кузница мирных кавказцев».

Я рассмеялся и повесил трубку.

И так продолжалось изо дня в день. Нахарарян ел, пил и сидел в гостях у Кипиани. Он ходил с ними на экскурсии, давал им то практические, то нереальные советы. Я изумленно следил за всем этим представлением в

армянском исполнении.

– Нахарарян говорит, что первым олицетворением денег была луна. Золотые монеты и их власть над людьми – результат культа луны у народов Кавказа и Ирана. Али-хан, у меня больше сил нет выслушивать всю эту ерунду. Приходи в сад.

Мы встретились у старой крепостной стены. Она быстро и спешно стала рассказывать мне, как мать умоляла ее не связывать свою жизнь с диким мусульманином. Как ее отец полушутя предупредил ее, что я, конечно же, запру ее в гареме, и как она – маленькая Нино, смеялась и предостерегала родителей: «Вот увидите – он похитит меня. Что вы будете делать?»

Я гладил ее волосы. Я хорошо знал свою Нино. Она всегда добивается того, чего хочет, даже если толком и не знает, что ей нужно.

– Эта война может продолжаться двадцать лет, – сетовала она. – Ну не жестоко ли заставлять нас ждать столько времени?

– Ты меня настолько сильно любишь, Нино?

Губы ее задрожали.

– Мы принадлежим друг другу. Родители лишь все усложняют. Но я не сдамся. Более того, я действительно люблю тебя. Но заклинаю, не похищай меня.

Нино умолкла, ибо невозможно было целоваться и говорить одновременно. Затем она прокралась незаметно домой, и вновь началась телефонная игра:

– Али-хан, Нахарарян говорит, его двоюродный брат в Тифлисе написал ему о том, что губернатор выступает в поддержку смешанных браков. Он называет это слиянием восточной и западной культур. Тебе это о чем-нибудь говори?!

Нет, я не понимал этой фразы. Я лишь слонялся по дому, стараясь особо не разговаривать. Моя двоюродная сестра Айша, учившаяся с Нино в одном классе, сообщила о том, что Нино за последние три дня получила пять раз неудовлетворительные оценки и все говорят, что виноват в этом я. Мне следует больше думать об успеваемости Нино, нежели о ее будущем. Какой стыд. Я сыграл с Айшой партию в нарды и проиграл. Зато довольная Айша пообещала помочь Нино с уроками.

И снова телефонный звонок:

– Это ты? Они часами беседуют о политике и делах. Нахарарян говорит, что завидует мусульманам, поскольку те могут свободно вкладывать деньги в поместья в Иране. Кто знает, какая участь постигнет Россию. Может быть, она развалится на кусочки. Лишь мусульмане могут

покупать землю в Иране. Он точно знает, что уже половина гиланских земель принадлежит семье Ширваншир. Конечно же, от любого переворота в России лучше всего застраховаться, купив поместья в других странах. Родители впечатлены. Мама говорит, что некоторые мусульмане очень даже цивилизованные.

Через пару дней армянские походы увенчались успехом. Нино смеялась и плакала по телефону. Мы получили благословение родителей. Аминь.

– Пусть твой отец сам позвонит мне. Он оскорбил меня.

– Предоставь это мне.

Все произошло именно так. Голос князя звучал мягко и елебно:

– Я прислушался к словам своей дочери. Ее чувства к вам действительно искренни и чисты. Грешно стоять поперек ее воли. Приходите к нам, Али-хан.

Я отправился к Кипиани. Княгиня заплакала и поцеловала меня. Князь торжественно заговорил о браке, употребляя фразы, отличные от того, что наговорил мне отец, который никогда не утверждал, что брак зиждется на взаимном доверии и уважении. Муж и жена должны помогать друг другу словами и поступками. И никогда не забывать о равноправии и свободе. Я торжественно пообещал не заставлять Нино надевать паранджу и не заводить гарема. Вошла Нино, и я поцеловал ее в лоб. Втянув голову в плечи, она походила на беспомощного птенца.

– Однако это решение пока не надо оглашать, – заявил князь. – Нино должна прежде всего закончить гимназию. Дочь моя, учись хорошо. Если не сдашь экзамены, тебе придется ждать еще один год.

– Не беспокойся, папа, – ответила Нино, вздернув свои словно вычерченные карандашом брови. – Я выдержу оба испытания – и в лицее, и в семейной жизни. И Али-хан мне в этом поможет.

Нахарарян ждал меня в автомобиле, когда я выходил из дома. Он подмигнул мне своими выпученными глазами.

– Нахарарян! – воскликнул я. – Что тебе подарить: конюшню или деревню в Дагестане, а может, ты хочешь иранский орден или апельсиновый сад в Энзели?

– Ни того ни другого, – ответил он, хлопнув меня по спине. – Я счастлив, что смог повлиять на чью-то судьбу. Мне этого достаточно.

Я с благодарностью взглянул на него. Мы выехали из города в направлении Биби-Эйбатской бухты. Там, где черные устройства терзали пропитанную нефтью землю. Семейство Нобель меняло пейзаж с тем же усердием, что и Нахарарян, изменивший мою судьбу. Огромная часть моря

уже была засыпана землей. И новый участок суши больше не принадлежал морю, хотя и не слился пока с большой землей. Однако какой-то предприимчивый делец уже построил чайхану на этом участке. Мы сели и заказали кяхта-чай, самый лучший чай в мире, крепкий, как алкоголь. Опьяненный ароматом чая, Нахарарян долго рассказывал о турках, которые захватят Карабах, и об истреблении армян в Малой Азии. Я не очень прислушивался к его рассказам.

– Не беспокойся, – успокоил его я. – Если турки войдут в Баку, я укрою тебя в своем доме.

– Я и не боюсь, – ответил Нахарарян.

Высоко над морем, за островом Наргин, светили звезды. На берег опустилась тишина. «Море и берег подобны мужчине и женщине, объединенным вечной борьбой». Я уже не помнил, принадлежала ли эта фраза мне или ему. Нахарарян отвез меня домой.

– Кипиани благодарит тебя за честь, оказанную семейством Ширваншир его семье. Нино – моя невеста. Можешь завтра сходить к ним и уладить остальные вопросы, – сообщил я отцу.

Я был очень уставшим и счастливым.

Глава 14

Дни сменились неделями, недели – месяцами. За это время столько всего произошло в мире, в стране и у нас дома. Ночи стали длиннее, Губернаторский садик уже стоял усыпанный опавшими желтыми листьями. Горизонт от осенних дождей потемнел. На поверхности моря покачивались льдины, разбивающиеся о скалистый берег. Однажды утром выпал белый и нежный, как бархат, снег. Но зима держалась недолго. Вскоре ночи вновь стали короче.

В город грустной поступью возвращались верблюды с застрявшим песком в желтоватой шерсти и взглядом, устремленным в вечность. Они тащили на своих горбах ящики с боеприпасами и винтовками – трофеи, захваченные в суровых сражениях. По городу колоннами передвигались турецкие военнопленные в сером изорванном обмундировании и с синяками на теле. Они направлялись к морю, откуда на небольших паромах перевозились на остров Наргин, чтобы умереть от поноса, голода или тоски по родине. Беглецов же ожидала смерть в иранских степях или темных водах Каспия. Война, начавшаяся так далеко от нас, внезапно приблизилась к нам вплотную. С севера прибывали поезда, забитые солдатами. Один из таких поездов, наполненный ранеными, прибыл с западного направления. Уволивший своего дядю, царь теперь сам управлял десятиmillionной армией. Дядя же командовал войсками на Кавказе, и его необъятная темная тень нависла над нашей страной.

Великий князь Николай Николаевич! Своей длинной костистой рукой он достал даже сердце Анатолии. Его войска яростно сокрушали все на пути. Перевалив через снежные горы и песчаные степи, гнев великого князя достиг Трабзона и дошел до Стамбула. Люди прозвали его Николаем Долгоруким и с ужасом рассказывали о его безумии и жажде кровавых сражений. В войну ввязались многие страны. Линия фронта простиралась теперь от Афганистана до Северного моря, а страницы газет пестрели именами королей, генералов и названиями стран, как тела павших героев – ядовитыми мухами.

И вновь наступило лето. Город окутал палящий зной, асфальт на улицах плавился под ногами. На востоке и западе праздновали победу. Я просиживал дни в чайхане или кофейнях, навещал друзей и слонялся по дому. Многие упрекали меня за дружбу с армянином Нахараряном. Дивизия Ильяс-бека все еще оставалась в городе, проводя военные учения

на пыльном плацу. Опера, театр и кинотеатры работали, как и до войны. Много всего произошло, но ничего не изменилось в мире, городе или у меня дома.

Измученная занятиями в школе, Нино приходила к нам, и я гладил ее гладкую кожу. В глазах ее затаился пытливый страх. Кузина Айша сообщила мне, что учителя будущей мадам Ширваншир снисходительно ставили в журнале «удовлетворительно». Когда мы с Нино прогуливались по улице, ее подруги по лицу провожали нас долгим взглядом. Мы ходили в городской клуб, театр, на балы, и от сопровождающих никогда не было отбоя. Наши друзья окружали нас плотной стеной своей пугающей доброжелательности – Ильяс-бек, Мухаммед Гейдар, даже благочестивый Сеид Мустафа, – и им редко удавалось договориться между собой. Когда богатый толстяк Нахарарян попивал шампанское, разглагольствуя о взаимной любви между кавказскими народами, Мухаммед Гейдар мрачнел и говорил:

– Полагаю, господин Нахарарян, вам незачем об этом беспокоиться. После войны здесь мало кто из армян останется.

– Но Нахарарян-то уж точно останется! – кричала Нино.

Нахарарян отмалчивался, потягивая шампанское. Ходили слухи, что он переводил все деньги в Швецию. В любом случае мне было все равно. Когда я попросил Мухаммеда Гейдара обходиться с Нахараряном мягче, он нахмурился и произнес:

– Аллах знает, почему я не выношу этих армян.

И вот наступил день, когда Нино стояла в экзаменационном зале гимназии Святой царицы Тамары, доказывая свою зрелость математическими задачами, цитатами из классиков, историческими датами, а в минуту отчаяния прибегая к очарованию своих больших грузинских глаз. Ход сработал – она сдала экзамены.

Когда после бала, устроенного в честь окончания экзаменов, я забрал сияющую от счастья Нино домой, старый Кипиани произнес:

– Теперь-то вы уж действительно помолвлены. Собирайте чемоданы, Али-хан. Мы едем в Тифлис. Я должен познакомить вас с родственниками.

И мы поехали в Тифлис, столицу Грузии.

* * *

Тифлис походил на семейные джунгли, и у каждого дерева в этих

зарослях было свое имя: дяди, двоюродные братья и тети. В семейных джунглях немудрено было потеряться. Имена, звучащие, как старинная сталь, пронизывали слух: Орбелиани, Чавчавадзе, Церетели, Амилахвари, Абашидзе. А в садах Дидубе, раскинувшихся на окраине города, грузинские музыканты играли «Мравалжамиер», кахетинскую боевую песню, и дикую хевсурскую «Лило». Приехавший из Кутаиси двоюродный брат Абашидзе пел «Мгали Делиа», песню имеретинских горцев. Дядя отплясывал давлури, а старый седовласый мужчина, выскочив на ковер на зеленой лужайке, застыл в позе «Бухнаха». Пир продолжался всю ночь. Когда за холмами едва показалось солнце, музыканты стали петь гимн «Восстань, царица Тамара, Грузия рыдает о тебе». Мы с Нино тихо сидели за столом. Вдруг засверкали кинжалы и сабли. Начался грузинский танец ножей в исполнении толпы двоюродных братьев. Танец исполнялся уже на заре и выглядел как сценическое представление. Настолько неестественным и далеким он казался.

Я прислушивался к беседам соседей по столу. Голоса раздавались эхом из далеких времен:

– Под командованием Саакадзе Церетели защищал Тифлис от Чингисхана.

– Вам, конечно же, известно, что мы, Чавчавадзе, древнее княжеского рода Багратиони.

– Первый Орбелиани, говорите? Он пришел сюда из Китая три тысячи лет тому назад и приходился сыном самому императору. У некоторых потомков Орбелиани до сих пор раскосые глаза...

Я смущенно огляделся. Род Ширваншир с его несколькими поколениями на этом фоне, несомненно, проигрывал. Но Нино поддержала меня:

– Не обращай внимания, Али-хан. Конечно же, родословная моих двоюродных братьев очень древняя и благородная, но где находились их предки, когда ваши завоевали Тифлис?

Я лишь благодарно промолчал в ответ. Даже сейчас, посреди своей родни, Нино вела себя как жена Ширваншира. Я почувствовал гордость за нее.

– Это вино – чистое, ибо в нем присутствует дух Бога. Хмель – от дьявола. Но не все об этом знают. Пей, Али-хан! – шептала мне, наклонившись к самому уху, какая-то пожилая женщина.

Красное кахетинское вино напоминало огненную жидкость. Я не решался, но в конце концов поднял свой бокал в честь семьи Орбелиани.

Когда мы вернулись в город, солнце все еще светило. Я хотел сразу же

отправиться в гостиницу, но один из двоюродных братьев Нино, а может, это был и дядя, удержал меня:

– Вчера вечером ты был у Орбелиани, сегодня же ты мой гость. Мы позавтракаем в Пургвино, а на обед приедут друзья.

Я оказался в плену у грузинского великодушия. Так продолжалось всю неделю. Алазанское или кахетинское вино, жареная баранина и сыр мотал – меню все повторялось и повторялось. Двоюродные братья сменяли караул как солдаты фронта грузинского гостеприимства. Не менялись лишь я и Нино. Я восхищался выносливостью Нино. В конце недели она оставалась свежей, как весенняя роса, не переставая смеяться и болтать с многочисленными кузенами и тетушками. Лишь по едва различимым хрипам в голосе можно было догадаться, что она целыми днями танцевала, пила вино и лишь изредка спала.

Наутро восьмого дня нашего пребывания в Тифлисе в мою комнату постучались двоюродные братья Сандро, Додико, Вамеш и Сосо. Я, как трусливый заяц, юркнул под одеяло.

– Али-хан, сегодня тебя приглашает Дшакелис, и мы собираемся поехать к ним в имение в Каджори, – безжалостно вынесли они приговор.

– Я сегодня никуда не поеду, – мрачно ответил я. – Сегодня для меня, бедного мученика, откроются врата рая, и архангел Михаил своим огненным мечом проложит мне туда путь, ибо я погиб как праведник.

Братья обменялись недоуменными взглядами и разразились громким и безжалостным хохотом.

– Сера, – односложно отозвались они.

– Сера? – переспросил я. – Так вы про ад. Я же собираюсь в рай.

– Нет, – ответили братья. – Мы про серу.

Я попытался приподняться в постели. Голова отяжелела, конечности болтались, словно совсем не принадлежали моему телу. Я взглянул на свое отражение в зеркале и ужаснулся бледному зеленовато-желтому цвету лица с потухшими глазами.

– Ну да, – произнес я, – все дело в огненной жидкости. – Мне вспомнилось кахетинское вино. Поделом мне. Мусульманину не пристало пить.

Я, по-старчески постанывая, выполз из постели. Братья не думали уходить. Как же похожи они были с Нино: те же глаза, те же стройные гибкие тела с гордой осанкой. Грузины мне напоминают благородных оленей, скитающихся в лесах, населенных азиатами. Никакому другому восточному народу не присущи такое обаяние и такие изящные движения, потрясающая жажда жизни и здорового времяпровождения.

– Мы сообщим Нино, – сказал Вамеш, – что будем в Каджори где-то через четыре часа. К тому времени ты поправишься.

Он вышел, и я уловил обрывок телефонного разговора:

– Али-хан вдруг неважно себя почувствовал. Мы отвезем его на серные источники. Сообщите княжне Нино, чтобы отправлялась с семьей в Каджори. Мы их скоро догоним. Да нет, ничего серьезного. Так, легкое недомогание.

Я нехотя оделся. Голова кружилась. Как же сильно отличались грузинские застолья от спокойных и величественных приемов в доме моего дяди в Тегеране. Там мы пили крепкий чай и говорили на философские и поэтические темы. Здесь же грузины пили вино, танцевали, смеялись и пели, как гибкие и твердые стальные пружины. Это ли были врата в Европу? Конечно же нет. Они были частью нас, сильно отличаясь в то же время от нас. Да, врата, но куда они вели? Возможно, к последней стадии мудрости, граничащей с небрежной игривостью. У меня не было на это ответа.

Я так устал, что с большим трудом спускался по лестнице. Мы сели в фаэтон.

– На источники! – выкрикнул Сандро.

Фаэтонщик ударил хлыстом лошадь. Мы подъехали к большому зданию с куполом, которое находилось в квартале под названием Мейдан. В дверях стоял полуголый костлявый мужчина. Он больше походил на скелет, нежели на живого человека. Скелет уставился куда-то мимо нас.

– *Гамарджоба*, Мекиссе! – выкрикнул Сандро. Тот быстро вернулся в сознание. Он низко поклонился и произнес:

– *Гамарджоба, таеади*. Доброго вам дня, князь! – И открыл дверь.

Большой теплый коридор был уставлен скамейками с сидящими на них голыми телами. Мы разделись и прошли по коридору во вторую комнату. На полу были квадратные отверстия, заполненные горячей серной водой, источающей горячий пар. Я, словно пребывая во сне, слышал голос Сандро:

– Жил-был князь. Однажды он выбрался на охоту и выпустил своего сокола в погоню за тетеревом. Однако ни сокол, ни тетерев не вернулись. Тогда он отправился на их поиски и набрел на речушку с серными водами, в которой утонули сокол и тетерев. Таким образом, князь открыл серные источники и заложил фундамент города Тифлиса. И вот теперь мы находимся в этой бане, а Мейдан снаружи – роща, через которую текла та речушка. Тифлис начался с серы, и с серой же он закончится.

Куполообразная комната наполнилась серным запахом. В бане воняло

тухлыми яйцами. Тела двоюродных братьев были влажными и блестящими. Я растер грудь рукой, и кожа пропиталась серой. Мне вспомнились все воины и победители, участвовавшие в завоевании этого города и окунувшиеся в этот родник: Хорезмир Джелал-ад-Дин, Хромой Тимур, Джагатай, сын Чингисхана. Хмельные и отяжелевшие от пролитой крови, они вошли в серный родник, чтобы вновь обрести легкость и живость.

– Хватит, Али-хан, выходи. – Голос двоюродного брата прервал мои размышления о купающихся воинах. Я вылез из воды и направился в смежную комнату, чтобы распластаться на каменной скамье.

– Мекиссе! – выкрикнул Сандро.

Мужчина, встретивший нас в дверях, оказался массажистом. Он вошел голый, с тюрбаном на голове. Мне велели лечь на живот. Массажист взобрался на спину и принялся топтать ее легкими шажками, будто пританцовывая на ковре. Затем он впился своими пальцами-крюками в мою кожу и стал массировать мои руки так, что слышно было, как хрустят кости. Кузены стояли рядом, щедро раздавая инструкции:

– Еще раз выверни ему руки, Мекиссе, ему нездоровится.

– Прыгни еще раз ему на спину, вот так вот, а теперь помни ему левый бок.

Должно быть, было очень больно, но я не почувствовал ничего. Я лежал, покрытый белой мыльной пеной, расслабившись под умелой рукой Мекиссе, и единственное, что я чувствовал, – это как все мои мышцы становились свободными и воздушными.

– Достаточно, – произнес Мекиссе и вновь принял позу пророка.

Я поднялся. Все тело ломало. Я побежал в соседнюю комнату и окунулся в ледяной холодный серный поток второй ванны. На минуту у меня остановилось дыхание. Конечности вновь обрели эластичность и налились энергией.

Я вернулся, обмотанный в белую простыню. Двоюродные братья и Мекиссе выжидающе смотрели на меня.

– Я голоден, – с достоинством ответил я и сел, скрестив ноги, на одной из скамеек.

– Он в порядке! – зашумели двоюродные братья. – Принесите арбуз, сыра, овощей и вина, да по-быстрому!

Мы лежали в предбаннике и пировали. Я напрочь забыл о слабости и усталости. Вкус серы заменил аромат красной мякоти ледяного арбуза. Двоюродные братья потягивали белое вино – напареули.

– Ну что я вам говорил, – произнес Додико и не завершил своей фразы, поскольку она уже имела всеобъемлющий смысл: его гордость за родные

серные бани, чувство жалости к иностранцу, который загнулся под тяжестью грузинского гостеприимства, и по-братски дружеское заверение в том, что он, Додико, понимал и прощал мусульманина за его слабость.

Наш круг постепенно расширялся. Входили соседи, полуголые, с бутылками вина в руках. Князя и их кредиторы, прихлебатели, слуги, мудрецы, поэты и горцы мирно сидели вместе – яркий пример грузинского равенства. Баня мгновенно превратилась в клуб-кофейню или всего лишь в сборище счастливых полуголых, беззаботно веселящихся людей. Время от времени слышались серьезные слова, наполненные мрачным пророчеством.

– Османцы наступают, – произнес мужчина с маленькими глазами. – Великий князь не захватит Стамбул. Я слышал, что немецкий генерал построил там пушку. Когда она загремит, удар придется по Ционскому куполу в Тифлисе.

– Ты не прав, князь, – произнес мужчина с продолговатым лицом.

– Эта пушка еще не построена, она существует лишь в планах. Но даже после ее появления Тифлис нельзя будет разрушить с ее помощью. Все имеющиеся у немцев карты неправильные. Их составили русские еще до войны. Понимаете? Русские карты – как им вообще можно доверять?

В углу кто-то облегченно вздохнул. Я повернулся и увидел седовласого мужчину с длинным носом с горбинкой.

– Бедная Грузия, – вздохнул седовласый. – Мы находимся меж раскаленных клещей. Если победят немцы – земле царицы Тамары придет конец. Что же нас ждет в случае победы русских? У бледного царя есть все, что он пожелает, но пальцы великого князя все сильнее хватают нас за глотку. Даже сейчас наши сыновья – лучшие из лучших – погибают на полях битв. Всех оставшихся в живых задушат либо османцы, либо великий князь, либо другой какой-нибудь враг, будь то машина или Америка. Наш боевой дух погас. Пришел конец земле царицы Тамары. Посмотрите-ка: наши воины низкого роста и худы, урожай беден, а вино – кислое.

Седовласый замолчал и тихо засопел. Никто не произнес ни слова. Вдруг послышался чей-то тревожный приглушенный голос:

– Они убили благородного Багратиони. Он женился на одной из царских племянниц, и русские так и не простили ему этого. Сам царь велел ему вступить в Эриванский полк и выйти на линию фронта. Багратион сражался как лев и упал замертво, сраженный восемнадцатью пулями.

Двоюродные братья молча потягивали вино. Я уставился на пол.

«Багратиони, – думал я, – самый древний и благородный род в

христианстве. Седовласый прав. Грузия находится в раскаленных клещах».

Послышался еще один голос:

– У него остался сын Теймураз Багратиони, настоящий князь. Кому-то удалось спасти его.

Вновь воцарилось молчание. Мекиссе все еще стоял тенью у дверей в той же позе пророка. Затем вмешался Додико. Он вытянулся и довольно зевнул:

– В какой же прекрасной стране мы живем. Серные бани и город, война и кахетинское вино. Взгляните на Алазань, стекающую по равнине! Как же замечательно быть грузином, даже если Грузия находится на грани смерти. В вашем голосе слышится безнадежность. Но на земле царицы Тамары всегда так было. Несмотря на все это, наши реки продолжают течь, наши виноградники растут, а люди танцуют. И вообще Грузия – справедливая страна. Она останется такой, несмотря на всю безнадежность.

Молодой и стройный, с веселыми глазами и бархатной кожей, потомок певцов и героев, он поднялся. Седовласый в углу довольно улыбнулся:

– Ей-богу, пока у нас такая молодежь...

– Али-хан, не забудь, что сегодня ты приглашен к Дшакелисам в Каджори, – сообщил мне Вамеш.

Мы поднялись, оделись и вышли. Фэтонщик погнал лошадь, и Вамеш принялся повествовать:

– Дшакелисы – потомки старинного дворянского рода...

– Я и не сомневался! – весело рассмеялся я, вновь почувствовав себя счастливым.

Глава 15

Мы с Нино сидели в кафе «Мефистофель» на Головнинской улице, созерцая гору Давида с большим монастырем. Родня Нино решила дать нам передышку. Я знал, о чем думает Нино. Там, на вершине горы Давида, находилась могила, у которой мы побывали. В могиле той покоился поэт и царский посланник Александр Грибоедов. Эпитафия на надгробии гласит: «Ум и дела твои бессмертны, но почему пережила тебя любовь Нино?»

Ее звали Нино Чавчавадзе. Нино было шестнадцать лет, когда министр и поэт взял ее в жены. А Нино, сидящая рядом со мной, приходилась ей внучатой племянницей. Той Нино было семнадцать лет, когда толпа тегеранцев окружила дом русского министра с криками: «О Али Салават, о святой Али!» У министра в распоряжении были лишь короткая сабля и револьвер. Кузнец с улицы Сули-Султан разможил ударом молота грудь министра. И даже несколько дней спустя на улице все еще валялись куски человеческой плоти и голова, обглоданная собаками. Это было все, что осталось от Александра Грибоедова, поэта и царского посланника. Фатали-шах Каджар был доволен. Такой исход осчастливил и его наследника – Аббас-мирзу. Мудрец и фанатик, Мешхи-ага, участвовавший в подстрекательстве к этому бунту, получил большое вознаграждение, а моему прадеду Ширванширу было даровано поместье в Гилане.

Все это случилось сто лет тому назад. Сейчас же мы сидели на террасе «Мефистофеля» – я, Ширваншир, и она, Нино, внучатая племянница Грибоедова.

– Мы должны быть кровными врагами, Нино, – произнес я, кивнув в сторону горы. – Ты поставишь мне такой же красивый надгробный камень, как на той вершине?

– Может быть, – ответила Нино. – Если будешь себя хорошо вести, может, и поставлю.

Она допила кофе.

– Хватит болтать. Пошли гулять, – поторопила она меня.

Я поднялся. Нино любила этот город, как дитя свою мать. Мы прошли по Головнинской и поднялись в старый город. Нино остановилась перед древней сионской церковью. Мы вошли в темное сырое помещение. Высоко над алтарем висел крест, изготовленный из виноградной лозы. Его принесла святая Нино, вернувшись из своего паломничества на Святую землю. Нино опустилась на колени,

перекрестилась и подняла голову к иконе своей святой покровительницы.

– Святая Нино, прости меня, – прошептала она. В тусклом свете, проникавшем через церковные ставни, я увидел в глазах Нино слезы.

– Пойдем, – произнес я.

Она поднялась и покорно последовала за мной. Мы молча спустились по улице.

– О каком прощении ты просила у святой Нино? – не выдержав, спросил я.

– Я просила ее простить мне тебя, Али-хан.

Голос ее прозвучал грустно и устало. Гулять с Нино по улицам Тифлиса было не так-то и весело.

– Почему меня?

Мы дошли до Мейдана. В кофейнях или посреди улицы сидели грузины. Откуда-то раздавались звуки зурны, а внизу Кура торопливо неслась в свое русло. У Нино был отрешенный вид, словно она металась в поисках своего «я».

– Тебя, – повторила она, – и все, что произошло.

До меня стал доходить смысл слов, но я все равно спросил:

– Что ты сказала?

Нино остановилась. По ту сторону площади возвышался кафедральный собор Кашвети, построенный из девственно-белых и нежных камней.

– Пройдись по Тифлису. Увидишь ли ты женщин в чадре? Нет. Присутствует ли здесь азиатский дух? Нет. Здесь другой мир, и он отличается от твоего. Широкие улицы, открытые души. Я чувствую себя такой разумной в Тифлисе, Али-хан. Здесь нет фанатических придурков вроде Сеида Мустафы и болванов вроде Мухаммеда Гейдара. Жизнь здесь легка и весела.

– Но эта страна находится между молотом и наковальней, Нино.

– Именно поэтому, – продолжала она, ступая по булыжной мостовой. – Именно поэтому страна была семь раз разрушена Хромым Тимуром, турки, иранцы, арабы и монголы опустошили нашу страну. Но мы выдержали. Они разорили, ограбили и погубили Грузию, так и не овладев ею. Святая Нино принесла сюда виноградную лозу с Запада, и мы принадлежим именно к Западу. Мы не азиаты. Нам просто суждено было родиться на самом краю Восточной Европы. Ты сам, конечно, это понимаешь.

Она участила шаг и по-детски нахмурила бровь:

– И только благодаря нашему сопротивлению набегам Тимура, Чингисхана, шаха Аббаса, шаха Тахмасиба и шаха Исмаила, только

благодаря такому сопротивлению родилась я, твоя Нино. И вот сюда приезжаешь ты, без меча, без слонов и воинов, оставаясь при этом все равно наследником кровавых шахов. Мои дочери будут носить чадру, а когда Иран вновь станет точить свой меч, мои сыновья и внуки в сотый раз разрушат Тифлис. О Али-хан, наше место на Западе.

Я взял ее за руку:

– Что я должен сделать для тебя, Нино?

– Ох, – вздохнула она. – Я так глупа, Али-хан. Я хочу, чтобы ты полюбил широкие улицы и зеленые чащи, хочу, чтобы больше понимал в любви, а не цеплялся за обваливающиеся стены азиатских городов. Я так боюсь, что через десять лет ты превратишься в набожного лицемера, проводящего свои дни в гиланском поместье, а проснувшись однажды утром, выдашь мне: «Нино, ты всего лишь поле». Ответь мне: за что ты меня любишь?

Тифлис совсем сбил с толку Нино. На нее, казалось, опьяняюще действовал влажный воздух вокруг реки Куры.

– За что я люблю тебя, Нино? За то, какая ты есть, за твой голос, за твой аромат, за походку. Как еще тебя убедить? Я люблю всю тебя. Любовь – она одинакова: и в Грузии, и в Иране. Здесь, на этом месте, тысячу лет тому назад ваш Руставели пел о своей любви к царице Тамаре. И песни этого великого поэта очень похожи на иранские рубаи. Нет Грузии без Руставели и Руставели без Ирана.

– Здесь, на этом месте, – задумчиво произнесла Нино. – Но может, здесь стоял и Саят-Нова – великий поэт, воспевавший любовь грузин и обезглавленный шахом.

Сегодня мою Нино невозможно было остановить. Прочувствовав разлуку, она прощалась со своей родиной и больше, чем когда-либо, проявляла свою любовь к Грузии.

– Ты любишь мои глаза, мой нос, мои волосы, Али-хан. Но не забыл ли ты о душе моей: ты любишь ее?

– Да, я и душу твою люблю, – устало сдался я.

Странно. Когда Сеид Мустафа говорил о том, что у женщин нет души, я всегда смеялся. Вопрос же о душе, заданный Нино, почему-то раздосадовал меня. Что собой представляет женская душа? Она должна быть довольна тем, что мужчина отказывается постичь всю эту бездну.

– А ты меня за что любишь, Нино?

Она вдруг расплакалась прямо посреди улицы. По щекам ее текли слезы, придавая лицу детское выражение.

– Прости меня, Али-хан. Я люблю тебя за то, какой ты есть. Но я

боюсь твоего мира. Я сошла с ума, Али-хан. Только посмотрите на меня! Стою посреди улицы со своим женихом, обвиняя его во всех бедах, наделанных Чингисханом. Прости свою Нино. Как же глупо взваливать на тебя ответственность за то, что мусульмане убивали грузин. Я больше никогда не буду себя так вести. Но ведь я, твоя Нино, я тоже частичка той ненавистной Европы, а здесь, в Тифлисе, я особенно глубоко это ощущаю. Мы любим друг друга. Но я люблю и леса, и луга. Ты же любишь холмы, скалы и песок. Именно поэтому я так боюсь тебя, твоей любви и твоего мира.

– И!.. – переспросил я, придя в замешательство. Я не мог понять, что она хотела этим выразить.

Нино вытерла слезы и, склонив голову, улыбнулась:

– И... через три месяца мы поженимся, что же еще тебе надо?

Нино могла смеяться и плакать, любить и ненавидеть одновременно. Она простила мне все нашествия Чингисхана и вновь полюбила меня. Схватив за руку, она потащила меня через мост Вери к лабиринту базара. Это была символическая просьба о прощении. Базар был единственным восточным местом в европейском Тифлисе. Толстые продавцы ковров, армяне и иранцы, вывешивали здесь пестрое великолепие иранских сокровищ. В полутьме лавок красовались медные чаши с выбитыми на пожелтевшей поверхности мудрыми изречениями. Какая-то курдская девушка со светлыми серыми глазами предсказывала судьбу и, казалось, сама дивилась своей проницательности. У дверей винных лавок или кафе толпились многочисленные местные бездельники и бродяги, обсуждая под палящим солнцем все и вся. Этот город с населявшими его восьмью десятками различных народов, говоривших на разных языках, имел резкий запах, который мы вдыхали, проходя через узкие улочки. Грусть Нино мигом растворилась в многоцветном базарном гаме. Армянские коробейники, курдские гадалки, иранские повара, осетинские священники, русские, арабы, ингуши, индусы выбрали Тифлис местом встречи. Из какой-то лавки доносился гул. Выстроившиеся в круг торговцы наблюдали, как ругаются ассириец и еврей.

– Когда мои предки захватили в плен и увели в Вавилон твоих предков... – доносились до нас обрывки фраз.

Толпа разрывалась от смеха. Смеялась и Нино – над евреем, над ассирийцем, над базаром и над пролитыми слезами.

Мы прошли дальше и вновь очутились у кафе «Мефистофель» на Головнинской.

– Зайдем еще раз? – спросил я, не зная точно, чем заняться.

– Нет. Давай поднимемся в монастырь Святого Давида и отметим наше примирение.

Мы свернули на боковую улицу, которая вела к фуникулеру. Маленький красный вагончик стал медленно поднимать нас в гору. Когда город исчез из виду, Нино рассказала мне историю создания этого известного монастыря:

– Много лет тому назад на этой горе жил святой Давид. А внизу, в городе, жила царевна, влюбленная в князя. И вот однажды она забеременела. А князь, узнав об этом, бросил ее. Когда разъяренный отец спросил у нее имя соблазнителя, царевна испугалась и соврала, что это был святой Давид. Разгневанный царь велел привести к нему во дворец святого. И там, в присутствии всех, царевна во всеуслышание повторила свое обвинение. Святой Давид коснулся ее тела своим посохом, и произошло чудо. Ребенок во чреве матери назвал имя истинного соблазнителя. Затем святой воздел руки к небу, и царевна родила камень. Этот камень и по сей день лежит тут, и из него бьет источник Святого Давида. Бесплодные женщины совершают в этой воде омовение.

Затем она задумчиво добавила:

– Как хорошо, Али-хан, что святой Давид умер и исчез его посох. Мы доехали до монастыря.

– Ты хочешь пройти к источнику, Нино?

– Нет. Думаю, мне лучше подождать еще один годик.

Мы стояли у стены, окружавшей монастырь, наслаждаясь панорамой города. Долина Куры была окутана голубым туманом. На фоне крыш церковные купола выглядели как одинокие острова. В восточном и западном направлениях простирались тифлисские дачи. Вдалеке возвышался Метехский замок, в котором когда-то жили грузинские князья, а сейчас содержались инакомыслящие кавказцы, осмелившиеся выразить недовольство политикой Российской империи. Нино отвернулась. Ей было трудно сочетать верность царю с видом позорно знаменитого места пыток и смерти.

– Там есть кто-нибудь из твоей родни, Нино?

– Нет, но там следовало бы находиться тебе. Пошли, Али-хан.

– Куда?

– Давай навестим могилу Грибоедова.

Мы свернули за угол и остановились у заброшенного надгробия: Нино подобрала какой-то камешек и быстро прилепила его к надгробию. Камешек упал и куда-то покатился. Нино густо покраснела. По старым тифлисским поверьям, если девушка приложит к влажному надгробию

камешек и тот не упадет, быть ей замужем в том же году. Ее же камешек скатился. Я взглянул на смущенную Нино и рассмеялся:

– Ты только погляди. До нашей свадьбы осталось три месяца! А ведь прав был пророк, говоря: «Не веруй в мертвых идолов».

– Ну да, – согласилась Нино.

Мы вернулись к фуникулеру.

– Чем мы займемся после войны? – спросила Нино.

– После войны? Тем же, что и сейчас. Будем прогуливаться по улицам Баку, навещать друзей, ездить в Карабах и воспитывать детей. Все будет замечательно.

– Я хотела бы съездить в Европу.

– Конечно. Мы съездим в Париж, Берлин, куда бы ты ни пожелала, на всю зиму.

– Да, на зиму.

– Нино, если ты не хочешь больше жить в Баку, мы можем перебраться в Тифлис.

– Спасибо, Али-хан. Ты так добр ко мне. Но я предпочитаю остаться в Баку.

– Нино, я думаю, нет города краше Баку.

– Да? А много ли ты городов видел?

– Нет. Но если хочешь, мы отправимся в кругосветное путешествие.

– Ага. И все это время ты будешь рваться назад к старой крепостной стене и задушевым беседам с Сеидом Мустафой. Но ничего. Я люблю тебя таким, какой есть.

– Ты права, Нино, я люблю нашу родину, наш город: каждый камешек, каждую песчинку его степей. Я знаю, что такая любовь может показаться странной. Для чужестранцев наш город – всего лишь знойная, пыльная и пропитанная запахом нефти дыра.

– На то они и чужестранцы.

Она обняла меня за плечи и коснулась губами щеки:

– Но мы же не иностранцы. Ты всегда меня будешь любить, Али-хан?

– Всегда, Нино.

Вагончик фуникулера вновь спустился в город. Мы еще раз прошлись по Головинской, хотя на этот раз в обнимку. Слева раскинулся парк, обнесенный красивой стальной оградой. У ворот его, на страже парка, стояли два солдата: неподвижные, как памятники, казалось, что они даже не дышат. Над воротами во всем своем золоченом великолепии висел императорский двуглавый орел. Здесь находилась резиденция великого князя Николая Николаевича, царского наместника на Кавказе.

Нино вдруг остановилась.

– Посмотри, – произнесла она, указывая в сторону парка.

По аллее, обсаженной соснами, медленно шел высокий седой мужчина. Мужчина повернулся, и по холодному и безумному взгляду его больших глаз я узнал в нем великого князя. У него было вытянутое лицо со сжатыми губами. В тени сосновых деревьев князь походил на большое благородное дикое животное.

– Интересно, о чем он думает, Али-хан?

– О царской короне, Нино.

– Она бы очень подошла его седине. Что он собирается делать?

– Судя по разговорам, свергнуть царя.

– Идем, Али-хан, я боюсь.

Мы пошли прочь от красивых плетеных решеток.

– Ты не должен плохо отзываться о царе и великом князе. Они защищают нас от турков, – сказала Нино.

– Они лишь часть молота и наковальни, между которыми находится твоя страна.

– Моя страна? А твоя?

– Мы в другом положении. Мы лежим на наковальне, а нависший над ней молот – в руках великого князя. Вот почему мы ненавидим его.

– И все надеетесь на Энвер-пашу. Как же это глупо. Энвер никогда не дойдет до нашего города. Великий князь ему не позволит этого сделать.

– Аллах велик, и только Ему это известно, – спокойно ответил я.

Глава 16

Армия великого князя стояла в Трабзоне. Захватив Эрзерум, она перевалила через Курдистанские горы и подступила к Багдаду. Армия уже побывала в Тегеране, Тебризе и даже в святом городе Мешед. Зловещая тень Николая Николаевича угрожала Турции и Ирану. Как-то во время встречи с грузинской аристократией он заявил:

– Следуя царским указам, я не остановлюсь, пока на куполе собора Айя-София вновь не засияет византийский крест.

Страны полумесяца оказались в бедственном положении. Лишь обитатели темных переулков – гочу и амбалы – продолжали верить в мощь османской армии и победоносный меч Энвер-паши. Иран пал, скоро падет и Турция. Отец стал молчаливым и чаще выходил из дому. Иногда, склонившись над официальными посланиями и картами, он шептал названия оставленных городов, затем часами неподвижно сидел на одном месте, перебирая четки. Я ходил по ювелирным, цветочным и книжным лавкам в поисках подарков для Нино. При виде ее мысли о войне, великом князе и нависшей над полумесяцем угрозе оставляли меня.

– Будь вечером дома, Али-хан, – однажды попросил меня отец. – К нам придут гости, чтобы обсудить кое-какие важные вопросы.

При этом отец смущенно отвернулся. Поняв причину смущения, я попытался подшутить над ним:

– Не ты ли, отец, заклинал меня никогда не ввязываться в политику?

– Забота о народе не имеет ничего общего с политикой. Наступило время, Али-хан, когда мы просто обязаны позаботиться о народе.

В этот вечер мы с Нино договорились сходить в оперу. В городе гастролировал Шаляпин, и Нино уже несколько дней находилась в радостном ожидании. Я позвонил Ильяс-беку:

– Ильяс, я занят сегодня вечером. Ты мог бы сходить с Нино в оперу? Билеты уже есть.

– О чем ты говоришь. Я сам себе не принадлежу. И потом, сегодня вечером у меня ночное дежурство с Мухаммедом Гейдаром.

Я позвонил Сеиду Мустафе.

– Сожалею, но я действительно не смогу. У меня на сегодня назначена встреча со знаменитым муллой Гаджи Максудом. Он приехал из Тегерана всего на несколько дней.

И тогда я позвонил Нахараряну. Тот немного смутился:

– А почему вы не идете, Али-хан?
– У нас будут гости.
– Чтобы обсудить, как уничтожить всех армян? Мне не следует ходить по театрам в такое время, когда народ истекает кровью. Но что ни сделаешь ради друга и великого Шаляпина...

Наконец-то. Друзья познаются в беде. Я поговорил с Нино и остался дома.

Гости прибыли в семь часов именно в том составе, в котором я и ожидал их увидеть. В большом зале, рассевшись на красные ковры и мягкие диваны, собрались мужи, чье состояние оценивалось в миллиард рублей. Их было не так уж и много, и я со всеми был давно знаком. Первым прибыл отец Ильяс-бека – Зейнал-ага, сутулый старик с мутными глазами. Он опустил на диван, положил рядом трость и стал задумчиво жевать турецкую халву. Затем пришли братья Асадулла: Али и Мирза. Их отец, покойный Шамси, оставил им в наследство двенадцать миллионов рублей. Сыновья унаследовали прозорливость отца и научились грамоте.

Мирза Асадулла любил деньги, мудрость и покой. Его брат Али был подобен негасимому огню Заратустры. Он всегда находился в движении, любил войну, приключения и опасность. Молва приписывала ему участие в драках, нападениях и в кровавых историях. Сидевший рядом с ним угрюмый Буният-заде приключений не любил. Он любил женщин и единственный из нас имел четырех жен, которые никогда не ладили между собой. Такое положение очень смущало его, но справиться с собой он не мог. На вопрос о том, сколько у него детей, Буниятзаде грустно отвечал: «Пятнадцать или восемнадцать, откуда мне бедному знать?» И даже на вопросы о состоянии он отвечал в том же духе. Из другого конца зала на него с завистью и укором смотрел Юсуф-оглы. У него была всего одна жена, да и то, по слухам, некрасивая. В день свадьбы она пригрозила ему: «Если ты вздумаешь гулять с другими женщинами, я отрежу им уши, нос и груди. А что с тобой будет – страшно даже представить». Угроза эта была совсем не пустой, учитывая воинственный нрав ее родни. Поэтому бедняга довольствовался собиранием картин.

В половине восьмого в зал вошел маленький и очень худощавый мужчина. Ногти его тонких рук были выкрашены хной. Мы все поднялись и поклонились ему в знак сочувствия. Несколько лет тому назад умер его сын Исмаил. Отец построил на Николаевской улице красивое здание. На фасаде большими золочеными буквами было написано «Исмаил», а само здание было отдано исламской благотворительной организации. Его звали Ага Муса Наги. Он оказался в нашем обществе только благодаря своему

состоянию в двести миллионов рублей. Он не был мусульманином, а принадлежал к отступнической секте, основанной Бабом, которого шах Насреддин приказал казнить. Лишь некоторые из нас были знакомы с учениями Баба. Но все хорошо знали, что Насреддин приказывал забивать под ногти бабистов раскаленные иглы, сжигать их заживо и забивать до смерти плетью. Какими же пагубными должны были быть учения бабистов, заслуживших такие наказания.

К восьми часам собрались все гости. Нефтяные магнаты пили чай, лакомились сладостями и рассказывали друг другу о процветании своих промыслов, о домах, лошадях, садах и проигрышах, оставленных на зеленом сукне казино. Так они проговорили до девяти часов, как полагается этикету. Затем слуги убрали чай и закрыли за собой двери.

– Мирза Асадулла, сын Шамси Асадуллы, хочет поделиться с вами своими мыслями о народе. Давайте выслушаем его, – произнес отец.

Мирза Асадулла поднял красивое задумчивое лицо:

– В случае победы великого князя на карте не останется ни одной мусульманской страны. Царская рука окажется тяжелой. Он не тронет нас, собравшихся сегодня вечером здесь, ибо у нас есть деньги. Он закроет мечети и школы и запретит нам говорить на своем языке. Нашу землю наводнят чужеземцы, потому что некому будет защитить мусульман. Победа же Энвера пойдет нам на пользу, даже если он до сих пор терпит большей частью поражения. Но можем ли мы помочь ему в этом? Нет, не можем. Да, у нас есть деньги, но у царя их больше. Что же нам предпринять? Может, нам собрать денег и снарядить людей для царя. Если мы снарядим для него батальон, гнет царский окажется не столь тяжелым после войны. Что скажете?

Поднялся его брат Али:

- Кто знает, может, после войны и не будет никакого царя.
- Даже если и не будет, нашу страну все равно наводнят русские.
- Так можно сократить их число, брат мой.
- Не станем же мы убивать их, Али.
- Мы уничтожим их всех, Мирза.

Воцарилось молчание. Затем тихим и уставшим голосом заговорил Зейнал-ага:

– Никто не знает, что написано в книге судеб. Победы великого князя нельзя считать победами, даже если будет захвачен Стамбул. Ключ нашей судьбы не в Стамбуле находится, а на Западе. Пусть их называют там немцами, все равно победа будет за турками. Русские заняли Трабзон, турки – Варшаву... Русские? А остались ли вообще русские?.. Я слышал,

что царем верховодит какой-то мужик – Распутин. Если не ошибаюсь, он ублажает царских дочерей и называет царицу мамой. И есть князья, которые хотят свергнуть царя, и люди, ждущие наступления мира, чтобы развернуть революцию. После войны все изменится.

– Да, – произнес толстый мужчина с блестящими глазами и длинными усами. – Все на самом деле изменится после войны.

Это был Фатали-хан Хойский, юрист по профессии. Он всегда стоял на страже прав народа.

– Да, – пылко добавил он. – И поскольку все изменится, мы не должны никого просить об одолжении. Кто бы ни выиграл, он окажется ослабленным и замученным. И тогда мы, сильные и невредимые, сможем не просить, а требовать. Мы исламская, шиитская страна и будем требовать от Романовых тех же условий, что и от османского двора. Независимости во всех вопросах! И чем больше ослабнут после войны великие державы, тем ближе мы будем находиться к свободе. Эта свобода будет результатом нашей нерастраченной мощи, наших денег и нашей нефти. Ибо помните: не мы зависим от мира, а мир от нас.

Состоятельные мужи, собравшиеся в зале, остались довольными. Политика выжидания устраивала всех. У нас есть нефть, и победители будут искать нашей благосклонности. Чем же мы будем до этого заниматься? Строить больницы, детские дома, дома для инвалидов, для тех, кто воюет за нашу веру. Никто не сможет обвинить нас в отсутствии характера.

Я молчаливо и угрюмо сидел в углу. Ко мне через весь зал подошел Али Асадулла.

– А ты что думаешь, Али-хан? – спросил он, усевшись рядом. – Как тебе нравится мысль уничтожить всех русских в нашей стране? И не только русских, но и всех иностранцев, говорящих на других языках, у которых иная вера, кто думает не так, как мы. Ведь все именно к этому стремятся, и лишь я один осмеливаюсь заявить об этом вслух. И что потом? По мне, пусть правит Фатали, хотя я и предпочитаю Энвера. Но прежде нам придется истребить всех иностранцев.

Слово «истребить» он выговорил с такой нежностью, как будто оно подразумевало «любовь», весь сияя и таинственно улыбаясь. Я не ответил.

Теперь заговорил бабист Муса Наги.

– Я человек старый, – произнес он, – и мне грустно все это видеть и слышать. Русские убивают турков, турки – армян, армяне не прочь уничтожить нас, а мы, в свою очередь, русских. Хорошо ли это? Не знаю. Мы уже выслушали Зейнал-агу, Мирзу, Али и Фатали. Я понимаю их

озабоченность вопросами просвещения, языка, больниц и свободы. Но какой прок от школ, если головы учеников будут забиваться полной чушью, и что проку от больниц, если там будут лечиться тела, а не души? Наши души стремятся к Аллаху. Но каждый народ верит в своего собственного и единственного Бога. Я же думаю, что Аллах, говорящий языками всех пророков, един. Поэтому я верую в Иисуса и Конфуция, Будду и Мухаммеда. Все мы – творения единого Создателя и через Баба вновь вернемся к Нему. Нужно объяснить людям, что нет черного и белого, ибо в черном заключено белое, а в белом – черное. И вот вам мой совет: давайте не предпринимать шагов в ущерб другим, ибо мы являемся частью единой души, а душа является частью нас.

Мы сидели в молчаливой растерянности. Так вот в чем заключалась ересь Баба. Вдруг я услышал, как кто-то громко рыдает. Повернувшись, я увидел заплаканное и искаженное лицо Али Асадуллы.

– О душа моя! – всхлипывал он. – Как вы правы! Какое счастье слышать такие слова! О всемогущий Аллах! Как жаль, что не все люди настолько мудры!

Затем он вытер слезы, глубоко вздохнул и спокойно добавил:

– Глубокоуважаемый ага, рука Аллаха, вне всякого сомнения, могущественней всех. Однако, мудрейший, истина заключается в том, что мы не можем всегда и во всем уповать на милость Создателя. Мы всего лишь люди, и, коль нет милосердия, нам самим следует искать пути преодоления наших трудностей.

Он был прав: прав, когда говорил и когда проливал слезы. Мирза с восхищением смотрел на брата. Гости поднялись. Муса Наги простился со всеми, коснувшись лба. Собравшиеся стали раскланиваться, шепча:

– Да пребудет душа ваша в покое. Пусть улыбка не сходит с ваших уст, уважаемый.

Собрание закончилось. Состоятельные мужи вышли на улицу, прощаясь друг с другом кивками и рукопожатиями. Часы пробили половину одиннадцатого. Зал опустел и производил тягостное впечатление. Мне стало одиноко.

– Пойду в казармы, – сообщил я слуге. – Ильяс-бек сегодня дежурит.

Спустившись к морю и пройдя мимо дома Нино, я оказался у казарм. Окна дежурного были освещены ярким светом. Ильяс-бек и Мухаммед Гейдар играли в нарды. Они молча кивнули мне. Наконец партия завершилась. Ильяс-бек швырнул нарды в угол и расстегнул ворот.

– Ну, как прошло собрание? – спросил он. – Асадулла опять грозился уничтожить всех русских?

– Не без этого. Какие новости с фронта?

– С фронта? – скучающе переспросил он. – Немцы заняли всю Польшу, великий князь либо застрянет в снегах, либо захватит Багдад. Турки, возможно, завоюют Египет. Кто знает. Осточертело уже все.

– И ничего не осточертело, – произнес, потирая обстриженный череп, Мухаммед Гейдар. – У нас есть конница и солдаты, и мы знаем, как стрелять из оружия. Что же еще нужно? Я скоро отправлюсь в горы, засяду в окопах и столкнусь лицом к лицу с врагом.

– Почему же тебе не попроситься на фронт, если ты именно этого хочешь? – спросил я.

– Я не смогу стрелять в мусульман, даже если они сунниты, – грустно произнес Мухаммед Гейдар, напрягая лоб, – но и дезертиром мне не быть. Я поклялся в верности. Все должно измениться в нашей стране.

Я смотрел на него, не скрывая своей любви. Этот широкоплечий, сильный, простодушный парень, жаждавший военных подвигов, вызывал у меня симпатию.

– Я хочу и не хочу идти на фронт, – грустно произнес он.

– Что должно случиться в нашей стране? – спросил я его.

Он сдвинул брови и какое-то время молчал. Мухаммед Гейдар не отличался способностью размышлять. Наконец он выдал:

– С нашей страной? Мы должны строить мечети. Орошать землю влагой. Наша земля иссохла. Эти иностранцы не должны твердить, что мы глупы. Даже если и глупы, какое им до этого дело. И потом, думаю, было бы неплохо разжечь большой костер и сжечь все эти нефтяные вышки. Зрелище еще то, и мы вновь обеднели бы. Вместо нефтяных вышек я построил бы красивую мечеть, выложенную голубыми плитами. Мы должны привезти быков и засеять землю пшеницей.

Он умолк, наслаждаясь этими видениями. Ильяс-бек счастливо рассмеялся:

– И потом запретить чтение и письмо, вместо электричества мы станем пользоваться свечами, а самого глупого поставим во главе страны.

Мухаммед Гейдар пропустил эту насмешку мимо ушей.

– Все правильно, – сказал он. – В старые времена глупцов было еще больше. И вместо нефтяных вышек они рыли каналы и грабили приезжих, не позволяя им грабить себя. В те времена людям жилось лучше, чем сейчас.

Мне хотелось обнять и расцеловать этого простака. Он говорил так, как будто сам являлся глыбой этой измученной земли. Вдруг кто-то резко постучал в окно. Я подскочил и открыл дверь. В комнату вбежал Сеид

Мустафа. Его эммаме съехал с головы, а по лицу струился пот. Зеленый пояс развязался, а серая накидка была вся в пыли. Он свалился на стул и, еле переводя дыхание, сообщил:

– Нахарарян похитил Нино. Полчаса тому назад. Они сейчас на мардакянской дороге.

Глава 17

Мухаммед Гейдар мигом вскочил с места. Глаза его от ярости сделались маленькими.

– Я седлаю коней, – сказал он и выбежал на улицу.

Кровь прилила к моей голове, в ушах стоял барабанный шум, как будто кто-то невидимой рукой стучал меня палкой по голове. Откуда-то издали слышался голос Ильяс-бека:

– Успокойся, Али-хан, успокойся. Подожди, пока мы не настигнем их.

Узкое лицо его было очень бледным. Он подпоясал меня ремнем, с которого свисал прямой кавказский кинжал.

– Ну вот, – произнес он и вложил мне в руки револьвер, продолжая утешать меня: – Спокойнее, Али-хан. Держись, пока мы не доберемся до мардакянской дороги.

Я механически засунул оружие в карман. Сеид Мустафа приблизил ко мне рябое лицо и зашевелил толстыми губами, прерывисто выдавая информацию:

– Я вышел из дому, чтобы повидаться с муллой Гаджи Максудом. Он остановился рядом с оперным театром. Мы распрощались в одиннадцать часов, как раз когда закончился этот грешный концерт. Я видел, как Нино садилась в машину с Нахараряном. Но машина не тронулась с места. Они о чем-то говорили, и мне не понравилось выражение лица Нахараряна. Я подкрался поближе, чтобы подслушать разговор. «Нет, – говорила Нино. – Я люблю его». – «Но я люблю вас еще больше, – настаивал Нахарарян, – здесь не останется камня на камне. Я вытащу вас из когтей Азии». – «Нет, – сказала Нино, – отвезите меня домой». Он завел мотор. Я успел запрыгнуть сзади на машину. Машина поехала по направлению к дому Кипиани. Я не мог разобрать, о чем они говорили, но разговор ни на минуту не прекращался. Машина остановилась у дома. Нино плакала. Вдруг Нахарарян обнял и поцеловал ее. «Вы не должны попасть в руки этих дикарей!» – крикнул он и принялся что-то нашептывать. Я услышал лишь конец фразы: «...ко мне домой в Мардакян, мы поженимся в Москве и затем отправимся в Швецию». Я видел, как Нино пыталась оттолкнуть его. Затем опять послышался звук мотора. Я спрыгнул с машины и что есть силы пустился бежать...

Он не закончил фразу, а может, я просто не расслышал конца. В комнату ворвался Мухаммед Гейдар и сообщил:

– Кони готовы.

Мы выбежали на плац. При свете луны кони тихо ржали, перебирая ногами.

– Сюда, – произнес Мухаммед Гейдар.

Взглянув на коня, я остановился как вкопанный. Передо мной стояло гневное карабахское чудо – конь командира полка Меликова, один из двенадцати гнедых во всем мире. Мухаммед Гейдар был мрачен:

– Комадир с ума сойдет. Только он имеет право садиться на этого скакуна. Он быстр, как ветер. Не жалея его. Ты успеешь поймать их. Я вскочил в седло, слегка коснувшись коня хлыстом. Гнедой взвился на дыбы и одним огромным прыжком вынес меня с плаца. Мы поскакали вдоль моря. Весь кипя от негодования, я хлестал коня что есть мочи. Мимо нас проносились мазанки, из-под конских копыт вылетали искры. Ярость моя закипала все больше и больше. Я натянул повод, конь взвился на дыбы и помчался еще быстрее. Наконец мазанки остались позади. Лунный свет освещал поля и дорогу в Мардакян. Ночной ветерок слегка остудил мой гнев. По обе стороны дороги тянулись бахчи с огромными, как глыбы золота, дынями. Конь мчался во весь опор. Я наклонился и приник к золотой гриве.

Значит, вот как все обернулось! Я вполне четко представил себе картину... Слышал каждое произнесенное ими слово. Вдруг мне стало все понятно: Энвер-паша воевал в Малой Азии. Царский трон находился под угрозой, а в армии великого князя были армянские батальоны. Если фронт будет прорван, османская армия хлынет в Армению, Карабах и Баку. Нахарарян предвидел последствия и поэтому переправил все золотые слитки, тяжелое армянское золото, в Швецию. Вот он, конец братской дружбы между кавказскими народами. Я представлял их обоих в ложе театра:

– Княжна, между Востоком и Западом нет моста, нет даже и моста любви.

Нино не отвечает, а только внимает ему.

– Нам, которым угрожает османский меч, следует объединиться. Мы – посланцы Европы в Азии. Я люблю вас, княжна. Мы должны быть вместе. Жизнь будет такой легкой и простой в Стокгольме. Там есть и Европа, и Запад.

И затем я довольно отчетливо вновь услышал его голос:

– В этой стране не останется камня на камне.

И в заключение:

– Вам, Нино, самой решать, с кем быть. После войны мы переедем в

Лондон и будем представлены двору. Европейцы – сами кузнецы своей судьбы. Я очень уважаю Али-хана. Но он варвар и вечный раб степи.

Я ударил коня хлыстом и взвыл. Так заунывно воет степной волк при виде луны. Ночной мрак превращается в один сплошной вой. Я еще больше наклоняюсь вперед. В горле саднит. Почему я вою на этой залитой лунным светом мардакянской дороге? Мне не следует растрачивать свою ярость. По лицу бьет ветер. Вот почему в глазах стоят слезы. Я не плачу – не плачу, даже вдруг узнав, что между Востоком и Западом не существует моста и нет даже моста любви. Грузинские глаза смеются и сияют! Да, я всего лишь серый волк, степной тюркский волк. Как же все удачно запланировано... «Мы поженимся в Москве и отправимся в Швецию». Отель в Стокгольме, теплый и чистый номер с белыми простынями. Вилла в Лондоне. Вилла?! Я касаюсь лицом кожи гнедого и впиваюсь зубами в его шею. Во рту солоноватый привкус крови. Вилла? У Нахараряна, как у всех бакинских богачей, есть вилла в Мардакяне. Мраморный дом, стоящий у моря и утопающий в саду из фруктовых деревьев. Как быстро передвигается автомобиль и как резво скачет карабахский конь? Я знаю, где находится вилла. Там есть широкая кровать из красного дерева. С белыми, как в стокгольмском отеле, простынями. Он не станет всю ночь философствовать. Он займется... конечно же. Я вижу перед собой кровать и грузинские глаза, в которых отражается вождение и страх. Я еще сильнее впиваюсь зубами в коня. Чудо-конь, мчи меня во весь опор. Скорей, скорей! Попридержи свою ярость, Али-хан, пока не настигнешь их. Дорога в Мардакян очень узка. Вдруг на меня накатывает смех. Как хорошо, что мы находимся в Азии, в дикой, реакционной Азии! Наши ухабистые дороги не предусмотрены для западных автомобилей, их могут одолеть лишь карабахские скакуны. Как быстро может ехать по ним автомобиль и как резво может скакать карабахский гнедой? Дынные ряды вдоль дороги были обращены ко мне. «Очень плохие дороги, – как будто говорили они, – не для английских автомобилей. Лишь для всадников на карабахских гнедых».

Выдержит ли весь тот путь мой конь? Не думаю. Я все еще видел перед собой лицо Меликова в тот день, когда мы повстречались в Шуше. Как он гремит саблей и говорит: «Я седлаю этого коня, лишь когда царь зовет нас на войну». Черт! Пусть этот старик из Карабаха рыдает по своему коню. Мой хлыст вновь и вновь свистит в воздухе. Ветер кусает мне лицо. Поворот, дикая поросль кустарников на дороге, и наконец вдалеке слышится грохот мотора.

Теперь ухабистая дорога освещается двумя ослепительными фарами.

Машина! Она еле волочится. Европейский автомобиль, какое безнадежное средство передвижения по азиатскому бездорожью. Я снова хлещу коня. Теперь за рулем можно разглядеть Нахараряна.

И Нино! Нино забила в угол. Почему же они не слышат конского топота? Может, он считает ненужным прислушиваться к шуму в ночи? До чего же уверенно он чувствует себя в своем европейском автомобиле, громыхающем на мардакянской дороге. Надо остановить этот лакированный сундук! Прямо сейчас! Я нажимаю на предохранительную защелку револьвера. Ну давай, дорогуша-бельгиец, покажи, на что ты способен! Я стреляю. Дорога на какое-то мгновение освещается полоской пламени. Я останавливаю коня. Молодец, бельгиец. Левая шина сдувается, как воздушный шарик. Лакированный ящик останавливается. Я подсакиваю к нему, в висках стучит кровь. Отбрасываю оружие и больше не отдаю себе отчета в своих действиях. На меня обращены два лица с диким ужасом, застывшим во взглядах. Дрожащая рука тянется к револьверу. Значит, не так-то и уверенно он себя чувствовал в своем европейском автомобиле. Я вижу жирные пальцы и бриллиантовое кольцо, быстрее, Али-хан! Теперь успокойся. Я вытаскиваю кинжал. Дрожащая рука не выстрелит. Кинжал мелодично свистит в воздухе. Где я научился так бросать кинжал? В Иране? В Шуше? Да нигде! Это искусство у меня в крови, я унаследовал его от моих диких предков, эту точную дугу, которую должен описать кинжал. Унаследовал его от первого Ширваншира, отправившегося в Индию на завоевание Дели. Слышится удивительно пронзительный и тонкий крик. По запястью жирной руки с растопыренными пальцами струится полоска крови. Как же прекрасно видеть пролитую кровь врага на дороге в Мардакян. Револьвер падает на заднее сиденье автомобиля. И вдруг слышатся торопливые движения. Мужчина одним прыжком выпрыгивает на дорогу и бежит в сторону поросли диких кустарников.

Нино тихо забила в угол автомобиля и сидит на мягком сиденье, с каменным лицом. Весь этот кошмар ночной схватки заставляет ее дрожать, и дрожь эту не унять. Издалека приближается топот копыт. Я прыгаю в кусты. Острые ветки, словно вражеские лапы, хватаются за меня. Под ногами шуршат листья, руки ранят сухие прутья. Нахарарян, как раненое животное, часто дышит в кустах... Отель в Стокгольме!.. Жирные губы, целующие лицо Нино!..

Теперь я вижу его. Он спотыкается и разрывает кусты жирными руками. И вот уже бежит к морю по дынным грядкам. Черт, почему я, заведев его, выбросил револьвер? Сейчас бы он мне точно пригодился. По

рукам, разодранным тернистыми кустами, течет кровь. Вот и первая дыня. Круглая толстая морда – не усмехаешься ли ты надо мной? Я наступаю на нее, и она с хрустом лопается. Я бегу по полю. Безжизненный лик луны наблюдает за мной. Вся бахча залита холодными золотистыми потоками света.

Тебе никогда не перевезти золотые слитки в Швецию, Нахарарян. Я хватаю его за плечо. Он поворачивается и смотрит на меня ненавидящим взглядом. Теперь-то я раскусил его.

Первый удар приходится по моему подбородку. Еще один удар под ребра. Ну хорошо же, Нахарарян, этому ты научился в Европе. Голова кружится. На несколько секунд останавливается дыхание. Я всего лишь азиат, Нахарарян, искусству ударов ниже пояса я не обучен. Я могу лишь безумствовать, как степной волк. Я прыгаю и, опершись ногами о его толстый живот, обхватываю его жирную шею руками, как ствол дерева. Он, как дикий, пытается дать отпор, забыв обо всех европейских приемах. Я подаюсь вперед, и мы катимся кубарем вниз. Вдруг я оказываюсь под ним. Он, с перекошенным ртом, пытается задушить меня. Я бью его ногами по животу, впиваясь пятками в жир. Он разжимает кулак. В какую-то долю секунды разорванный ворот обнажает толстую белую шею. Я вонзаюсь в нее зубами. Так-то, Нахарарян, будешь знать наши азиатские приемы. Мы не бьем ниже пояса, а по-волчьи впиваемся зубами. Я чувствую, как дрожат его набухшие вены.

Нахарарян хватается за мой кинжал на бедре. В разгаре схватки я совсем забыл про него. Сверкает сталь, и ребра пронизывает острая боль. Какая же теплая у меня кровь. Клинок соскальзывает с ребер. Вырвав клинок из его раненой руки, я подминаю Нахараряна под себя и заносу над ним кинжал. Он издает протяжный тонкий вопль, откинув назад голову. Все лицо превратилось в один сплошной рот, открывая путь животному страху. Отель в Стокгольме, получай же, грязная свинья!

Чего же я жду? За спиной слышится голос:

– Убей его, Али-хан, убей!

Это Мухаммед Гейдар.

– Вонзи кинжал над сердцем!

Я знаю, где находится нужная точка. Но хочу еще раз услышать жалкий голос врага. Затем поднимаю кинжал и, напрягшись, вонзаю его прямо над сердцем врага. Он корчится от боли. Я медленно поднимаюсь. На моей одежде пятна крови. Моя кровь? Его кровь? Какое это имеет значение.

Мухаммед Гейдар улыбается:

– Молодец, Али-хан. Никогда не перестану тобой восхищаться.

Ребро причиняет боль. Оперевшись на Мухаммеда Гейдара, я выхожу на дорогу к лакированному ящику. На дороге стоят четыре коня и два всадника. Ильяс-бек поднимает руку в знак приветствия. Сеид Мустафа поправляет на голове свой зеленый эммаме. Он крепко держит в седле Нино.

– Что будем делать с женщиной? Ты сам убьешь ее или мне это сделать? – спрашивает он тихо, прикрыв, словно во сне, глаза.

– Убей ее, Али-хан, – протягивает мне кинжал Мухаммед Гейдар.

Я смотрю на Ильяс-бека. Тот, весь белый, словно мел, кивает:

– Мы сбросим тело в море.

Я приближаюсь к Нино. Глаза ее расширяются от ужаса... Однажды она, вся в слезах, с сумкой под мышкой, прибежала через всю улицу ко мне в гимназию. Потом я сидел под партой и подсказывал: «Карл Великий короновался в Аахене в 800 году». Почему Нино молчит? Почему она не плачет, как в тот день, когда она прибежала ко мне за помощью? Откуда же ей было знать, в каком году короновался Карл Великий? Я прижимаюсь к шее коня и смотрю на нее. До чего же она прекрасна в седле Сеида при свете луны. Грузинская кровь, самая благородная кровь в мире. Грузинские губы... Нахарарян целовал их. Золотые слитки, перевезенные в Швецию... Он целовал ее.

– Ильяс-бек, я ранен. Отвези княжну Нино домой. Прикрой ее чем-нибудь, холодно. Если хоть волос упадет с ее головы, я убью тебя, Ильяс-бек. Слышишь? Сделай так, как я говорю. Мухаммед Гейдар, Сеид Мустафа, мне плохо. Помогите мне добраться до дому. Позвольте мне опереться на вас. Я истекаю кровью.

Я хватаюсь за гриву гнедого. Мухаммед Гейдар помогает мне взобраться в седло. Ильяс-бек бережно усаживает Нино на его мягкое казачье седло. Она не сопротивляется... Он снимает с себя китель и аккуратно накидывает ей на плечи. Он все еще бледен. Хватает лишь одного взгляда и кивка, чтобы понять, что Нино благополучно доберется домой. Мухаммед Гейдар прыгает в седло:

– Ты герой, Али-хан. Как мужественно ты дрался! Ты выполнил свой долг.

Он обнимает меня за плечи. Сеид Мустафа стоит с потупленным взглядом:

– Ее жизнь принадлежит тебе. Ты мог убить ее и мог оставить в живых. Шариат допускает и то и другое.

Он мечтательно улыбается. Мухаммед Гейдар вкладывает мне в руки

поводья. Мы молча скачем в ночи навстречу освещенному мягким светом Баку.

Глава 18

На краю бездны стоит узкая каменистая терраса. Сухие, пожелтевшие и выдавшие виды скалы лишены всякой растительности. Громадные и кое-как набросанные друг на друга камни образуют грубые стены. Со скалистой пропасти свисают квадратные незатейливые домишки. Крыша одного служит двором того, что находится чуть выше. В чистом воздухе сияют скалы, с которых стремительным потоком течет горный ручей. Меж камней вьется узкая извилистая тропа, постепенно исчезающая из виду. Это аул, горная деревушка в Дагестане. В темных домишках пол покрыт плотными циновками. Узкая крыша поддерживается снаружи двумя шестами. В безграничном пространстве неба, словно камень, застыл орел с неподвижно распростертыми крыльями.

Я лежу на маленькой крыше, вдыхая через янтарный мундштук прохладный дым кальяна. Виски мои холодеют, а голубой дым развеивается легким ветерком. Чья-то добрая душа подмешала мне в табак анаши. Я смотрю вниз и вижу в скользящем тумане хоровод лиц. Я вижу Рустама с его всадниками, который изображен на коврике в моей комнате в Баку. Вспоминаю себя лежащим дома и укутанным в плотные шелковые одеяла. Болит ребро. Одежда на мне мягкая и белая. В соседней комнате слышатся чьи-то шаги и гул голосов. Прислушиваюсь. Голоса становятся все громче.

– Сожалею, господин комиссар, но я и сам не знаю, где находится мой сын. Полагаю, он убежал в Иран, к своему дяде. Очень сожалею, что не могу помочь, – произносит отец.

– У нас ордер на арест вашего сына. Он замешан в убийстве, – с негодованием громко произносит комиссар, – мы его найдем во что бы то ни было, даже в Иране.

– Я буду только рад этому. Любой суд признает его невиновным. Убийство совершено в состоянии аффекта, и действовал он согласно обстоятельствам. Кроме того...

Слышится шелест новеньких хрустящих купюр, или, по крайней мере, мне так кажется. Затем воцаряется тишина. И снова голос комиссара:

– О да, нынешняя молодежь так вспыльчива. Я всего лишь выполняю свой государственный долг. Но я понимаю. Юноша не должен показываться в городе. Хотя ордер придется отправить в Иран.

Шаги стихают, и вновь воцаряется тишина. Декоративные буквы на

ковре похожи на лабиринт. Глаза начинают бегать за буквами и теряются в завитках «нун». Надо мной склонились чьи-то лица. Чьи-то губы шепчут слова, которые мне никак не разобрать. Затем я сижу в кровати в окружении Ильяс-бека и Мухаммеда Гейдара. Облаченные в военную форму, оба улыбаются.

– Мы пришли проститься с тобой, нас посылают на фронт.

– Как это?

Ильяс-бек поправляет ремень.

– Я отвез Нино домой. Она не произнесла ни слова. Затем отправился в казарму. Через несколько часов новость облетела весь город. Командир Меликов заперся и напился. Он больше не желал видеть своего гнедого и, застрелив его вечером того же дня, попросился на фронт. Отец как следует постарался, чтобы дело не было передано в трибунал. Хотя нас отправляют на фронт, прямо на передовую.

– Простите меня. Я во всем виноват.

– Нет, ты – герой и поступил по-мужски. Мы очень гордимся тобой, – запротестовали оба.

– Вы видели Нино?

Оба застыли.

– Нет, мы не видели Нино, – холодно ответили они.

Мы обнялись.

– Не беспокойся о нас. Мы справимся как-нибудь, будь то передовая или тыл.

Они заулыбались и стали прощаться. Дверь закрылась.

Я лежу на подушках, рассматривая красный узор на ковре. Бедные друзья. Я один во всем виноват. Я погружаюсь в странные видения. Настоящее исчезло. В легком тумане зависло то смеющееся, то серьезное лицо Нино. Ко мне кто-то прикоснулся и произнес на фарси:

– Возьми анаши. Она поможет тебе прийти в сознание.

Кто-то вложил этот янтарный мундштук мне в рот, и в полудреме вновь послышался чей-то голос:

– Досточтимый хан. Как это ужасно. Как такое могло случиться. Наши дети должны немедленно пожениться.

– Князь, Али-хан не может жениться. Семья Нахарарян начнет против него родовую месть. Я послал его в Иран. Он подвергается опасности каждую минуту и не может стать мужем вашей дочери.

– Сафар-хан, умоляю вас. Мы защитим детей. Они уедут в Индию, Испанию. Честь моей дочери запятнана. Только брак может спасти ее.

– В этом нет вины Али-хана, князь. В любом случае она найдет себе

кого-нибудь среди русских или армян.

– Умоляю вас! Это была всего лишь невинная поездка. Все это так и поймут. Ваш сын поспешил и бог весть что заподозрил. Он должен исправить свою ошибку.

– Как бы там ни было, князь, Али-хан – кровник и не может жениться.

– Я тоже отец, Сафар-хан.

Голоса смолкли. Вновь наступила тишина. Зерна анаши – округлой формы и похожи на муравьев. Наконец повязки сняли. Вот он, первый почетный шрам на теле. Затем я встал и, нерешительно вышагивая, прошелся по комнате. Слуги испуганно поглядывали на меня. Открылась дверь, и вошел отец. Сердце гулко билось. Слуга исчез. Отец некоторое время молчал. Он прохаживался по комнате. Затем остановился:

– Каждый день сюда является полиция. И не только она. Нахараряны перевернули весь город в поисках тебя. Пятеро из них уже отбыли в Иран. Я приставил двадцать человек, чтобы обеспечить охрану дома. И кстати, Меликовы тоже объявили тебе кровную вражду. Из-за гнедого. Друзей твоих отослали на фронт.

Я безмолвно опустил глаза. Отец положил руку на мое плечо и тихо произнес:

– Я горжусь тобой, Али-хан, очень горжусь. На твоём месте я поступил бы так же.

– Ты доволен, отец?

– Почти. Лишь одно мне непонятно, – обнял он меня, заглядывая в глаза. – Почему ты не убил женщину?

– Не знаю, отец. Я обессилел.

– Было бы лучше, если бы ты застрелил ее, сын мой. Теперь уже поздно. Но я не стану упрекать тебя. Вся семья гордится тобой.

– И что теперь, отец?

Он вновь зашагал по комнате, отвлеченно вздыхая.

– Ну, ты же не можешь остаться здесь. Да и в Иран нельзя. Тебя разыскивает полиция и две влиятельные семьи. Думаю, лучше отправиться в Дагестан. Никому и в голову не придет искать тебя в ауле. Ни один армянин и ни один полицейский не осмелятся отправиться туда.

– Как долго мне придется там находиться, отец?

– Очень долго. Пока полиция не закроет дело и пока враги твои не помирятся с нами. Я буду навещать тебя.

Ночью я отбыл в Махачкалу и оттуда – на маленьких лошадках с короткими гривами – понесся по узким тропам в дальний аул, находившийся на краю дикой бездны. Там, окруженный дагестанским

гостеприимством, я находился в безопасности. При виде меня люди понимающе кивали: кровник. Заботливые руки подмешивали в табак анашу. Я много курил и предавался безмолвным видениям. Кази Мулла, приютивший меня здесь друг отца, без умолку болтал, и слова его раскалывались о мои лихорадочные видения, вновь и вновь уносившиеся на залитую лунным светом дорогу.

– Не засыпай, Али-хан, не думай ни о чем, Али-хан. Послушай, ты слышал историю Андалала?

– Андалала... – безжизненно повторял я.

– Ты знаешь, что такое Андалал? Шестьсот лет тому назад существовала живописная деревушка. Ею правил умный и отважный князь. Но столько достоинств у одного человека угнетало народ. Однажды они явились к князю со словами: «Мы устали от тебя. Избавь нас от своего присутствия». Князь опечалился, оседлал коня, простился со своей семьей и ускакал в Иран. Там он прославился и стал советником шаха, который во всем прислушивался к нему. Он завоевал множество городов и стран. Однако сердце его не простило обиду Андалалу. Поэтому в один прекрасный день он решил: «Долины Андалала полны золотых сокровищ и украшений. Мы завоюем его». Шах снарядил свою великую армию в юры. При виде их народ Андалала произнес: «Вас много, и вы находитесь внизу. Нас же мало, и мы стоим над вами. Но выше всех стоит Аллах, Он един и могущественнее нас». С этими словами мужчины, женщины и дети Андалала начали бой. В первых рядах воевали сыновья князя, оставшиеся в Андалале после его изгнания. Иранцев сокрушили. Шаху первому – а предателю последнему – пришлось спастись бегством. Прошло десять лет. Князь состарился и стал испытывать тоску по родине. Он покинул шахский дворец и отправился домой. Народ сразу узнал предателя, приведшего врага в долину. Люди плюнули ему в лицо и закрыли перед ним свои двери. Весь день скитался князь по деревне, так и не найдя ни одного друга. Наконец, измученный, он отправился к кази и произнес: «Я явился домой, чтобы испкупить свою вину. Осудите меня по законам предков». – «Свяжите его, – велел кази. – Закон наших предков гласит, что предатель должен быть погребен заживо», – произнес кази. Народ ответил: «Пусть будет так». Но кази был справедливым человеком. «Что ты можешь сказать в свою защиту?» – спросил он. Князь ответил: «Ничего. Я виновен. Очень хорошо, что вы почитаете законы предков. Но есть и закон, который гласит: „Всяк, кто воюет против отца своего, будет убит“. Я требую уважить мое право. Сыновья мои воевали против меня. Пусть их обезглавят на могиле моей». – «Да будет так», – произнес кази и зарыдал вместе с народом. Ибо сыновья

княжеские пользовались особым почетом в ауле. Но что поделать – закон нужно чтить. Таким образом, предатель был заживо погребен, а сыновья его обезглавлены на его могиле.

– Какая чушь, – проворчал я. – И это твоя лучшая история? Твой герой был последним человеком в этой стране, и его нет в живых уже шестьсот лет. Ко всему прочему, он еще был и предателем.

Кази Мулла обиженно фыркнул:

– Ты слышал об имаме Шамиле? Я знаю все об имаме Шамиле. Это было не так давно, пятьдесят лет тому назад. Народ при Шамиле жил счастливо. Не было ни вина, ни табака. Пойманному вору отрубали правую руку. Да и не так уж много их было. Пока не пришли русские. Тогда имаму Шамилю явился пророк и велел начать священную войну – газават. Все горцы, в том числе и чеченцы, встали под знамена Шамиля. Но русские оказались сильнее. Они угрожали чеченцам, поджигали их деревни и разрушали поля. Затем собрались старейшины и решили отправиться в Дарго, резиденцию Шамиля, чтобы просить его освободить их от клятвы. Но, явившись к нему, они не осмелились высказаться. Вместо этого они отправились к матери имама, которая, оплакивая горе чеченцев, пообещала поговорить с сыном. Ведь имам был всегда послушным сыном, а влияние матери на него было сильно. Ханум поговорила с ним и получила ответ: «Коран запрещает предательство. Коран запрещает также сыну противоречить матери. Я не в силах решить эту дилемму. Остается лишь поститься и молиться, чтобы Аллах наставил меня на путь истинный». Имам постился три дня и три ночи. Затем он предстал перед народом и произнес: «Слушайте волю Аллаха. Первый, кто заговорит о предательстве, будет наказан сотней ударов плетью. Первой со мной заговорила об этом Ханум – моя мать. Я приговариваю ее к сотне ударов плетью». Солдаты привели Ханум и, сорвав с нее чадру, подняли над головой плети. Но по телу пришелся лишь один удар. Имам упал на колени и зарыдал: «Законы Всевышнего непоколебимы. Никто не может отменить их, даже я. Однако Коран позволяет детям принимать на себя родительское наказание. Поэтому пусть остальные удары плетью достанутся мне». С этими словами имам сорвал с себя одежду и, распластавшись на ступенях мечети перед всей толпой, велел палачу: «Бей меня, но, если я почувствую, что ты бьешь меня вполсилы, я велю отрубить тебе голову. Иначе не быть мне имамом». Имам получил девяносто девять ударов плетью. Он так и лежал там, весь истекая кровью. Собравшиеся пришли в ужас от такого зрелища, и никто больше не осмелился говорить о предательстве. Вот такие нравы были в горах пятьдесят лет тому назад. И народ был доволен.

Я не произнес ни слова.

Орел исчез с небосклона. Сгущались сумерки. На минарете маленькой мечети появился мулла. Кази Мулла развернул коврик для молитв, и мы стали молиться, обратив лицо в сторону Мекки. Арабские молитвы звучали как старинный боевой клич.

– Ступай, Кази Мулла. Ты настоящий друг. Дай поспать немного.

Он подозрительно взглянул на меня. Затем вздохнул и поворошил анашу в кальяне.

– Кровнику совсем нездоровится, – пожаловался он соседу, выходя из комнаты.

– В Дагестане никто долго не болеет, – ответил сосед.

Я лежал на крыше и смотрел в пропасть.

«Ну что, Нахарарян, как поживают твои золотые слитки в Швеции?»

Я закрыл глаза. Почему молчит Нино?

Глава 19

Через аул стройной шеренгой шли женщины и дети. Уставшие лица выдавали долгий маршрут, который пришлось проделать. В руках они несли маленькие сумки, наполненные землей, туго затянув их, словно вместо земли там были сокровища. Землю собрали в дальних аулах в обмен на баранов, серебряные монеты и сотканые вручную ткани. Теперь же этой дорого доставшейся землей предстояло удобрить неплодородную почву, чтобы собрать какой-то урожай и прокормить людей. Поля были разбиты на склоне над пропастью. Мужчины, привязав себя цепями, спускались на небольшие помосты и осторожно посыпали каменистую почву добытой землей. Над будущим полем возвышалась неровная стена, предназначавшаяся как защита от ветра и оползней. Эти земли, длиной в три и шириной в четыре шага, были самым большим богатством для горцев. Рано утром мужчины отправлялись на поля и, прочитав длинную молитву, принимались за работу. Когда бушевали сильные ветры, женщины растягивали над землей одеяло. Они пестовали семена тонкими загоревшими пальцами и срезали былинки маленькими косами. Затем зерна перемалывались, и выпекались плоские продолговатые чуреки. В первом чуреке, в знак народной благодарности за чудо, дарованное землей, запекалась монета.

Я прогуливался вдоль стены, которой был обнесен крошечный участок. Высоко на скалах, спотыкаясь, бегали овцы. На двухколесной арбе приехал крестьянин в широкой белой войлочной шапке. Колеса арбы издавали скрип, похожий на пронзительный крик младенца. Этот шум я услышал еще издалека.

– Брат мой, – обратился я к нему, – я напишу в Баку с просьбой выслать тебе смазки для колес.

Крестьянин усмехнулся в ответ:

– Я – простой человек, зачем мне прятаться? Я не смазываю колеса арбы, чтобы все могли услышать, как я приближаюсь. А прятаться – удел абреков.

– Абреков?

– Ну да, абреков, изгоев.

– И много их здесь?

– Достаточно. Они грабят и убивают людей. Некоторые убивают во благо народу, другие же преследуют свои собственные интересы. Но все

они должны принести ужасную клятву.

– Какую такую клятву?

Остановившись, крестьянин соскочил с арбы. Он облокотился о стену, вытащил из сумки ломоть бараньего сыра и разделил его надвое, протянув половину мне. Из клейкой массы торчали темные волосы. Я принялся есть сыр.

– Клятва абреков... Ты никогда не слышал о ней? В полночь абрек прокрадывается к мечети и клянется: «Клянусь этим святым местом, которое я почитаю, что с сегодняшнего дня я стану изгоем. Я буду проливать человеческую кровь и не пощажу ни одной души. Клянусь воевать со всеми, кто встретится на моем пути. Клянусь забирать у них самое дорогое их сердцу – их совесть и честь. Я заколю ребенка на груди его матери, подожгу лачугу нищего и посею печаль везде, где люди веселятся и радуются. Если я не сдержу эту клятву, если в сердце моем зародится любовь или жалость, не видеть мне никогда могилы отца, не утолить мне жажды водой или голода – хлебом, пусть тело мое будет выброшено на дорогу, где псы бродячие станут гадить на него».

Крестьянин произнес эту клятву торжественным голосом, обратив лицо к небу, и глаза его были зелеными и бездонными.

– Да, – произнес он, – это клятва абрека.

– Кто приносит эту клятву?

– Мужчины, на долю которых выпало много несправедливостей.

Он замолчал. Я отправился домой. Солнце беспощадно проливалось на нас свет. Может, я сам был абреком, изгоем, вынужденным скитаться в диких горах? А что, если и мне, как дагестанским грабителям, нужно принести эту кровавую клятву? Слова все еще притягательно звенели у меня в ушах.

Перед домом я увидел трех незнакомых коней, один из них – с серебряными поводьями. На террасе сидел шестнадцатилетний толстый юноша с золотым кинжалом на поясе. Он со смехом махал мне. Это был Арслан-ага – один из наших гимназистов. Этот мальчик, сын владельца нефтяных скважин, не отличался особым здоровьем, и отец часто отправлял его на минеральные воды в Кисловодск. Из-за большой разницы в возрасте я был едва знаком с ним. Но здесь, в горах, почувствовав себя одиноким, я обнял его как брата.

– Вот, случайно проезжал здесь со слугами и подумал, почему бы не увидаться с вами, – произнес он, покраснев от гордости.

Я похлопал его по плечу:

– Будьте моим гостем, Арслан-ага. Сегодня вечером мы устроим пир в

честь родины. Кази Мулла, готовь праздничный ужин. У меня гость из Баку.

Через полчаса Арслан-ага сидел на коврике, скрестив по-турецки ноги, и причмокивал от удовольствия, уписывая шашлык и сладости.

– Я так счастлив видеть вас, Али-хан. Вы живете в этом далеком ауле как герой, прячась от врагов. Можете не беспокоиться. Я не сдам вас.

Мне незачем было переживать. И так понятно, что весь Баку знал о моем местонахождении.

– Как вы нашли меня?

– У Сеида Мустафы узнал. И потом, мне было по пути, и он попросил передать вам привет.

– И куда вы путь держите, Арслан-ага?

– В Кисловодск. Вот и слуг с собой прихватил.

Я улыбнулся. У него был такой невинный вид.

– А почему, Арслан-ага, вы не отправились туда напрямую, на поезде?

– Знаете ли, горный воздух мне только на пользу. Я сошел в Махачкале и выбрал прямой маршрут в Кисловодск.

Он набил рот сладостями и довольно зачмокал.

– Но в Кисловодск отсюда напрямую можно попасть лишь через три дня.

Арслан-ага притворно удивился:

– Неужели? Ну, тогда меня просто запутали. Но я все равно рад, иначе нам не удалось бы встретиться.

Тут до меня сразу дошло, почему этот черт поехал в объезд: как же, теперь он мог похвастаться перед домашними этой встречей. Вот уж какую репутацию я завоевал себе в Баку. Я налил ему вина, и он выпил его большими глотками.

– А после того случая вам довелось убить еще кого-нибудь, Али-хан? Ну же, клянусь, что никому не выдам вас, – сказал он, чуть приблизившись ко мне.

– О да, множество.

– На самом деле?

Он выглядел довольным, продолжая пить вино, которое я непрерывно подливал в его чашу.

– А вы женитесь на Нино? Весь город только об этом и спорит. Люди говорят, вы все еще любите ее.

Он весело рассмеялся и продолжил пить.

– Знаете, мы все так удивились. Недели напролет только об этом и говорили.

– Неужели? А что нового в Баку, Арслан-ага?

– Да ничего. Издается новая газета. Рабочие бастуют. Профессора в гимназии говорят, вы всегда были очень вспыльчивым. Но скажите, как вы узнали обо всем?

– Арслан, уважаемый, хватит с меня вопросов. Теперь ваша очередь. Вы видели Нино? Или кого-нибудь из Нахарарянов? А что говорят Кипиани?

Бедняга чуть не подавился куском мяса:

– Я ничего не знаю, равным счетом ничего. Никого не видел. Даже из дому не выходил.

– Почему, друг мой? Вам нездоровилось?

– Да, да, мне нездоровилось. Очень нездоровилось. Я болел дифтерией. Вы только представьте – трижды в день мне ставили клизму.

– Из-за дифтерии?

– ...да...

– Продолжайте пить, Арслан-ага. Вино вам только на пользу.

Арслан-ага все пил и пил. Затем я наклонился к нему и спросил:

– Уважаемый, когда вы в последний раз говорили правду?

Он взглянул на меня большими невинными глазами и искренне ответил:

– В гимназии, когда я еще знал, чему равняется трижды три.

Мальчик совсем опьянел от сладкого вина. Он был все еще юн и теперь дошел до той стадии, когда мог более или менее правдиво отвечать на мои вопросы. Он признался, что приехал сюда, снедаемый любопытством, что никогда не болел дифтерией и что досконально знал все последние бакинские сплетни.

– Нахараряны собираются убить вас, – сообщил он довольно, – но выжидают удобного случая. Они совсем не торопятся. Я наведывался пару раз к Кипиани. Нино очень долго болела. Затем родители увезли ее в Тифлис. Теперь же она снова в Баку. Я видел ее на балу в клубе. Знаете – она пила вино, как воду, и все время смеялась. Да еще и танцевала только с русскими. Родители хотели отправить ее в Москву, но она сама не захотела. Она каждый день выходит в свет, и все русские от нее без ума. Ильяс-бек награжден орденом, а Мухаммед Гейдар получил ранение. Нахараряновскую дачу сожгли дотла, и я слышал, что это дело рук вашего друга. И вот еще что. Нино завела маленькую псину и беспощадно бьет ее. Никто не знает клички, кто говорит – Али-хан, кто – Нахарарян. Думаю, она называет его Сеидом Мустафой. Я и вашего отца видел. Он грозитя надрать мне уши, если я буду продолжать распространять сплетни.

Семья Кипиани купила поместье в Тифлисе. Может, они навсегда туда уедут.

Каким же жалким он сделался.

– Арслан-ага, кем вы собираетесь стать?

Он посмотрел на меня пьяными глазами:

– Я стану падишахом.

– Кем?

– Я хочу стать падишахом красивой страны, у которой будет своя конница.

– А больше ничего не хотите?

– Умереть.

– Во имя чего?

– В боях за мое царство.

Я рассмеялся, а он сильно обиделся.

– Эти свиньи заперли меня в карцере.

– В гимназии?

– Да, и угадайте почему. Только потому, что я снова написал в газету о плохом обращении с детьми. Аи, Аллах, какую шумиху они устроили!

– Но, Арслан, уважающие себя люди не пишут в газеты.

– Именно пишут. Вот увидите, вернувшись, я и о вас напишу. Опустив ваше имя, естественно. Я же друг все-таки. А вот, пожалуй, и заголовок: «Кровная месть – печальная традиция в нашей стране».

Он допил вино в бутылке и свалился на коврик, уснув прямо на месте. Вошел его слуга, неодобрительно посмотрев на меня. Взгляд его как будто говорил: «Стыдитесь, Али-хан, до чего же вы довели бедного мальчика».

Я вышел прогуляться в сумерках. Что за маленький выродок, этот Арслан-ага. Половину рассказанных историй он, несомненно, сам придумал. Зачем Нино бить собаку? Бог знает как она называет ее!

Я поднялся по улице и уселся на краю поля. Оттененные луной, скалы угрюмо смотрели на меня. Помнили ли они прошлое или людские мечты? Высоко в небе звезды сияли, как лампочки в Баку. Тысячи светлых лучей вселенной выбрали местом встречи мои глаза. На протяжении часа или больше я оцепенело сидел и смотрел на небо. «Значит, она танцует с русскими», – думал я, и вдруг мне захотелось вернуться в город, чтобы завершить ту призрачную ночь. Мимо прошмыгнула ящерица, и я поймал ее. Сердце испуганной до смерти бедняжки колотилось о мою ладонь. Я погладил ее по холодной коже. Она посмотрела на меня своими глазенками, в которых застыли не то страх, не то мудрость. Я поднял крошечное создание к лицу. Это существо с иссохшей кожей походило на живой

камень.

– Нино, – произнес я и подумал о собаке. «Нино, неужели я буду бить тебя? Но как же можно поднять руку на ящерицу?»

Вдруг ящерка открыла пасть и, высунув острый язычок, в одно мгновение вновь убрала его. Я рассмеялся. Язычок был таким маленьким и проворным. Разжав руку, я не обнаружил больше ящерицы. Остались лишь темные камни.

Я встал и отправился домой. Арслан все еще лежал на полу, положив голову на колени преданного слуги. Поднявшись на крышу, я до утреннего намаза курил анашу.

Глава 20

Я и сам не знаю, как все это произошло. Проснувшись однажды утром, я увидел перед собой Нино.

– До чего же ты докатился, Али-хан, – произнесла она, усевшись на мой коврик. – А хуже всего то, что ты храпишь во сне. Что за манеры?

– Так это из-за анаши, подмешанной в табак, – угрюмо произнес я.

Нино покачала головой:

– Тогда тебе придется бросить курить анашу.

– Лучше скажи мне, почему ты бьешь псину, негодница.

– Псину? Я хватаю ее левой рукой за хвост и луплю по спине правой, пока она не залает.

– А как ты назвала ее?

– Килиманджаро, – тихо ответила Нино.

Я протер глаза и вдруг снова отчетливо все увидел: Нахараряна, карабахского гнедого, залитую лунным светом дорогу и Нино в седле Сеида.

– Нино! – вскочил я. – Как ты сюда попала?

– Арслан-ага пустил в городе слух, что ты хотел убить меня. Вот я и пришла.

Она приблизила ко мне лицо с полными слез глазами.

– Али-хан, мне тебя так не хватало.

Я запустил руку в темные волосы Нино, целуя ее в опьяняющий своим теплом открытый рот. Затем я положил ее на тюфяк и одним махом сорвал цветастое одеяние. Кожа была мягкой и благоухающей. На мои нежные ласки она отвечала прерывистым дыханием, заглядывая мне в глаза. Я почувствовал дрожание маленькой груди в своей руке и, обняв ее, услышал стон. Сквозь кожу просвечивали узкие и хрупкие кости. Я положил голову на ее грудь.

– Нино, – произнес я, и это имя, казалось, вновь обрело таинственную силу, под воздействием которой исчез весь осязаемый мир.

В этих больших влажных глазах прекрасной грузинки отразилось все: страх, радость, любопытство и внезапная пронзительная боль. Она не плакала. Схватив вдруг покрывало, Нино укрылась им и отдалась во власть тепла постели. Затем спрятала лицо на моей груди, и каждое движение ее стройного тела было подобно зову земли, истомившейся по дождю. Мягким движением руки я убрал покрывало. Время остановилось...

Мы лежали тихо, уставшие и счастливые. Затем Нино произнесла:

– Я, пожалуй, пойду. Вижу, ты совсем не собираешься убивать меня.

– Ты одна сюда приехала?

– Нет, с Сеидом Мустафой. Он обещал привезти меня и убить, если ты будешь мне не рад. Вон он сидит там с ружьем наготове. Можешь позвать его, если я тебя разочаровала.

Я не стал звать Сеида, а лишь поцеловал ее.

– Ты только из-за этого приехала сюда?

– Нет, – откровенно ответила она.

– Признайся, Нино.

– Признаться? Но в чем?

– Почему ты в ту ночь, сидя в седле Сеида, не проронила ни слова?

– Из гордости.

– Тогда что тебя привело сюда?

– Тоже гордость.

Я взял ее за руку и стал перебирать розовые пальчики:

– А Нахарарян?

– Нахарарян, – медленно произнесла она. – Не думай, что он похитил меня против моей собственной воли. Я знала, на что иду. На тот момент такой выбор казался мне правильным. Теперь же я понимаю, что ошибалась. Я одна была виновата и заслуживала смерти. Вот почему я не произнесла ни слова и явилась сюда сейчас. Теперь-то ты все знаешь.

Я поцеловал ее ладонь. Она говорила правду, хотя Нахараряна уже не было в живых и эта правда представляла опасность для нее. Поднявшись, она оглядела комнату и мрачно произнесла:

– Пора домой. Тебе не придется жениться на мне. Я уезжаю в Москву.

Я направился к двери и распахнул ее настежь. Во дворе сидел мой рябой друг, скрестив ноги и вцепившись в ружье. Зеленый пояс туго обтягивал талию.

– Сеид, – позвал я, – иди за муллой и еще одним свидетелем. Через час я женюсь.

– Зачем нам мулла, – ответил Сеид, – достаточно двух свидетелей. Я сам вас поженю. У меня есть такое право.

Я закрыл дверь. Нино сидела в постели, с распущенными по плечам черными волосами. Она стала смеяться.

– Ты хоть отдаешь себе отчет в своих действиях, Али-хан? Зачем тебе жениться на распутной женщине?

Я прилег рядом с ней.

– Ты на самом деле хочешь жениться на мне? – спросила Нино.

– Если только ты сама согласна. Ты же знаешь, что я кровник и преследуем врагами.

– Знаю. Но сюда-то они не доберутся. Мы останемся здесь.

– Нино, значит, ты останешься здесь со мной? В этом горном ауле, в этом домике и без слуг?

– Да, – ответила она. – Я хочу остаться здесь, потому что тебе нельзя покидать это место. Буду заниматься домом и печь хлеб, как примерная жена.

– И тебе все это не наскучит?

– Нет, – ответила она. – Ведь мы будем спать в одной постели.

В дверь кто-то постучал. Нино накинула на себя мой халат. Вошел Сеид Мустафа, в завязанном на новый лад эммаме, и представил двух свидетелей. Затем уселся на полу и вытащил из пояса медную чернильницу и перо. На крышке чернильницы было выгравировано: «Лишь во имя Аллаха». Он развернул лист бумаги и разложил его на левой ладони. Затем окунул камышовое перо в чернильницу и стал выводить: «Во имя Аллаха Всемилостивого».

– Ага, как ваше имя? – спросил он.

– Али-хан Ширваншир, сын Сафар-хана из рода Ширванширов.

– Какого вы вероисповедания?

– Я мусульманин и принадлежу к шиитской секте имама Джафара.

– Каково ваше желание?

– Я хочу жениться на этой женщине.

– Ханум, как ваше имя?

– Нино Кипиани.

– Какого вы вероисповедания?

– Я принадлежу к грекоправославной церкви.

– Каково ваше желание?

– Я хочу стать женой этого мужчины.

– Вы намерены сохранить свою веру или желаете принять веру мужа?

Нино на мгновение заколебалась, затем подняла голову и гордо и решительно ответила:

– Я намерена сохранить свою веру.

Сеид записал ее ответ. Лист бумаги скользил по ладони, постепенно заполняясь красивой вязью арабских букв. Брачный договор был готов.

– Подпишитесь, – велел Сеид.

Я поставил свою подпись.

– Какое имя мне следует написать? – спросила Нино.

– Твое новое имя.

Она твердой рукой вывела: «Нино-ханум Ширваншир».

Затем подписались свидетели. Сеид Мустафа вытащил свою печать и приложил ее к бумаге: «Раб Божий Хафиз Сеид Мустафа Мешеди». Он передал мне документ, затем обнял меня и произнес на фарси:

– Али-хан, я плохой человек. Но Арслан-ага сказал, что один, без Нино, ты сопьешься в горах. Это грех. Нино попросила привезти ее сюда. Если то, что она говорила, правда, люби ее. Если нет, мы завтра же уьем эту женщину.

– Она солгала, Сеид, но мы не станем убивать ее.

Он растерянно взглянул на меня. Затем оглядел комнату и рассмеялся. Через час мы торжественно сбросили мой кальян в пропасть. И на этом наша свадебная церемония завершилась.

Жизнь вдруг снова обрела смысл. Весь аул улыбался, когда я шел по улице и отвечал ему улыбкой. Пусть знают, какой я счастливый, даже счастливее, чем раньше. Я бы всю жизнь провел на этой крыше с Нино, у которой были крошечные ступни и ярко-красные дагестанские шаровары, подобранные у коленей. Нино быстро привыкла к жизни в ауле. Никто бы не догадался, что она могла жить, думать и действовать иначе, нежели остальные женщины аула. В ауле никто не держал слуг, поэтому и Нино отказалась от них. Она готовила еду, болтала с женщинами и пересказывала все деревенские сплетни. Я выезжал на охоту, принося домой подстреленную дичь, и поедал все блюда, рожденные воображением и вкусом Нино.

Дни наши протекали так: рано утром я наблюдал, как Нино босиком сбегает к роднику с пустым кувшином в руке. Затем она возвращалась, осторожно ступая босыми ступнями по острым камням. Кувшин покоился на правом плече, обхваченный тонкими руками хозяйки. До сих пор она лишь однажды споткнулась и уронила кувшин. Сколько горьких слез было пролито по поводу пережитого позора и сколько утешений получено от соседских женщин! Каждый день Нино, как и все женщины аула, приносила воду. Они стройной вереницей поднимались в гору, и я даже издали видел босые ступни и устремленный вперед серьезный взгляд Нино. Она не оборачивалась, да и я старался смотреть мимо. Таков был крепко усвоенный закон горцев: никогда, ни при каких обстоятельствах не проявлять при посторонних свою любовь. Она входила в темный домик, закрывала за собой дверь и опускала кувшин на пол. Потом приносила мне чашу с водой и ставила передо мной хлеб, сыр и мед. Мы ели руками, так как это делали все жители аула. Нино вскоре научилась сидеть по-турецки и, закончив есть, облизывала пальцы, обнажая ряд белых, блестящих зубов.

– По здешним обычаям я должна мыть тебе ноги. Но поскольку нас никто не видит и за водой к роднику ходила я, мыть тебе мои ноги.

Я погружал эти крошечные, кукольные ноги в воду, а она начинала шлепать ногами и разбрызгивать воду мне в лицо. Затем я садился на тюфяк, а Нино располагалась у моих ног, напевая какую-нибудь песню или просто молчаливо глядя на меня. Я же никогда не уставал разглядывать лик моей Мадонны.

Каждый вечер она, подобно маленькому зверьку, сворачивалась в постели клубком.

– Али-хан, ты счастлив? – спросила она меня однажды ночью.

– Очень счастлив. А ты? Не хочешь вернуться в Баку?

– Нет, – серьезно ответила она. – Я хочу доказать, что не хуже любой азиатской женщины могу услужить своему мужу.

Когда керосиновая лампа гасла, она лежала, уставившись в темноту и размышляя о важных вещах: нужно ли ей было добавлять столько чеснока в блюдо с жареной бараниной и была ли у поэта Руставели любовная связь с царицей Тамарой? И что бы случилось, разыграйся у нее вдруг здесь, в горах, зубная боль? И почему, на мой взгляд, соседская женщина так лупила веником своего мужа?

– Столько тайн в жизни, – грустно констатировала она и засыпала.

Ночью она просыпалась, ударялась о мой локоть и гордо и хвастливо заявляла:

– Я – Нино!

Затем снова засыпала, и я укрывал ее худенькие плечи одеялом.

«Нино, – думал я, – ты достойна лучшей жизни, чем жизнь в этом дагестанском ауле».

Однажды я отправился в ближайший городок Гунзах и вернулся с плодами цивилизации: керосиновой лампой, лютней, граммофоном и шелковым платком. При виде граммофона лицо Нино засияло. Жаль, что во всем Гунзахе мне удалось найти лишь две пластинки: танец горцев и арию из оперы «Аида». Мы крутили их целыми днями до тех пор, пока не перестали различать мелодии.

Изредка приходили новости из Баку. Родители Нино продолжали умолять нас переехать в более цивилизованную страну, грозя в противном случае лишиться нас своего благословения. Однажды приехал и отец Нино. Увидев, в каких условиях живет его дочь, он взорвался:

– Боже мой. Немедленно уезжайте отсюда! Нино заболела в этой глуши!

– Я никогда не чувствовала себя так хорошо, – ответила Нино. – Как

ты не можешь понять, отец, что мы не можем уехать отсюда. Мне еще не хочется становиться вдовой.

– Но существуют же и другие страны, такие как Испания например. Там вас не достанут эти Нахараряны.

– Но, отец, как мы доберемся до Испании?

– Через Швецию.

– Я не собираюсь ехать в Швецию! – гневно отвечала Нино.

Князь, вернувшись в Баку, стал каждый месяц слать посылки с бельем, сладостями и книгами. Нино оставила лишь книги, раздав остальное добро. Однажды приехал и мой отец. Нино приняла его с застенчивой улыбкой, как улыбалась, решая уравнения с множеством неизвестных в лице. Уравнение вскоре было решено.

– Ты готовишь?

– Да.

– Приносишь воду?

– Да.

– Я устал с дороги. Помоешь мне ноги?

Она принесла таз и помыла ему ноги.

– Спасибо, – поблагодарил он и, вытащив из кармана длинную нить розового жемчуга, повесил ее на шею Нино. Затем он съел приготовленное Нино блюдо и заявил: – Жена у тебя хорошая, Али-хан, но стряпуха из нее никудышная. Я вышлю тебе кухарку из Баку.

– Не присылайте, пожалуйста! – выкрикнула Нино. – Я сама хочу обхаживать мужа.

Он рассмеялся и, уехав в Баку, прислал ей сережки с крупными бриллиантами.

Жизнь в нашем ауле протекала спокойно. Лишь однажды Кази Мулла прибежал с новостями: на окраинах аула поймали вооруженного человека, по всей видимости армянина. Волнение прокатилось по всему аулу – я был гостем, и смерть моя запятнала бы честь каждого жителя на всю жизнь. Он действительно был армянином, хотя никто не смог бы точно сказать, был ли он Нахараряном. Аксакалы посоветались и решили выгнать этого мужчину из аула, предварительно выдрав его. Будь он Нахараряном, он предупредил бы остальных членов семьи. Если же он не принадлежал к этой семье, Аллах все равно понял бы намерения крестьян и отпустил бы им грехи.

Где-то на другой планете гремела война. До нас же не доходило никаких вестей. Горы переполняли легенды и мифы о временах Шамиля. Время от времени друзья присылали мне газеты, но я выбрасывал их, даже

не прочитав.

– Ты все еще не забыл, что идет война? – спросила как-то Нино.

Я рассмеялся:

– Честно говоря, Нино, я напрочь забыл о ней. Лучшей жизни, чем здесь, я и представить себе не мог, даже если это был всего лишь отрезок между прошлым и будущим, дарованный Аллахом Али-хану Ширванширу.

Затем я получил письмо. Его доставил обессиленный всадник на взмыленном коне. Письмо было не от отца и даже не от Сеида. На конверте было написано: «Али-хану от Арслан-аги».

– Что ему нужно? – спросила изумленная Нино.

– Скоро вы получите и другие письма, хан, – ответил всадник. – Арслан-ага хорошо заплатил мне, чтобы я доставил его письмо первым.

«Вот и пришел конец сельской идиллии», – подумал я и открыл письмо.

Приветствую Вас, во имя Аллаха, Али-хан! Как Вы поживаете, как поживают Ваши кони, вина и Ваше окружение? Со мной, моими конями, винами и слугами все в порядке. Послушайте: в нашем городе произошли большие перемены. Заключенные сбегали из тюрьмы и разгуливают свободно по городу. Предвижу Ваш вопрос: «А куда смотрит полиция?» Будьте уверены, полиция сейчас находится там, где сидели заключенные: в тюрьме у моря. А солдаты? Солдат тоже больше нет. Вижу, как Вы покачиваете головой, друг мой, и задаетесь вопросом, куда же смотрит губернатор. Расскажу-ка я Вам все по порядку: вчера наш мудрый губернатор решил сбежать. Годы правления таким неблагодарным народом утомили его. Он оставил лишь несколько пар старых брюк и кокарду. Вы сейчас, наверное, смеетесь, Али-хан, и думаете, что все это мне приснилось. Ха, не тут-то было. На этот раз я говорю правду. «Почему же царь не посылает новую полицию и нового губернатора?» – можете спросить Вы. А нет больше царя. Вообще никого больше не осталось. Не знаю, как назвать все это, но вчера мы хорошенько вздули директора гимназии, и никто не вмешался. Я Ваш друг, Али-хан, поэтому-то мне и захотелось сообщить Вам все эти новости, даже если сейчас многие строчат

Вам письма. Нахараряны уехали домой, а полиции больше не существует. Оставайтесь с миром, Али-хан. Ваш друг и покорный слуга Арслан-ага.

Я поднял голову. Нино побледнела.

– Али-хан, – произнесла она дрожащим голосом, – дорога открыта, мы уедем, уедем отсюда!

Она продолжала повторять эти слова в каком-то странном экстазе. Затем повисла на моей шее, всхлипывая: «Мы уедем!» – и стала отбивать такт голыми ступнями на песке.

– Да, Нино, конечно же мы уедем.

На меня одновременно нашли счастье и печаль. Голые скалы сверкали в своем желтом величии. Маленькие домики висели над бездной, как улей, а минарет безмолвно призывал к молитве и медитации. Это был наш последний день в ауле.

Глава 21

На лицах людей смешались тревога и радость. Вдоль улиц тянулись алые транспаранты с довольно бессмысленными лозунгами. На перекрестках скапливались товарки, требуя свободы для американских индейцев и африканских бушменов. Ход событий на фронте принял другой оборот: великий князь исчез и толпы солдат в лохмотьях шатались по городу. Ночью слышалась перестрелка, а днем народ грабил магазины.

Нино проводила дни за рассматриванием атласа.

– Я ищу спокойную страну, – сказала она однажды, водя пальцем по разноцветным линиям границ.

– Может, Москва или Петербург, – предложил я, поддразнивая ее.

Она пожалала плечами и остановила палец на Норвегии.

– Я не сомневаюсь, что там спокойно, – произнес я, – но как мы туда доберемся?

– Да уж, – вздохнула Нино, – может, в Америку?

– Ага, к подводным лодкам, – съязвил я.

– В Индию, Испанию, Китай, Японию?

– А эти либо находятся в состоянии войны, либо туда вообще не добраться.

– Али-хан, мы попали в западню.

– Ты совершенно права, Нино. Нет смысла бежать куда-либо. Нам придется запастись здравым смыслом и ждать прихода турков.

– Какой прок от того, что я жена героя! – укоризненно воскликнула Нино. – Мне не нравятся знамена, лозунги и речи. При таком раскладе я, пожалуй, убегу и Иран к твоему дяде.

– Так не может продолжаться долго, – успокоил я ее и вышел из дому.

В Исламском благотворительном обществе проходило совещание. Среди присутствующих не было тех аристократов, которые несколько месяцев тому назад в доме моего отца так рьяно пеклись о будущем народа. В дверях я столкнулся с Ильяс-беком. Он и Мухаммед Гейдар только вернулись с фронта. Отрекшись от престола, царь освободил их от клятвы, и вот эти загорелые, гордые и сильные мужчины находились в Баку. Война пошла им на пользу. Эти люди, казалось, побывали на том свете и собирались сохранить это чувство в своих душах навсегда.

– Али-хан, – произнес Ильяс-бек, – нам нужно что-то предпринять. Враг уже подступил к крепостным воротам.

- Да, мы должны защитить себя.
- Нет же, мы должны перейти в наступление.

Он взобрался на помост и заговорил громким, командным голосом:

– Мусульмане, я хочу еще раз прояснить ситуацию, сложившуюся в городе. После начала революции фронт развалился на части. Вокруг Баку слоняются вооруженные русские дезертиры всех политических партий и только и ждут, чтобы разграбить город. У нас лишь одно мусульманское войсковое соединение – это мы, добровольческая «Дикая дивизия». Нам меньше, чем русских, и оружия у нас не так-то много. Второе войсковое соединение в нашем городе – это боевые отряды армянской националистической партии «Дашнак-цутюн». Лидерами ее являются Степа Лалай и Андроник, с которыми мы сегодня говорили. Они собирают армию из армянского населения Баку и хотят увести ее обратно в Карабах и Армению. Мы согласились с созданием такой армии с последующим переселением армян в Армению. Поэтому армяне вместе с нами выдвинули русским ультиматум. Мы требуем, чтобы русские солдаты и беженцы больше не проходили через наш город. Если русские отвергнут этот ультиматум, мы сможем вместе с армянами добиться своего военным путем. Мусульмане, вступайте в ряды «Дикой дивизии» и беритесь за оружие. Враг стоит у наших ворот.

Речь Ильяс-бека отдавала кровью и войной. Вот уже несколько дней я практиковался в управлении орудием на плацу. Теперь можно будет применить эти знания на практике. Рядом со мной стоял, поигрывая своим патронташем, Мухаммед Гейдар. Я обратился к нему:

– Приходи вместе с Ильяс-беком после собрания ко мне домой. Сеид Мустафа тоже будет. Нам нужно обсудить сложившуюся ситуацию.

Он кивнул, и я отправился домой.

Друзья явились ко мне вооруженными, даже Сеид Мустафа подвесил к зеленому поясу кинжал. Нино заварила чай, и в комнате воцарилась странная тишина. Накануне боя город выглядел таким незнакомым и давящим. Народ продолжал выходить из дому либо по делу, либо просто прогуляться. Но все это каким-то образом выглядело нереальным и призрачным, словно люди уже знали, что будни скоро превратятся в нечто абсурдное.

– У тебя достаточно оружия? – спросил я Ильяс-бека.

– Пять винтовок, восемь револьверов, одно орудие и боеприпасы. Есть еще подвал для женщин и детей.

Нино подняла голову.

– Я не собираюсь прятаться в подвале, – твердо произнесла она. – Я

буду защищать свою родину вместе с вами.

Голос ее звучал жестко и решительно.

– Нино, – обратился к ней тихо Мухаммед Гейдар, – мы будем стрелять, а ты – перевязывать раны.

Нино склонила голову и опустила плечи:

– О боже, наши улицы превратятся в поле боя, театр станет штаб-квартирой, и скоро пройтись по Николаевской улице будет так же невозможно, как уехать в Китай. Нам придется сменить политические убеждения или разбить армию, чтобы пройти в гимназию Святой царицы Тамары. Я уже представляю, как вы ползком пробираетесь через Губернаторский садик, вооруженные до зубов. А возле озера, где мы с Али-ханом встречались, будет стоять пушка. В каком же странном городе мы живем.

– Я уверен, что сражения не будет, – произнес Ильяс-бек. – Русские примут наш ультиматум.

Мухаммед Гейдар мрачно рассмеялся:

– Забыл рассказать вам о своей встрече с Асадуллой по дороге сюда. Он говорит, что русские отказываются принять ультиматум. Они требуют, чтобы мы сдали все свое оружие. Мое-то они уж точно так просто не получают.

– В таком случае нужно готовиться к войне, – заключил Ильяс-бек. – Нам и нашим армянским союзникам.

Нино молча глядела на окно. Сеид Мустафа поправлял свой эммаме.

– Аллах, Аллах, – произнес он. – Я никогда не был на фронте. И не так умен, как Али-хан. Но я знаю Коран. Мусульманам ни в коем случае нельзя полагаться на верность неверных в битве. На самом деле вообще не следует ни на кого полагаться. Так гласит Коран, и таковы законы жизни. Кто возглавляет армянские войска? Степа Лалай! Я знаю его. Его родители в тысяча девятьсот пятом году были убиты мусульманами. Сможет ли он когда-нибудь забыть такое? В любом случае я не думаю, что армяне станут воевать с нами против русских. Кто эти русские? Всего лишь толпа, анархисты и разбойники. За лидера у них Степан Шаумян, который тоже армянин. Армянские анархисты и армянские националисты договорятся гораздо быстрее, чем мусульманские националисты и армянские националисты. Это упирается в тайну крови. Разлад неизбежен, это ясно, как Коран.

– Сеид, – произнесла Нино, – дело не только в единстве крови, тут следует учитывать и здравый смысл. Если выиграют русские, они не станут либеральничать со Степой Лалаем и Андроником.

Мухаммед Гейдар громко рассмеялся:

– Извините, друзья. Я только представил себе, как в случае победы обойдемся мы с армянами. Если Армению наводнят турки, мы-то уж точно не встанем на ее защиту.

– Об этом не может быть и речи, – разозлился Ильяс-бек. – Армянский вопрос решится очень просто. Батальоны Лалая отправятся в Армению вместе со своими семьями. Через год в Баку не останется ни одного армянина. Каждый народ будет жить в своей стране. Мы станем просто соседствовать.

– Ильяс-бек, – обратился я к нему, – Сеид прав. Ты забываешь тайну крови. Родители Лалая убиты мусульманами. Каким же мерзавцем надо быть, чтобы забыть об этой мести.

– Или политиком, Али-хан, который сможет преодолеть зов крови, чтобы спасти свой народ от кровавой смерти. Если ему хватит ума, он встанет на нашу сторону во имя собственных интересов и интересов своего народа.

Мы поспорили до наступления сумерек.

– Кем бы вы ни были, политиками или просто мужчинами, я только надеюсь, что через неделю вы вновь соберетесь здесь целыми и невредимыми. Потому что, если в нашем городе развернутся бои... – Нино остановилась.

Ночью Нино лежала рядом со мной. Губы ее были полуоткрытыми и влажными. Она тихо уставилась на окно. Я обнял ее. Она повернулась и спросила:

– Ты собираешься воевать, Али-хан?

– Конечно, Нино.

– Да, – повторила она, – конечно.

Вдруг она обхватила мое лицо обеими руками и, прижав к груди, стала осыпать его поцелуями. Глаза ее были широко открыты, ее охватила безумная страсть. Она прижималась ко мне с вожделением, покорностью и страхом смерти. Лицо выражало принадлежность к какому-то иному миру, дорогу к которому она должна была одолеть в одиночку. Внезапно откинувшись и уставившись мне в глаза, Нино едва слышно произнесла:

– Я назову сына Али.

Затем она снова замолчала, обратив затуманенный взгляд на окно. В бледном свете луны возвышался изящный минарет. Угрожающей тенью припали к земле старые крепостные стены. Издалека доносился звон железа – кто-то многообещающе точил свой кинжал. Зазвонил телефон. Я поднялся и, спотыкаясь, нашарил в темноте аппарат. На проводе был

Ильяс-бек:

– Армяне объединились с русскими. Они требуют, чтобы мусульмане завтра до трех часов дня сдали оружие. Мы, конечно же, не примем их условия. Ты с пулеметом займешь позицию у крепостных ворот, слева от ворот Цицианашвили. Я пошлю тебе еще тридцать человек. Подготовься как следует к обороне ворот.

Я положил трубку. Нино сидела на кровати, уставившись на меня. Я вытащил кинжал и проверил его лезвие.

– Что случилось, Али?

– Враг у ворот, Нино.

Я оделся и позвал слуг. Каждому из этих широкоплечих, сильных и неуклюжих мужчин я роздал по винтовке и спустился к отцу. Он стоял перед зеркалом и ждал, пока слуга не закончит чистить его черкеску.

– На какую позицию тебя направили, Али-хан?

– К воротам Цицианашвили.

– Отлично. Я буду в штабе – в зале благотворительного общества.

Загремев саблей, он поправил руками усы.

– Будь смелым, Али. Враг не должен переступить ворота. Если они дойдут до площади за стеной, воспользуйся орудием. Асадулла приведет крестьян из деревень, они атакуют врага с тыла на Николаевской.

Отец вложил револьвер в кобуру и устало прищурился:

– Последний пароход отходит в Персию в восемь часов. Нино следует обязательно воспользоваться этим. В случае победы русских они обесчестят всех женщин.

Я вернулся в свою комнату. Нино говорила по телефону.

– Нет, мама, я остаюсь здесь. Никакой опасности. Спасибо, папа, не беспокойся, у нас достаточно продуктов. Да, спасибо. Но, пожалуйста, не беспокойся. Я не приеду, не приеду! – Она повысила голос на последнем слове, срываясь на крик. Затем положила трубку.

– Ты права, Нино, – сказал я. – В родительском доме ты тоже не будешь в безопасности. Пароход в Иран отходит в восемь часов. Собирай свои вещи.

Она густо покраснела:

– Ты отсылаешь меня, Али-хан?

Никогда прежде мне не доводилось видеть Нино такой возмущенной.

– В Тегеране ты будешь в безопасности, Нино. В случае победы враги обесчестят всех женщин.

– Я не позволю им обесчестить себя, Али-хан, – ответила она с вызовом, гордо вскинув голову.

– Отправляйся в Иран, Нино, пожалуйста! Отправляйся, пока еще есть время.

– Прекрати, – сурово остановила она меня. – Али, я очень боюсь врага, сражений и всех неприятных событий, которые произойдут. Но я останусь здесь. Я ничем не могу помочь тебе, но мое место здесь. Я должна оставаться рядом с тобой, и точка.

Целуя ее глаза, я почувствовал гордость за свою жену, не поддавшуюся моим уговорам.

Я вышел из дому, когда только начинало светать. В воздухе стояла пыль. Я взобрался на стену. Слуги пробирались ползком сквозь каменные бойницы, с винтовками наготове. Тридцать черноусых загорелых воинов Ильяс-бека, неуклюже расположившись, безмолвно и напряженно наблюдали за пустой Думской площадью. Пушка с маленьким дулом походила на вздернутый русский нос с широкими ноздрями. Вокруг нас все было тихо. Время от времени вдоль стены бесшумно пробегали вестовые. Где-то далеко аксакалы и представители духовенства все еще старались добиться в последний момент чуда и договориться о перемирии.

Взошло солнце, и со свинцового неба на стены обрушилась жара. Я посмотрел в сторону нашего дома. Нино сидела на крыше, обратив лицо к солнцу. В полдень она пришла к нам с едой и питьем. Она с ужасом и любопытством разглядывала пушку и, расположившись в тени, стала смотреть по сторонам, пока я не отослал ее обратно домой.

Часы пробили час дня. С минарета послышался заунывный и торжественный призыв Сеида Мустафы к молитве. Затем он присоединился к нам, неуклюже волоча свою винтовку и заткнув за пояс Коран. Я посмотрел на Думскую площадь, расположенную по ту сторону стены. Через пыльную площадь спешили несколько человек. Они пригнулись, словно опасаясь немедленной атаки. Крича и спотыкаясь, бежала какая-то покрытая чадрой женщина – мать детей, играющих посередине площади.

Один, два, три. Бой часов на городской управе разрушил тишину. В тот же момент послышались первые выстрелы с окраин города.словно этот бой каким-то образом открыл дверь в другой мир.

Глава 22

Ночь выдалась безлунная. По серым волнам Каспия мягко скользила парусная лодка. Время от времени горькие и соленые брызги волн попадали на нас. Над головой, подобно крыльям огромной птицы, развевались черные паруса. Я лежал на дне лодки, укутанный в бурку. Широкое безбородое лицо рулевого было устремлено к звездам. Я поднял голову и коснулся рукой человека, одетого в бурку.

– Сеид Мустафа, – позвал я.

Надо мной склонилось рябое лицо. Он перебирал красные бусины четок, и казалось, что его ухоженная рука перебирала капли крови.

– Я здесь, Али-хан, лежи спокойно, – ответил он.

Заметив слезы в его глазах, я привстал.

– Мухаммед Гейдар мертв, – сказал я. – Я видел его тело на Николаевской. Они отрезали ему нос и уши.

Сеид повернулся в мою сторону:

– Русские нагрянули со стороны Баилова и окружили бульвар. Ты их просто вымел с Думской площади.

– Да, – начал вспоминать я, – а затем пришел Асадулла и приказал перейти в наступление. Мы выступили, вооруженные штыками и кинжалами. Ты пропел «Ясин».

– А ты пил вражескую кровь. Знаешь, кто стоял на углу дома Ашума? Вся семья Нахарарян. Они уничтожены.

– Уничтожены, – повторил я. – На крыше дома Ашума у меня в распоряжении и было восемь пулеметов. Весь квартал находился под нашим контролем.

Сеид Мустафа потер бровь. Лицо казалось вымазанным золой.

– Там наверху весь день продолжался грохот. Кто-то сообщил, что тебя убили. Нино услышала это, но ничего не произнесла. Она просидела в своей комнате, не произнося ни слова. А пулеметы продолжали грохотать. Затем она внезапно закрыла лицо руками и стала кричать: «Прекратите. Прекратите. Прекратите!» Грохот не прекращался. У нас закончились боеприпасы, но враг об этом не знал. Они восприняли это как ловушку. Муса Наги тоже погиб. Его задушил Лалай.

Мне нечего было добавить. Рулевой из Кызылкума уставился на небо. Его пестрая шелковая рубашка развевалась на ветру.

– Я слышал, ты попал в перестрелку у ворот Цициановских. Это

правда? Я находился по другую сторону ворот.

– Да. Я разорвал кинжалом черный кожаный жилет на каком-то мужчине, и он тут же окрасился в красный цвет. Моя кузина Айша тоже погибла.

Море походило на зеркало, а от лодки исходил запах смолы. Она была безымянной и плыла вдоль таких же безымянных берегов Кызылкума.

– Мы в мечети покрывали мертвых саваном, – тихо произнес Сеид. – Затем взяли за оружие и обрушились на врага. Многие из нас погибли. Но Аллах не позволил мне умереть. Ильяс тоже жив и прячется где-то в стране. А как они разграбили твой дом! Ни одного ковра, ни одного комода и ни одной посуды не оставили. Лишь голые стены.

Я прикрыл глаза и испытал одну жгучую боль. Перед глазами предстали тележки, набитые трупами, и Нино с тюком в руках, пробирающаяся сквозь темноту в сторону пропитанного нефтью Биби-Эйбата. Затем лодка с мужчиной из пустыни... Вдалеке сверкал маяк острова Наргин. Город исчез во тьме. Черные нефтяные вышки походили на угрюмых тюремщиков. Теперь я был здесь, укутанный в бурку, с раздирающей болью в груди. Я поднялся. Нино лежала в тени, отбрасываемой парусом. Лицо ее было узким и очень бледным. Я взял ее за руку и почувствовал легкую дрожь холодных пальцев. За нами рядом с рулевым сидел мой отец. До меня доходили лишь обрывки разговора:

– ...Значит, ты действительно считаешь, что в оазисе Чарджоу можно поменять цвет глаз по желанию?

– Да, хан. В мире существует лишь одно место, где такое возможно, – это оазис Чарджоу. Там был святой пророк...

– Нино, – позвал я. – Отец беседует о чудесах оазиса Чарджоу. В этом мире можно выжить лишь так.

– Не могу, – произнесла Нино. – Не могу, Али-хан, после всей этой крови на улицах...

Она прикрыла лицо руками и беззвучно заплакала. Плечи ее дрожали... Я сидел сзади, вспоминая Думскую площадь за стеной, тело Мухаммеда Гейдара на Николаевской – на улице, по которой он ходил все эти годы в гимназию, и мужчину в черной кожаной куртке, которая в одно мгновение обогрелась кровью. Как же больно было осознавать, что ты остался в живых. Голос отца доносился откуда-то издалека:

– А на Челекендском острове змеи водятся?

– Да, хан, причем очень длинные и ядовитые змеи... Правда, никто никогда не видел их. Лишь однажды пророк с оазиса Мерв рассказывал, что...

Мне было невыносимо слушать дальше их разговор. Я поднялся к штурвалу и произнес:

– Отец, Азии больше нет, друзья наши погибли, мы – в изгнании. Аллах прогневался на нас, а ты рассуждаешь о челекендских змеях.

Лицо отца выражало спокойствие. Он облокотился о мачту и долго смотрел на меня.

– Азия не умерла. Лишь границы ее сместились, навечно сместились. Баку теперь относится к Европе. И это не только совпадение. В Баку больше не оставалось азиатов.

– Отец, я защищал Азию пулеметами, штыками и мечом.

– Ты храбрый мужчина, Али-хан. Но в чем заключается храбрость? Европейцы тоже храбрые. Мы и все сражавшиеся с тобой мужчины больше не являемся азиатами. Я не испытываю никакой ненависти к Европе. Она мне безразлична. Ты ненавидишь ее, поскольку в тебе есть что-то европейское. Ты учился в русской школе, изучал латынь, у тебя жена-европейка. Как ты можешь оставаться азиатом?

В случае победы ты бы сам ввел Европу в Баку, даже не осознавая того или не намереваясь сделать это. На самом деле какая разница, будем ли строить новые заводы и дороги мы, или это сделают русские. Дальше так продолжаться просто не могло. Быть примерным азиатом совсем не означает убивать одного за другим врагов, жаждая их крови.

– Тогда что, по-твоему, означает быть азиатом?

– Ты наполовину европеец, Али-хан, вот почему задаешь мне этот вопрос. Я не смогу тебе объяснить это, поскольку ты видишь в жизни лишь очевидное. Твое лицо обращено на землю. Вот почему твое поражение доставляет тебе столько страданий, и страдания эти настолько заметны окружающим.

Отец притих и отвел глаза. Подобно всем пожилым людям в Баку и Иране, он создал себе в воображении иной, отличный от реального мир, в который он мог уйти и который сделал бы его недостижимым. Этот таинственный мир, где можно хоронить друзей и говорить с рулевым о чудесах острова Чарджоу, лишь смутно представлялся мне. Я постучался в дверь этого мира, но меня не впустили. Уж слишком глубоко я погряз в реальности, причиняющей страдания. Поэтому меня нельзя было больше назвать азиатом. Никто меня не винил за это, но, казалось, все об этом знали. Я сильно желал вновь очутиться дома, в азиатском мире грез, но реальность превратила меня в чужестранца. Я одиноко стоял в лодке, вглядываясь в черную гладь моря. Мухаммед Гейдар мертв, Айша тоже умерла, дом наш разрушен. А я в маленькой лодке плыл на землю шаха, в

великий, спокойный Иран. Вдруг ко мне приблизилась Нино:

– Что мы будем делать в Иране?

– Отдыхать.

– Как хорошо, Али-хан. Мне бы выспаться как следует эдак месяц или год. Я хотела бы спать в саду с зелеными деревьями. И не слышать никакой перестрелки.

– Мы выбрали правильную страну. Иран спит вот уже тысячу лет, а перестрелка – очень редкое явление там.

Мы прилегли. Нино сразу же уснула. А я долго всматривался в силуэт Сеида и капли крови на его пальцах. Он молился. Он знал о существовании скрытого мира – мира, который начинался там, где заканчивалась реальность. Поднималось солнце, а за ним показался Иран. Мы чувствовали его дыхание и, прислонившись к бортам лодки, поедали рыбу, запивая ее водой. Рулевой говорил с отцом, изредка бросая на меня, как на посторонний предмет, равнодушные взгляды.

На четвертый день вечером на горизонте показалась желтая полоска, походившая на облако. Это был Иран. Полоска постепенно увеличивалась. И вскоре появились мазанки и якоря. Мы прибыли в порт шаха – Энзели и бросили якорь на покрытый плесенью деревянный причал. Нас встречал мужчина в парадной одежде. На эмблеме высокой папахи был изображен серебряный лев, поднявшийся на задние лапы, и заходящее солнце. За чиновником шли двое босых полицейских-моряков в рваных мундирах. Он взглянул на нас большими круглыми глазами и произнес:

– Приветствую вас, как ребенок приветствует первые лучи солнца в день своего рождения. Есть ли у вас документы?

– Мы – Ширванширы, – ответил отец.

– Не имеет ли счастье Ассад-ас-Салтане Ширваншир, Лев империи, пред которым всегда распахнуты алмазные двери дворца шаха, быть вашим родственником?

– Он мой брат.

Мы вышли из лодки и последовали в сопровождении этого мужчины.

– Ассад-ас-Салтане ожидал вашего прибытия. Он прислал за вами машину, которая сильнее льва, быстрее оленя, величественнее орла и надежнее замка на скале.

Мы повернули за угол. На улице стоял трясущийся, будто в приступе астмы, старый «форд». На шинах в нескольких местах пестрели заплаты. Когда мы сели в машину, двигатель задрожал. Водитель машины смотрел куда-то вдаль, возомнив себя капитаном океанского лайнера. Автомобиль завелся всего лишь через полчаса, после чего началось наше путешествие в

Тегеран через Решт.

Глава 23

Горячий пустынный воздух оведал Энзели, Решт, улицы и деревушки. Время от времени на горизонте призраком возникали Абу Езид, Шейтан Сую – миражи иранской пустыни. Широкая дорога в Решт проходила вдоль русла несуществующей реки, которое было покрыто слоем ила. Иранские реки обычно пересыхают. Лишь изредка здесь встречаются пруды и водоемы. Сухие берега были усеяны скалами, бросающими тень на песок. Они походили на сонных и довольных доисторических великанов с плоскими животами. Издалека доносился звон колокольчиков каравана. Наша машина замедлила ход, и перед взором предстали верблюды, поднимающиеся по крутой горе. Впереди с посохом в руке шагал погонщик, а за ним следовали мужчины в черном одеянии. Верблюды напряженно продолжали свой путь. С каждым отмеряемым ими шагом колокольчик на шее животных издавал звон. С верблюжьих горбов свешивались длинные темные мешки. Уж не шелк ли исфаганский они везли? А может, это была шерсть из Гилана? Машина остановилась. Мешки приняли очертания человеческих тел – сто или двести трупов, обернутые в черную ткань. Верблюды прошли мимо нас, кивая, как колосья в поле при дуновении ветра. Через пустыню и горы, через белую гладь соленой степи, через множество оазисов, минуя большие озера, караван вез свой груз. Достигнув далекой турецкой границы, верблюды опустятся на землю. Чиновники в красных фесках, проверив тюки, отпустят караван к куполам священной Кербалы. Они остановятся у гробницы имама Гусейна, а заботливые руки перенесут тела в заготовленные могилы. В песках Кербалы тела обретут покой, пока последний трубный глас не возвестит о наступлении Судного дня.

– Молитесь за нас у гробницы имама! – выкрикнули мы и поклонились их памяти, прикрывая ладонями глаза.

– Кто бы за нас помолился, – ответил погонщик.

Караван медленно, подобно тени, подобно Абу Езиду, миражу великой пустыни, двинулся дальше...

Автомобиль вез нас по улицам Решта. За деревянными домиками и мазанками не было видно горизонта. Здесь еще витал дух тысячелетий, сохранившийся с момента основания этого города. Мазанки вдоль узких переулков стояли одна за другой. В городе преобладали серые и черные тона. Все было очень маленькое и, возможно, выражало покорность судьбе.

Над съезжившимися домиками неожиданно возвышалась мечеть. Лысые головы мужчин были покрыты круглыми, как тыква, шапочками, а лица были похожи на маски. Всюду стояли пыль и грязь. И вовсе не потому, что иранцам нравилось жить в этой грязи. Просто, зная, что все усилия, направленные на борьбу с грязью, окажутся тщетными, иранцы предпочли смириться с ней. Мы остановились в маленькой чайхане, в которой стоял запах анаши. Мужчины стали бросать косые взгляды на Нино. А в углу, весь в лохмотьях и с медной пиалой в руках, стоял дервиш с открытым слюнявым ртом. Он отрешенно смотрел на присутствующих, будто приглядываясь к невидимому присутствию таинственной силы и ожидая какого-то знака от нее. Молчание дервиша становилось невыносимым.

– Я вижу, как на западе восходит солнце! – вдруг выкрикнул он, подпрыгнув.

Толпа вздрогнула. В дверях появился посыльный наместника:

– Его превосходительство велел поставить здесь стражу из-за обнаженной женщины.

Это касалось Нино, которая сидела непокрытой. Не понимающая фарси Нино никак не отреагировала на его фразу. Мы заночевали в доме наместника. А наутро наша охрана, оседлав коней, стала собираться с нами в дорогу. Нино отказалась надеть чадру, и, дабы не столкнуться с рыскающими по стране бандитами, они решили сопровождать нас до Тегерана. Машина медленно ползла по пустыне. Мы проехали Казвин с его древними развалинами. Здесь собирал свою армию шах Шапур. Кроме того, развалины служили местом встречи Сефевидов, художников, их покровителей и апостолов.

Автомобиль одолел еще семьдесят миль вьющейся, как змея, дороги. Вскоре перед нами предстали ворота Тегерана, выложенные разноцветными плитами. На фоне далекого, покрытого снегом Демавенда выдавались четыре башни. Черная арабская арка с мудрым изречением смотрела на меня взглядом иблиса. Под большими воротами в пыли развалились покрытые ранами нищие и странствующие дервиши в лохмотьях и с вытянутыми, по-аристократически тонкими руками. Своими унылыми и печальными голосами они воспевали красоту величественного Тегерана. Эти люди приехали в город куполов много лет тому назад в надежде на исполнение своих заветных желаний. Сейчас же им оставалось лежать в пыли и посвящать отвергшему их городу свои печальные мотивы. Маленький автомобиль пробирался по лабиринту переулков через Топмейданы, проехав через имперские алмазные ворота и выехав на широкую дорогу, ведущую на окраину Шамирана.

Ворота Шамиранского дворца были широко распахнуты, и, въехав, мы оказались окутанными в облако аромата роз. От голубых плит на стенах исходила приятная прохлада. Мы быстро прошли через сад с фонтаном, из которого в воздух летели серебряные струи. Темная комната с занавешенными окнами походила на прохладный колодец. Свалившись в мягкую постель, мы с Нино сразу же забылись глубоким сном.

Мы спали, просыпались и, объятые сладкой дремой, вновь засыпали в этой прохладной комнате с задрапированными окнами. Пол и низкие диваны были устланы многочисленными подушками, тюфяками и балышами. Во сне мы слышали пение соловьев. Сон в этом большом тихом доме, далеко от всех опасностей, старой бакинской стены, граничил со странным чувством нереальности. Время как будто остановилось. Иногда Нино вздыхала, поднималась и клала голову мне на живот. Я зарылся лицом в мягкие подушки, от которых исходил сладкий запах иранского гарема. На меня нашла безграничная лень. Мне даже лень было поднять руку и почесать нос, который давно зудел. Вскоре зуд прекратился, и я снова уснул.

Нино неожиданно проснулась.

– Али-хан, я умираю от голода, – сказала она, приподнявшись.

Мы вышли в сад. Вокруг фонтана цвели розовые кусты, а кипарисы своими макушками упирались прямо в небо. Неподалеку застыл, поглядывая на заход солнца, павлин с разноцветным хвостом. Вдали, на фоне золотого заката, белела вершина Демавенда. Я хлопнул в ладоши. К нам тут же подбежал евнух с обрюзгшим лицом в сопровождении пожилой женщины, которая сгибалась под тяжестью ковров и подушек. Мы сели в тени кипариса. Евнух принес посуду и воду, и вскоре ковер был усеян изысками иранской кухни.

– Да, уж лучше есть руками, чем слышать грохот пулеметов, – произнесла Нино, погрузив левую руку в блюдо с дымящимся рисом.

Лицо евнуха исказилось, и он отвернулся, чтобы не наблюдать позора своего господина. Я стал показывать Нино, как есть иранский рис при помощи трех пальцев правой руки. Нино рассмеялась. В первый раз после того, как мы покинули Баку. Теперь-то я чувствовал себя в безопасности. До чего же прекрасно было находиться в Шамиранском дворце, на мирной шахской земле преданных поэтов и мудрецов.

– Где твой дядя Ассад-ас-Салтане и весь его гарем? – вдруг спросила Нино.

– Наверное, в этом дворце.

– А гарем?

– Вот же гарем, здесь, в саду и в комнатах, которые его окружают.

– Значит, я уже нахожусь в гареме, – рассмеялась Нино, – так и знала, что все именно этим и закончится.

К нам приблизился второй евнух, тощий пожилой мужчина, интересуясь, не желаем ли мы послушать его пение. Мы отказались. После трапезы три девушки свернули ковры, а пожилая женщина унесла остатки еды. Недалеко маленький мальчуган кормил павлина.

– Кто все эти люди, Али-хан?

– Прислуга.

– Боже мой, сколько же здесь слуг?

За ответом я обратился к евнуху. Он задумался, беззвучно шевеля губами, и после долгого молчания выяснилось, что за гаремом ухаживают двадцать восемь человек.

– А сколько здесь женщин?

– Столько, сколько прикажете, хан. В данный момент здесь только одна женщина, и она сидит рядом с вами. Но места всем хватит. Ассад-ас-Салтане уехал в город с женами. Гарем в вашем распоряжении.

Он присел на корточки и, преисполненный чувства собственного достоинства, продолжил:

– Меня зовут Яхья Гулу. Я буду оберегать вашу честь, хан. Могу читать, писать и слагать суммы. Я разбираюсь в вопросах управления и обращения с женщинами. Можете положиться на меня. Вижу, вам попалась диковатая женщина, но со временем я научу ее благородным манерам. Скажите, когда у нее месячные, чтобы я отметил и запомнил эту дату. Это нужно для того, чтобы определять женское настроение. Ибо я уверен, что она может быть раздражительной. Я лично искупаю и побрею ее. Вижу, у нее под мышками растут волосы. Поразительно, до чего же в некоторых странах запущено воспитание женщин. Завтра я выкрашу ее ногти хной и проверю ей рот, прежде чем она ляжет в постель.

– О боже, а это еще зачем?

– У женщин с большими зубами несвежее дыхание, поэтому мне нужно проверить ее зубы и дыхание.

– О чем это он там трещит? – спросила Нино.

– Рекомендует зубного врача. Чудной все-таки.

Фраза заставила меня сконфузиться.

– Яхья Гулу, – обратился я к нему, – вижу, ты – человек опытный и довольно хорошо разбираешься в вопросах культуры. Но моя жена беременна, и за ней нужен особый уход. Поэтому давай отложим ее воспитание до тех пор, пока не родится ребенок.

Я почувствовал, как краснею. Нино действительно была беременной, но я все равно солгал.

– Вы очень мудры, хан, – произнес евнух. – Беременные женщины плохо поддаются воспитанию. Кстати, существует снадобье, благодаря которому можно родить мальчика. Но, – заключил он, внимательно разглядывая еще недостаточно располневшее тело Нино, – у нас будет достаточно времени для этого.

Снаружи, на веранде, зашаркали башмаки. Евнухи и женщины обменивались какими-то таинственными знаками. Яхья Гулу вышел и вскоре вернулся, напустив на себя серьезный вид:

– Хан, его преподобие ученый Хафис Сеид Мустафа хочет увидиться с вами. Я бы не осмелился беспокоить вас, хан, в то время, как вы наслаждаетесь обществом гарема, но Сеид – ученый мужчина из рода пророка. Он ждет вас на мужской половине.

При упоминании имени Сеида Нино подняла голову.

– Сеид Мустафа? – переспросила она. – Проводите сюда, пусть выпьет с нами чая.

Репутацию рода Ширванширов от страшного позора спасло только то, что евнух не понимал русского языка. Уму непостижимо – супруга хана решила принять другого мужчину в гареме!

– Сеид не может сюда войти. Мы ведь в гареме, – ответил я, смутившись.

– О боже, ну до чего же забавные традиции царят здесь. Ну хорошо, давай посидим с ним снаружи.

– Нино, боюсь, что... Не знаю, как тебе объяснить все это... но здесь, в Иране, все не так, как у нас. Я хочу сказать, что... Сеид ведь мужчина, не так ли?

Нино вытаращила глаза:

– Ты хочешь сказать, что Сеид не должен меня видеть, – тот самый Сеид, который сопровождал меня всю дорогу в Дагестан?

– Боюсь, что да, Нино. Хотя бы на первых порах.

– Хорошо, – холодно ответила Нино, – ступай к нему.

Я уныло поплелся к Сеиду, и, расположившись в большой библиотеке, мы выпили с ним чая. Он рассказал про отъезд родителей в Мешед. Они останутся в доме у дяди Сеида до тех пор, пока Баку не покинут неверные. План был довольно удачным.

Сеид был очень воспитанным и не стал расспрашивать о Нино. Он даже не произнес ее имени. Вдруг дверь распахнулась.

– Добрый вечер, Сеид, – стараясь держать себя в руках, произнесла

Нино.

Сеид Мустафа от неожиданности вздрогнул. Его рябое лицо исказил ужас.

– Хочешь еще чая? – предложила Нино, присев на тюфяк.

Из коридора послышался беспокойный топот ног. Честь рода Ширванширов оказалась навечно запятнанной. Сеид несколько минут приходил в себя.

– Я не испугалась грохота пулеметов, – произнесла она, скорчив гримасу Сеиду. – Чего мне бояться этих ваших евнухов.

Так мы и просидели втроем. Сеид был не только воспитанным, но и очень тактичным человеком. Перед тем как отправиться спать, ко мне подошел евнух.

– Господин, накажите меня. Я должен был присмотреть за ней, – стал извиняться он, – кто же мог подумать, что она окажется такой дикой. Накажите меня.

На его толстом лице было написано самое искреннее раскаяние.

Глава 24

Удивительно все-таки устроена наша жизнь. Когда на пропитанном нефтью берегу Биби-Эйбата прогремели последние выстрелы, я подумал, что больше никогда в жизни не испытаю счастья. Теперь же, после всего лишь четырех недель, проведенных в благоухающих садах Шамира, ко мне полностью вернулось душевное спокойствие. Я чувствовал себя как дома и жил подобно растению, вдыхая прохладный воздух этого безмятежного уголка вблизи Тегерана. В город я ездил редко – навещать друзей и родственников да прогуливаться по темным лабиринтам базара в сопровождении слуг. Узкие переулки, ларьки, лампы, освещающие темные углы, люди в ниспадающей одежде, широченных шароварах, лохмотьях, и все это находилось под глиняным зонтом куполовидной крыши. Я шарил среди роз, орехов, ковров, шарфов, шелков и ювелирных украшений, выживая кувшины с золотым ободком, старинные филигранные ожерелья и браслеты, ароматные наборы и подушки из марокканской кожи. Тяжелые серебряные туманы переключивались в карманы торговцев, а слуги оказывались нагруженными восточными дарами, предназначенными для Нино. Душа разрывалась при виде ее испуганного личика в розовом саду. Слуги сгибались под тяжестью груза. В одном из уголков базара продавались Кораны в мягкой кожаной обложке и миниатюры: девушка и принц с миндалевидными глазами в тени кипариса, на другой был изображен шах на охоте с копьем и убегающая лань. Вновь звенели серебряные туманы.

Неподалеку за низким столиком сидели двое торговцев. Один из них, вытащив из кармана большие монеты, передавал их другому, который тщательно разглядывал, пробовал на зуб и, взвесив на маленьких весах, перекладывал монеты в большую торбу. Прежде чем выплатить свой долг, первый торговец раз сто, двести, а может, десять тысяч залез рукой в карман. Движения его были степенны и величавы. Вот он, тиджарат! Торговля! Сам пророк Мухаммед был торговцем.

Базар представлял собой один сплошной лабиринт. Рядом с двумя торговцами в своей палатке, перелистывая какую-то книгу, сидел мудрец. Лицо его напоминало скалу с древней надписью, заросшей мхом. Длинные тонкие пальцы аккуратно и терпеливо перелистывали желтые заплесневевшие страницы, от которых исходил запах ширазских роз, доносилось пение иранских соловьев и веселые напевы, глядели

миндалевидные глаза, обрамленные длинными ресницами. Старик с большой любовью перелистывал страницы.

Шепот, гам, крики – все смешалось в одно целое.

Я стал торговаться с продавцом керманских ковров. Ковер был старинный, с нежной расцветкой, которая так нравится Нино. Как капля драгоценного розового масла источает аромат тысячи роз, так и узкие базарные ряды Тегерана пропускали через себя толпы людей. Я мысленно представлял себе Нино, склонившуюся над небольшой чашей с розовым маслом.

Обессилевшие, слуги еле волочили.

– Отвезите все это в Шамиран, да побыстрее, я буду позже.

Слуги растворились в толпе. Я наклонился и вошел через низкую дверь в иранскую чайхану, переполненную народом. В середине чайханы сидел мужчина с выкрашенной хной бородой, который, прикрыв глаза, читал одну из любовных газелей Хафиза. Слушатели с восхищением вздыхали. Затем он стал читать вслух новости из газет:

– В Америке изобретен аппарат, с помощью которого человеческую речь можно услышать на другом конце мира. Наш великий повелитель шахиншах, чье сияние ярче солнечных лучей, чьи руки достают до Марса, а трон – выше мира, принял в своем дворце посла монарха, который в настоящее время правит Англией. В Испании родился ребенок с тремя головами и четырьмя ногами. Народ считает это дурным предзнаменованием.

Слушатели удивленно цокали языком. Рыжебородый сложил газету и объявил следующую газель, которая на этот раз посвящалась богатырю Рустаму и его сыну Зохрабу. Я не прислушивался к пению. Я смотрел на дымящийся золотистый чай и думал о том, что все идет не так, как задумано.

Да, мне не на что жаловаться, я – в Иране и живу во дворце. Но ведь и Нино живет в том же дворце и совершенно недовольна жизнью. Нино нравилось жить в Дагестане, хотя и приходилось терпеть все неудобства жизни в горах. Здесь же она никак не могла смириться с иранским этикетом, желая прогуливаться со мной под ручку по улицам, несмотря на строгий запрет полиции. Муж с женой просто не могли гулять вместе и принимать гостей. Она просила меня показать ей город и очень расстраивалась, когда я пытался отговорить ее от этой затеи.

– Я бы с удовольствием показал тебе город, Нино. Но я не могу показать городу тебя.

Ее большие темные глаза выражали удивление и упрек. Как же

объяснить ей, что супруге хана просто-напросто не пристало прогуливаться в городе непокрытой. Я покупал ей самую дорогую чадру:

– Смотри, какая красивая, Нино. А как она защищает лицо от солнечных лучей и пыли. Честно говоря, я и сам бы не прочь надеть ее.

Она грустно улыбалась и убирала чадру:

– Прятать лицо под чадрой – унижительно для женщины, Али-хан. Я бы стала презирать себя, если бы покрылась чадрой.

Тогда я показал ей распоряжение полиции. Она разорвала его, и мне пришлось вызывать закрытую карету с матовыми стеклами на окнах. Мы прокатились по городу. Увидев на Топмейданы моего отца, она захотела поздороваться с ним.

Какой ужас! Мне потом пришлось скупить половину базара, чтобы помириться с ней... Сейчас же я сидел один в этой чайхане и глядел в свой стакан. Нино вся извелась от скуки, а я ничем не мог помочь ей. Ей захотелось познакомиться с женами и дочерьми европейцев, живущих в Тегеране. Но это было невозможно. Супруге хана нельзя было общаться с женами и дочерьми неверных. Они стали бы жалеть ее из-за того, что ей приходится жить в гареме, и в конце концов она решила бы, что положение ее действительно ужасно.

Несколько дней тому назад, погостив у моих тетушек и кузин, она вернулась расстроенная.

– Али-хан, – выкрикнула она с отчаянием в голосе, – они спрашивали, сколько раз в день ты одариваешь меня своей любовью. Они говорят, что ты не отходишь от меня. Это им мужья рассказали про нас. Поэтому они и представить себе не могут, что мы занимаемся чем-то еще, помимо любви. Они поделились со мной заклинанием против злых духов и подарили талисман, который защитит меня от соперниц. Твоя тетушка Султан-ханум спрашивала, насколько утомительно быть единственной женой такого юноши, как ты, и все спрашивала, что я такого делаю, что ты не ходишь по мальчикам-танцовщикам. Твоя кузина Суада хотела знать, заразился ли ты когда-нибудь дурной болезнью. Они говорят, что мне остается только завидовать. Али-хан, у меня такое чувство, будто меня облили грязью.

Я постарался изо всех сил успокоить ее. Она забилась в угол, как испуганный ребенок, не в силах совладать с ужасом, и долго не могла прийти в себя.

Чай остывал. Я сидел в чайхане, чтобы люди видели, что я не провожу все свое время в гареме. Вот уже и родственники подтрунивают надо мной. Женщине посвящались лишь определенные часы, все остальное время принадлежало мужчине. Но для Нино я одновременно был всем: газетами,

театром, кофейней, друзьями и мужем. Поэтому я не мог оставлять ее одну дома, поэтому я скупал весь базар. К тому же сегодня вечером дядя устраивал прием в честь моего отца. На прием был приглашен и сын шаха, а Нино должна была остаться дома одна в компании евнуха, который стремился перевоспитать ее.

Я вышел с базара и поехал в сторону Шамирана. Нино сидела в большом зале, устланном коврами, задумчиво перебирая гору сережек, браслетов, шелковых шарфов и флаконов с духами. Она спокойно и нежно поцеловала меня, вселив в меня отчаяние. Евнух принес прохладный шербет и с упреком посмотрел на меня: мужчина не должен так ублажать свою жену.

В Иране жизнь начинает бурлить ночью. Днем она невыносима из-за жары, грязи и пыли. Но с наступлением сумерек люди оживляются, мысли становятся свободными и легкими, слова обретают особую плавность. Время следования Тешачуту – удивительному ритуальному этикету в Иране. Я люблю и восхищаюсь этим образом жизни, настолько не похожим на жизнь в Баку, Дагестане и Грузии.

В восемь часов к дверям подъехали праздничные кареты дяди. Согласно этикету, одна предназначалась для отца, другая же – для меня. Перед каждой каретой стояли трое слуг с фонарями, освещающими их преданные лица. Это были вестники и скороходы, которым в детстве удалили селезенку, и теперь их единственным предназначением в жизни было бежать впереди кареты, торжественно выкрикивая: «Берегись!» И даже несмотря на то, что улицы были пусты, скороходам приходилось выполнять свой долг, поскольку этого опять же требовал этикет.

Мы проехали по узким переулкам мимо бесконечных серых глиняных стен. За этими стенами, должно быть, прятались домишки или дворцы, казармы или учреждения. На улицы выходили лишь глиняные стены, скрывающие от любопытных глаз жизнь Ирана. В белом свете луны круглые купола базара напоминали многочисленные игрушечные шары, удерживаемые невидимой рукой.

Мы остановились у бронзовых узорчатых ворот, встроенных в широкую стену. Как только ворота распахнулись, мы въехали во двор.

В обычные дни, когда я один приезжал в этот дом, в воротах стоял старик в лохмотьях. Сегодня же фасад дворца был увешан гирляндами и бумажными фонарями. Останавливающиеся кареты приветствовали низким поклоном восемь мужчин. Громадный двор был разделен на две части. На одной стороне располагался гарем, где у фонтана раздавалась соловьиная трель. На мужской стороне стоял прямоугольный бассейн с

лениво плескающимися в нем золотыми рыбками.

Мы вышли из карет. Дядя приветствовал нас у дверей низким поклоном, прикрыв лицо рукой. Мы прошли в огромный зал с резными деревянными стенами и золочеными колоннами. Зал уже был полон гостей в черных папахах, тюрбанах и широкой одежде из тонкой темной ткани. В центре восседал пожилой мужчина с огромным горбатым носом, седыми волосами и бровями, похожими на крылья птицы. Это был его высочество шахзаде. Гости при нашем появлении встали. Поприветствовав в первую очередь шахзаде, а следом и остальных гостей, мы опустились на мягкие тюфяки. Гости последовали нашему примеру. Воцарилось молчание, длившееся пару минут. Затем все снова поднялись и стали раскланиваться друг с другом. Наконец мы снова заняли свои места и замолчали. Слуги принесли бледно-голубые чаши с ароматным чаем и корзинки с фруктами.

– Я много путешествовал и побывал во многих странах, – нарушил тишину его высочество, – но нигде в мире не пробовал персиков и огурцов вкусней иранских.

С этими словами он разрезал огурец и, посолив, принялся медленно и с задумчивым видом жевать его.

– Ваше высочество правы, – произнес отец. – Я путешествовал по Европе и поражался тому, какие у этих неверных мелкие и неприглядные фрукты.

– Я всегда с радостью возвращаюсь в Иран, – произнес мужчина, посол иранского шаха в одной из европейских стран. – Нам, иранцам, нечему завидовать на этой земле. Мир действительно делится на иранцев и варваров.

– Можно насчитать и несколько индусов, – снова вмешался шахзаде. – Будучи когда-то в Индии, я встретил несколько довольно цивилизованных людей, которые по своей культуре были почти на одном уровне с нами. Но опять же – варварство хоть в чем-то должно было проявиться. Этот благородный индус, которого я посчитал за своего, однажды пригласил меня к себе на ужин. Он поедал листья салата!

Мы были просто в ужасе.

– Разница между иранцами и всеми остальными в том, что лишь мы можем по достоинству оценить красоту, – устало произнес мулла с ввалившимися щеками и тяжелым тюрбаном на голове.

– Верно, – поддержал его дядя. – Шуму фабрики я всегда предпочитаю красивую поэму. А Абу Сайду прощаю его ересь только потому, что он является основоположником прекрасных рубаи в нашей литературе.

Затем он откашлялся и стал читать:

Те медресе ве минаре виран несщуд
Ин кар календари бисман несщуд
Та иман кафр ве кафт иман несщуд
Ек бенде щакиката мусулман несщуд
Мечеть и медресе покуда в мире есть.
Дорога к истине для страждущего есть.
Неверье с верою покуда в мире есть,
Затронута всех правоверных честь.

– Поразительно, – произнес мулла. – Поразительно. До чего же красив этот стих...

И он стал повторять строку: «Затронута всех правоверных честь».

Затем он поднялся и, взяв серебряный длинногорлый кувшин для омовения, пошатываясь, вышел из комнаты. Через некоторое время мулла вернулся и поставил кувшин на пол. Гости поднялись, чтобы поздравить его с очищением тела от ненужной материи.

– Правда ли, ваше высочество, – обратился мой отец к шахзаде, – что наш премьер Восуг-ад Довле намеревается заключить новый договор с Англией?

– Вам лучше узнать об этом у Ассада-ас-Салтане, – улыбнулся шахзаде, – впрочем, это уже не является государственной тайной.

– Да, – произнес дядя. – Это очень выгодный договор. Отныне варвары станут нашими рабами.

– Действительно? И как же?

– Все очень просто. Англичане любят работать, мы же любим безопасность. Им нравится воевать, мы – сторонники мира. Поэтому мы заключили с ними договоренность, которая позволит нам больше не беспокоиться о безопасности границ. О них позаботится Англия, которая займется строительством дорог и домов. К тому же она заплатит нам за все это. Ибо Англия знает, что мировая культура обязана в основном Ирану.

Рядом с дядей сидел мой кузен Бахрам-хан Ширваншир.

– Вы действительно думаете, что Англия так благоволит к нам из-за культуры, а не из-за нефти? – обратился он к сидящим.

– Так, и культура, и нефть – светочи мира и посему нуждаются в защите, – равнодушно произнес дядя. – Мы ни в коем случае не можем стать солдатами.

– Почему же? – спросил на этот раз я. – Я сам, например, сражался за свой народ и впредь мог бы сражаться.

Ассад-ас-Салтане неодобрительно посмотрел на меня, а шахзаде поставил на стол чашу.

– Я не знал, что среди Ширванширов есть солдаты, – высокомерно произнес он.

– Ваше высочество! Он был офицером.

– Это не имеет никакого значения, Ассад-ас-Салтане... Офицер, – насмешливо произнес шахзаде, выпятив губы.

Я молчал. Я совсем забыл, что в глазах благородного иранца быть солдатом означало принадлежать к низшему классу. Только кузен Бахрамхан Ширваншир был на моей стороне. Да и то по молодости лет. Сидящий рядом с шахзаде и награжденный множеством орденов Мушир-ад Довле стал подробно объяснять ему, что Иран находится под особым покровительством Аллаха и не нуждается в бряцании оружием перед всем миром. К тому же в прошлом сыны Ирана уже доказали свою отвагу.

– В сокровищнице шаха, – закончил он, – стоит глобус, отлитый из золота, на котором каждая страна выложена различными драгоценными камнями. Лишь территория Ирана выложена самыми прозрачными и сверкающими бриллиантами. Это не просто символ. Это Истина.

Я вспомнил всех иностранных солдат, размещенных в стране, и полицейских в лохмотьях, которые встречали нас в порту Энзели. Это и была Азия, складывающая свое оружие под натиском Европы и опасаящаяся стать европейской. Шахзаде презирал солдат, несмотря на то что сам был потомком шаха, при котором мой прадед завоевал Тифлис. В те дни Иран знал, как управлять оружием, не теряя при этом лица. Но со временем он ослаб, как в эпоху управления Сефевидами. Шахзаде предпочитал поэмы пулеметам, может, и потому, что разбирался лучше в поэмах, чем в пулеметах. Он был одного возраста с моим дядей. Иран умирал, но умирал грациозно. Мне вдруг вспомнились строки Омара Хайяма:

День и ночь – как шахматы судьбы,
А фигуры – мы – фатальности рабы.
Поиграв, нас по местам разложат,
Не заметив мелочной борьбы...

Я, сам того не сознавая, прочел эти строки вслух. Выражение лица шахзаде смягчилось.

– Вижу, вы – образованный человек и, наверное, стали солдатом лишь

по чистой случайности, – произнес он снисходительно. – Вот скажите, если бы у вас был выбор, вы бы действительно решили стать солдатом?

– Ваше высочество спрашивает, какой выбор я сделал бы, – сказал я, поклонившись. – Я бы предпочел рубиновые губы, звуки музыки, мудрый совет и красное вино.

Знаменитые строки Дагиги вернули мне благосклонность присутствующих. Даже мулла с ввалившимися щеками любезно улыбнулся.

В полночь мы вошли в столовую. На коврах была расстелена огромная скатерть. Посредине стояла большая бронзовая чаша, наполненная пловом. А вокруг лежали плоские лаваш и многочисленные чаши разных размеров – пустые или наполненные всевозможными яствами. Слуги, неподвижно стоявшие по углам, держали в руках фонари, проливающие мягкий свет. Мы расселись и, после того как мулла произнес молитву, приступили к трапезе – каждый в своей любимой последовательности. Согласно обычаям, мы ели быстро, ибо еда – единственное занятие, при котором иранцу следует спешить. Рядом со мной сидел кузен Бахрам-хан.

– Тебе нравится Иран? – обратился он ко мне через некоторое время с любопытством в голосе.

– Да, очень.

– Как долго ты пробудешь здесь?

– До тех пор, пока в Баку не войдут турки.

– Завидую тебе, Али-хан, – восхищенно произнес он. Затем свернул лаваш и заполнил его рисом. – Ты управлял пулеметом и видел залитые слезами лица врагов. Меч Ирана же заржавел. Мы восторгаемся поэмами Фирдоуси, написанными четыреста лет тому назад, легко можем отличить Дагиги от Рудаки. И в то же время не знаем, как построить автомобильную дорогу или как сформировать полк.

– Автомобильные дороги, – произнес я, вспомнив дынные поля на залитой лунным светом мардакянской дороге. Как хорошо, что азиаты не умели строить эти дороги. Обладай они нужными навыками, карабахский гнедой ни за что бы на свете не догнал европейский автомобиль. – Для чего вам автомобильные дороги, Бахрам-хан?

– Для перевозки солдат в грузовиках, даже если наши государственные деятели утверждают, что мы не нуждаемся в них. Это не так! Нам нужны пулеметы, школы, больницы, четко действующие системы налогообложения, новые законы и такие, как ты, мужчины. Стихотворения – самое последнее, что нам нужно. Иран распадается на части, а аксакалы проводят вечера за чтением поэм. Но сейчас появились и другие газели: ты

знаком со стихами Ашрафа из Гилана?

Он чуть наклонился вперед и стал тихо читать:

Край наш разъедают Печаль и Горе,
Поднимайся и следуй за иранским гробом,
Юноши Ирана погибли в погребальной процессии,
Луна, поля, горы и долины залиты их кровью.

– Ужасные стихи, сказал бы шахзаде. Они оскорбили бы его поэтический вкус.

– Есть и другая поэма, – упрямо продолжал Бахрам-хан. – Ее написал Мирза Ага-хан. Послушай только:

Да сохранит Аллах Иран от владычества неверных.
Да не разделит Иран-невеста
Постель с Россией-женихом.
Да не станет его неземная красота
Забавой в руках английских лордов!

– Неплохо, – согласился я, улыбнувшись. Молодой Иран, казалось, отличался от старого дурными стихами. – Но скажи мне, Бахрам-хан, чего ты добиваешься на самом деле?

Я почувствовал, как он сжался на красном ковре.

– Ты был на площади Мейдани-Сипех? Там стоит сотня старых ржавых пушек с дулами, направленными во все четыре стороны света. Можешь представить себе, что эти дурацкие ржавые пушки – единственное оружие во всем Иране? Что у нас нет ни одной крепости, ни одного военного корабля, практически ни одного солдата – за исключением русских казаков, английских оккупационных войск и четырехсот толстых бахадуров дворцовой стражи? Ты только взгляни на своего дядю, или на шахзаде, или же на всех этих почтенных аристократов с их громкими титулами: мутные глаза, трясущиеся руки... Они напоминают мне эти ржавые пушки на Мейдани-Сипех. Век их недолог, и настало время освободить свои места. Уж слишком долго наша страна находилась в пресытившихся руках шахзаде и поэтов. Иран напоминает протянутую руку старого попрошайки. Я хочу, чтобы он превратился в зажатый кулак юноши. Останься здесь, Али-хан. Я слышан о тебе. Знаю, как ты остался

последним у пулемета, защищая старую бакинскую крепость, как ты убил врага, перекусив ему горло в ночи. Здесь бы тебе пришлось защищать не только старые стены, в твоём распоряжении был бы более чем один пулемет.

Согласись, это лучше, чем просиживать дни в гареме или скупать сокровища базара.

Я сидел, погруженный в мысли. Тегеран! Самый древний город в мире. Вавилонцы называли его Рога Рей – городом царей. Пыль старинных легенд, потускневшая позолота старых дворцов, изогнутые колонны алмазных ворот, выцветшие узоры на старых коврах и размеренные рифмы старых рубаи представляли здесь для меня прошлое, настоящее и будущее.

– Бахрам-хан, – ответил я, – допустим, ты получишь то, к чему так стремишься. Но, покрыв асфальтом дороги, построив крепости и направив самых безнадежных служащих в наисовременные школы, во что ты превратишь душу Азии?

– Душу Азии? – улыбнулся он. – На Топмейданы мы построим большой дом с флагами мечетей, рукописями поэтов, миниатюрами, танцующими юношами и назовем его Душой Азии. А на фасаде этого здания самым красивым шрифтом Куфи напишем «Музей». Дядя Ассад-ас-Салтане мог бы стать управляющим, а его высочество – директором этого музея. Ты ведь поможешь нам в строительстве этого величественного дома?

– Я подумаю об этом, Бахрам-хан.

Трапеза закончилась. Гости стали сбиваться в группы по интересам. Я поднялся и вышел на открытую веранду, обдуваемую прохладным и свежим воздухом. Из сада доносился аромат иранских роз. Я присел, перебирая четки, и стал вглядываться в темноту. За глиняными куполами базара виднелся Шамиран. Там среди тюфяков и подушек лежала моя Нино. Она, наверное, уже спала с раскрытыми губами и распухшими от пролитых слез веками. Меня одолела бесконечная грусть. Все сокровища базара, взятые вместе, не могли вернуть мне улыбку Нино. Иран! А следует ли мне оставаться здесь? Среди всех этих евнухов и шахзаде, дервишей и юродивых? Чтобы покрывать асфальтом дороги, собирать армию, еще сильнее насаждая Азии Европу. Я вдруг почувствовал, что ничто в этом мире не было мне так дорого, как смеющиеся глаза Нино. А когда я в последний раз видел их смеющимися? Давным-давно – в Баку у старой стены. На меня накатила волна дикой ностальгии. Мысленно я вновь представлял себе пыльную крепостную стену и солнце, заходящее за островом Наргин. Слышал, как под воротами Боз-Гурд в пустынных

песках, покрывающих степь вокруг Баку, на луну выли шакалы. Около Девичьей башни спорили торговцы, а поднявшись по Николаевской, можно было выйти к гимназии Святой царицы Тамары. Под деревом во дворе гимназии стояла Нино с тетрадкой в руке и большими от удивления глазами. Вдруг аромат роз сменился запахом чистого пустынного воздуха Баку, окутав меня слабым запахом моря, песка и нефти. Меня влекло к родине, как ребенка – к матери, а этой родине, как я мрачно предчувствовал, больше не было. Мне не следовало, не следовало покидать этот город, в котором я волею Аллаха родился. Я был привязан к крепостной стене, как собака к своей конуре. Глаза были обращены к небу. Там вдалеке, как на шахской короне, блестели большие звезды. Никогда прежде я не чувствовал себя таким чужим здесь. Мое место – в Баку, где в тени крепостной стены на меня смотрели смеющиеся глаза Нино.

– Ты меня слышишь, Али-хан? – тронул меня за плечо Бахрам-хан. – Что ты думаешь о моем предложении? Поможешь нам в создании нового Ирана?

– Мой дорогой кузен, Бахрам-хан, – обратился я к нему, – я завидую тебе. Лишь потерявший родину знает ей цену. Я не могу строить Иран. Меч мой наточен о камни бакинской стены.

Он с грустью посмотрел на меня.

– Меджнун, – произнес он по-арабски, что означало «влюбленный» или «безумец». Он был одной крови со мной, поэтому без труда разгадал мою тайну.

Я поднялся. В большом зале гости раскланивались с шахзаде. Я заметил его длинные сморщенные пальцы с окрашенными хной ногтями. Нет, не мне охранять стихи Фирдоуси, любовные послания Хафиза и изречения Саади. Я прошел в зал и поклонился шахзаде. Взгляд его был грустным и отсутствующим, наполненным предчувствием надвигающейся опасности. Возвращаясь в Шамиран, я думал о площади, на которой стояли ржавые пушки, об усталых глазах шахзаде, о спокойной покорности Нино и о неминуемой гибели.

Глава 25

На карте слились яркие и замысловатые цвета. Смешались названия городов, горных хребтов, рек. Прочитать их было почти невозможно. С маленькими цветными флажками в руке, я изучал расстеленную на диване карту. В другой руке у меня была газета с названиями городов, гор и рек, такими же запутанными, как на цветной карте. Я склонился над картой и газетой, тщательно стараясь найти золотую середину между географическими названиями в них. В маленький круг, рядом с которым печатными буквами значился Елизаветполь (Гянджа), я поставил зеленый флажок. Последние пять букв были напечатаны поверх гор Сангулдак. В газете было написано, что правозащитник Фатали-хан Хойский в Гяндже провозгласил независимую Азербайджанскую Республику. Ряд маленьких зеленых флажков восточнее Гянджи представлял армию, высланную Энвер-пашой для освобождения нашей страны. Справа, по направлению к городу Агдаш, следовала армия Нури-паши. В левой части Мурсал-паша занял долины Илису. Добровольческие батальоны нового Азербайджана воевали посередине. Теперь карта обрела четкость и стала довольно понятной. Турецкое кольцо медленно приближалось к Баку, оккупированному русскими. Стоило немного выправить маленькие зеленые флажки, как красные слились бы в одну массу на большой точке, обозначенной «Баку».

За спиной стоял евнух Яхья Гулу, молча и с большим интересом наблюдавший за моей странной игрой. Все эти перемещения флажков на цветной бумаге казались ему темной магией колдуна. Может быть, он путал причину со следствием и считал, что для освобождения родины от неверных мне следовало лишь заручиться поддержкой потусторонних сил, которые можно было вызвать, втыкая зеленые флажки в красную точку, именуемую Баку. Он не хотел беспокоить меня во время такого ответственного занятия и поэтому ограничился своим дежурным докладом.

– О хан, я пытался выкрасить ее ногти хной, – начал он своим монотонным и серьезным голосом, – но она опрокинула чашу с хной и выцарапала меня. А я ведь так старался и купил самую дорогую хну. Рано утром я подвел ее к окну и, осторожно обхватив голову, попросил открыть рот. Ведь забота о зубах ханум входит в мои обязанности, хан. Но она резко отпрянула и с размаху ударила меня правой рукой по левой щеке. Физической боли я не испытал, но лицо точно потерял. Простите вашего покорного слугу, хан, но я не осмелюсь убирать волосы на ее теле.

Странная все-таки женщина. Она отказывается носить амулеты и не предпринимает никаких мер, чтобы защитить ребенка. Не сердитесь на меня, хан, если это будет девочка, спрашивайте за все с Нино Кипиани. В нее, наверное, вселился злой дух, потому что при каждом моем прикосновении ее пробирает дрожь. Здесь около мечети Абдул-Асима живет старуха – большой специалист по изгнанию злых духов. Может, мне стоит пригласить ее сюда? Только подумайте, хан, утром она умывается холодной водой и портит себе кожу. Чистит зубы жесткими щетками, от которых кровоточат десны, вместо того чтобы чистить их ароматизированным бальзамом указательным пальцем правой руки, как все. Эти привычки у нее от злого духа.

Я не прислушивался к нему. Его монотонные доклады зачитывались у меня в комнате почти каждый божий день. Он действительно был обеспокоен: как честный человек, выполнявший свой долг, Яхья Гулу чувствовал себя ответственным за будущее малыша. Нино игриво, но упорно воевала с ним, бросаясь подушками, разгуливая по окружающей дом стене без чадры, выбрасывая в окно его амулеты и разукрашивая стены фотографиями своей грузинской родни – точнее, ее мужской части! Он испуганно докладывал об этом мне, а Нино каждый вечер, примостившись со мной на диване, строила свои козни на следующий день.

– О чем ты думаешь, Али-хан? – спросила она, задумчиво потирая свой подбородок. – Может, облить его водой из тонкого шланга ночью или бросить на него кошку днем? Нет, давай-ка я каждое утро стану делать упражнения в саду у фонтана. И его заставлю делать их вместе со мной, а то скоро совсем растолстеет. Или лучше-ка зачекочу его до смерти. Я слышала, что от щекотки человек может умереть, а он ее очень боится.

Она рассуждала о плане мести до тех пор, пока не засыпала, а евнух на следующее утро являлся с новым докладом:

– Али-хан, Нино-ханум стоит у фонтана, делая какие-то странные движения руками и ногами. Я боюсь. Аи, Аллах, она сгибается вперед и назад, словно тело ее совсем без костей. Возможно, она молится какому-то неизвестному Богу. И хочет еще, чтобы я повторял эти движения. Но я праведный мусульманин и стану так выгибаться только перед Аллахом. Я так переживаю за ее кости и за свое душевное благополучие!

Освобождение евнуха от обязательств не привело бы ни к чему. Его заменил бы другой, ибо дом без евнуха был совсем немислим. Кто бы стал присматривать за женской прислугой в доме, вести счета, распоряжаться деньгами и проверять расходы. Этим может заниматься лишь евнух, у которого нет никаких желаний и которого нельзя подкупить. Поэтому я

лишь углубился в изучение зеленой линии из маленьких флажков вокруг Баку, не удостоив его ответом.

– Может, все-таки пригласить эту пожилую женщину из мечети Абдул-Асима? – спросил евнух, откашлявшись.

– Зачем, Яхья Гулу?

– Чтобы изгнать злых духов из тела Нино-ханум.

Я вздохнул, зная, что мудрой женщине из мечети Абдул-Асима не под силу будет справиться с европейскими духами.

– Думаю, в этом нет особой необходимости, Яхья Гулу. Я сам знаю, как изгонять их, и займусь этим при первой же возможности. Теперь же мне следует сконцентрироваться на этих маленьких флажках.

Глаза евнуха заблестели от любопытства и страха.

– Ваша родина станет свободной, когда зеленые флажки вытеснят красные? Не правда ли, хан?

– Правильно, Яхья Гулу.

– Почему же вы тогда не расставите зеленые флажки сразу по местам?

– Я не могу этого сделать, Яхья Гулу, не так уж я могуч.

– Вы должны молиться Аллаху, чтобы Он наделил вас силой, – ответил он, посмотрев озабоченно, – на следующей неделе начинается мухаррам. Если вы помолитесь Аллаху во время мухаррама, Он, несомненно, наделит вас силой.

Смутившись, я сложил карту. Болтовня евнуха начинала действовать мне на нервы. Нино не было дома. В Тегеран приехали ее родители, и Нино целыми днями пропадала на снятой знаменитой семьей вилле. Там Нино познакомилась с другими европейцами, постаравшись скрыть этот факт от меня. А я, узнав об этом, из жалости к жене не стал подавать виду.

Евнух стоял неподвижно в ожидании моих приказов. Я подумал о Сеиде Мустафе, своем друге, который приехал в Тегеран на несколько дней. Мы редко виделись, потому что он проводил время в мечетях, у могил святых и за беседами с дервишами в лохмотьях.

– Яхья Гулу, – вспомнил я наконец о нем, – сходи к Сеиду Мустафе. Он остановился рядом с мечетью Сепаклезар. Попроси его пожаловать ко мне.

Евнух ушел, оставив меня одного. Я на самом деле был не так всемогущ, чтобы сдвинуть зеленые флаги к Баку. Где-то в степях моей родины наряду с добровольческими войсками, выступавшими под знаменем нового Азербайджана, сражались турецкие батальоны. Я знал о знаменах, численности войск и битвах. Среди сражающихся был и Ильясбек. Как же мне хотелось воевать с ним плечом к плечу, вдыхая ветер свободы. Но дорога на фронт была закрыта для меня. Границы охранялись

английскими и русскими войсками. Широкий мост, построенный над Араксом и соединяющий Иран с театром военных действий, был перекрыт колючей проволокой, пулеметами и солдатами. Шахский Иран напоминал улитку, спрятавшуюся в свою раковину. Ни один человек, ни одна мышь и даже ни одна муха не пересекли бы смертельную зону, где развернулись омерзительные, по мнению иранцев, сражения, и людям было не до поэзии.

Из Баку хлынули беженцы, среди которых был болтун Арслан-ага. Он бегал из одной чайханы в другую с заметками, в которых сравнивал победы турков с победами Александра Македонского. На одну из его статей наложили запрет, поскольку цензура усмотрела в прославлении Александра Македонского умаление Ирана, некогда покоренного Александром. После этого Арслан-ага стал считать себя преследуемым за свои убеждения. Он приходил ко мне с подробными рассказами о моих героических подвигах, которые я совершил, защищая Баку. Он мысленно видел вражеские легионы, марширующие мимо пулемета с единственной целью – оказаться сраженными моими пулями. Сам же Арслан во время этих событий просидел в подвале какой-то типографии, стряпая восторженные патриотические речи, которые никто не произнес. Он зачитал их мне и попросил меня поделиться с ним переживаниями героя, участвовавшего в рукопашной битве. Я набил ему рот сладостями и выставил за дверь. После него в комнате остался запах чернил и толстая новая тетрадка, в которую он должен был записать переживания героя. Я взглянул на белые страницы, вспомнив о грустном, отсутствующем взгляде Нино, о своей запутанной жизни, и взялся за перо. Не затем, чтобы описать переживания героя, а чтобы зафиксировать на бумаге весь путь, который привел меня и Нино в этот благоухающий Шамиран, где моя любимая потеряла свою улыбку.

Я сидел, выводя мысли иранским камышовым пером. Затем стал приводить в порядок записи, которые начал вести, еще будучи гимназистом. Прошлое вновь обрело четкие очертания, пока в комнату не вошел Сеид Мустафа и не уткнулся своим рябым лицом мне в плечо.

– Сеид, – произнес я, – жизнь моя превратилась в один сплошной узел. Дорога на фронт перекрыта, Нино разучилась смеяться, а я проливаю здесь вместо крови чернила. Как мне дальше жить, Сеид Мустафа?

Друг смотрел на меня спокойным и испытующим взглядом. В черном одеянии его стройное тело казалось согнувшимся под бременем какой-то тайны.

– Одними руками ты ничего не сможешь сделать, Али-хан, – ответил он, присев, – но человеку даны не только руки. Посмотри на мою одежду, и ты поймешь, о чем я толкую. Человеком управляет сила Всевышнего.

Отодвинь слегка завесу тайны, и на тебя снизойдет эта сила.

– Я не понимаю тебя, Сеид Мустафа. Душа моя разрывается от боли, а сам я нахожусь в поисках выхода из этой тьмы.

– Ты повернулся лицом к миру, Али-хан, забывая о силе Всевышнего, управляющего этим миром. В шестьсот восьмидесятом году во время битвы сын пророка Гусейн погиб около Кербалы, преследуемый врагами. Он был спасителем, знающим тайну. Его кровью Всевышний окрасил восходящее и заходящее солнце. Шиитской общиной руководили двенадцать имамов: первым был Гусейн, а самым последним – незримый имам последнего дня, который по сей день тайно руководит шиитами.

Этот незримый имам проявляется во всех своих делах, но недосягаем. Я вижу его в восходящем солнце, в зерне, в штормовом море. Слышу его голос в грохоте пулемета, вздохе женщины, дуновении ветра. И невидимая сила повелела шиитам скорбеть. Скорбеть по Гусейну, пролившему кровь в пустынных песках Кербалы. Трауру посвящается один месяц в году: месяц мухаррам. В этот месяц все страдающие оплакивают свое горе. На десятый день мухаррама шиит обретает уготованное ему Всевышним, ибо это день гибели мученика. Мучения, которые Гусейн принял на себя, должны пасть на благочестивых последователей. Взавшему на себя часть этих мук даруется часть благословения. Поэтому благочестивые люди бичуют себя в месяц мухаррам, и через причиненную себе боль запутавшемуся в своих проблемах человеку указывается путь к милосердию и радости спасения. В этом заключается тайна мухаррама.

– Сеид, – произнес я усталым и раздраженным голосом, – я спросил тебя, как вновь обрести счастье в доме, потому что живу в каком-то непонятном страхе. А ты пересказываешь мне религиозные назидания, которые мы проходили в гимназии. Что же мне теперь – бежать в мечеть и хлестать себя железными цепями? Я праведный мусульманин и соблюдаю все религиозные предписания. Верю в тайну Всевышнего, но вовсе не думаю, что путь к моему счастью пролегает через муки святого Гусейна.

– Но я верю в это, Али-хан. Ты спросил меня о пути, вот я и указываю тебе на него. Мне неведомы другие пути. Ильяс-бек проливает кровь на фронте в Гяндже. Ты не можешь поехать в Гянджу. Поэтому тебе надо пролить кровь во имя Всевышнего на десятый день мухаррама. Не говори, что эта святая жертва бессмысленна, – в этой юдоли слез все имеет свой смысл. Сражайся за родину в месяц мухаррам, как Ильяс-бек сражается в Гяндже.

Я молчал. Во двор въехала карета, через матовые стекла которой еле проглядывалось лицо Нино. Дверь гарема открылась, и Сеид Мустафа

заторопился домой:

– Приходи завтра в мечеть Сепаклезар. Продолжим наш разговор там.

Глава 26

Мы развалились на диване и играли в нарды, двигая шашки из слоновой кости по инкрустированной перламутровой доске. С тех пор как я научил Нино этой игре, мы сыграли на туманы, сережки, поцелуи и имена для наших будущих детей. Нино проигрывала и, расплатившись, снова бросала кости. Глаза ее азартно блестели, а пальцы поглаживали костяные шашки так, словно это были драгоценные камни.

– Ты разоришь меня, Али-хан, – вздохнула она, подвинув в мою сторону восемь туманов, которые я только что выиграл. Затем она оттолкнула в сторону доску, положила мне на колени свою голову и, задумчиво посмотрев на потолок, погрузилась в раздумья.

День выдался прекрасный, ибо Нино переполняло удовольствие от мести. Рано утром в доме поднялся переполох. Ее враг Яхья Гулу вошел к ней в комнату с распухшей щекой и перекошенным лицом.

– Должно быть, у вас разыгралась зубная боль, – поставила она диагноз с непередаваемым выражением лица.

Глаза блестели в предвкушении триумфа и радости. Она подвела его к окну и, заглянув в рот, нахмурила брови. Затем, озабоченно покачав головой, откопала кусок суровой нитки и обвязала ею дуплистый зуб Яхьи Гулу. Другой конец нитки она привязала к ручке открытой двери. Послышался истошный вопль – евнух упал на пол, запуганный до смерти, и устался на свой зуб, откатившийся к дверному проему.

– Скажи ему, Али-хан, что чистка зубов указательным пальцем правой руки приводит к такому концу!

Я перевел ее фразу слово в слово, и Яхья Гулу подобрал зуб с пола. Но Нино не полностью утолила свою жажду мести.

– Скажи ему, Али-хан, что ему еще лечиться и лечиться. Он должен лечь в постель и на протяжении шести часов прикладывать к щеке горячие припарки. И ни в коем случае не употреблять сладости, по крайней мере в течение недели.

Избавившийся от зубной боли Яхья Гулу, пошатываясь, побрел в свою комнату.

– Стыдись, Нино, – произнес я, – лишила этого бедолагу последней радости...

– Так ему и надо, – бездушно ответила Нино и принесла нарды. Она проиграла, и справедливость восторжествовала.

Теперь она сидела, поглаживая мне подбородок:

– Когда Баку освободят, Али?

– Наверное, через две недели.

– Четырнадцать дней, – вздохнула она. – Знаешь, мне не терпится увидеть освобожденный турками Баку. Все обернулось не так, как я ожидала. Тебе здесь нравится, меня же унижают каждый божий день.

– Унижают? Как?

– Все обращаются со мной как с дорогой и хрупкой вещью. Не знаю, насколько я дорогая, но я не хрупкая и вовсе не вещь. Помнишь нашу жизнь в Дагестане? Там все было по-другому. Мне здесь совсем не нравится. Если Баку не освободят в ближайшее время, мы должны уехать отсюда хоть куда-нибудь. Мне ничего не известно обо всех поэтах, которыми так гордятся в этой стране, но я знаю, что в день Ашура мужчины бичуют себе грудь, бьют себя по голове мечами и хлещут спину железными цепями. Многие европейцы сегодня уехали отсюда, потому что не хотели видеть этих ужасов. Я ненавижу все это. У меня такое чувство, будто я подвержена воздействию какой-то злой силы, неподвластной здравому смыслу и готовой обрушиться на меня в любую минуту.

Она подняла свое нежное личико. Глаза ее казались бездонными и темными, как никогда, зрачки расширены и взгляд обращен в себя. Лишь по глазам можно было понять, что Нино беременна.

– Ты боишься, Нино?

– Чего? – спросила она с искренним удивлением в голосе.

– Некоторые женщины боятся родов.

– Нет, – серьезно ответила она. – Я не боюсь. Я боюсь мышей, крокодилов, экзаменов и евнухов. Но не этого. Тогда я и зимой должна была бы бояться насморка.

Я поцеловал ее в холодные веки. Нино поднялась и откинула назад волосы.

– Пойду-ка навещу своих родителей, Али-хан.

Я кивнул в знак согласия, хотя и знал прекрасно, что на вилле Кипиани правила гарема не соблюдались. Князь принимал грузинских друзей и европейских дипломатов. Нино пила чай с английским печеньем и беседовала с голландским консулом о Рембрандте и проблемах восточных женщин.

Вскоре карета с матовыми стеклами выкатила со двора. Я остался один наедине с мыслями о маленьких зеленых флажках и клочке цветной бумаги, разделявшем меня и мою родину. В комнате становилось все темнее и темнее. Слабый аромат Нино все еще оставался на мягких

диванных подушках. Я опустился на пол, стараясь на ощупь найти четки. На стене сверкал Серебряный Лев с мечом в левой лапе. Я взглянул на него, и меня вдруг охватило чувство незащитности и безнадежности. Как же позорно было сидеть здесь, в тени Серебряного Льва, когда мой народ истекал кровью в степях Гянджи. Я тоже был лишь вещью. Дорогой вещью, за которой ухаживали и которую оберегали. Я – Ширваншир, которому был уготован высокий титул и который изысканно выражался. Серебряный Лев усмехался со стены над моей безнадежностью. Пограничный мост над Араксом был закрыт, а к душе Нино не было никакого пути с этой иранской земли. Я перебирал четки. Нитка вдруг оборвалась, и янтарные бусины покатались по полу.

Сквозь сумерки призывно и угрожающе, словно предупреждение от Всевышнего, доносились звуки бубна. Я подошел к окну. Последние лучи солнца освещали пыльную дорогу. Звуки бубна стали слышаться отчетливее. Ритм сопровождался отрывистыми выкриками, которые повторялись вновь и вновь тысячу раз:

– Шах-сей... Вах-сей... Шах Гусейн... Вах Гусейн!

За углом проходило шествие. Над толпой развевались три огромных, шитых золотом знамени. На одном из них было написано «Али» – посланник Аллаха на земле. На втором знамени из черного бархата были нарисованы контуры опускающейся левой ладони – рука Фатимы, дочери пророка. А на третьем – большими буквами, которые покрывали все небо, было написано лишь одно слово «Гусейн» – внук пророка, мученик и преемник. Толпа медленно продвигалась по улице. Впереди шли кающиеся с обнаженной спиной, в черном траурном одеянии и с тяжелыми железными цепями в руках, которыми хлестали себя по окровавленным плечам. За ними полукругом двигались широкоплечие мужчины, выступая на два шага вперед и отступая на шаг назад. На дороге слышался их хриплый крик: «Шах-сей... Вах-сей...» – и при каждом крике они все сильнее били себя кулаками в обнаженную волосатую грудь. Следом шли сеиды, перевязанные зелеными поясами согласно рангу и со склоненной головой. А за ними безмолвно следовали мученики мухаррама в белых саванах, с мрачными лицами и мечами в руках. Шах-сей... Вах-сей... На саванах мучеников были пятна крови. Один из них споткнулся, и его, с блаженной улыбкой на губах, тут же унесли друзья.

Я стоял у окна. Внезапно меня охватило новое и непреодолимое чувство – этот крик отозвался в моей душе предупреждением, и меня стало переполнять желание полностью подчиниться. Я видел капли крови на пыльной дороге и слышал призывные звуки бубна, обещающие

освобождение. В них заключалась тайна Всевышнего, врата печали, открывающие путь к спасению. Я сжал губы и схватился за подоконник. Я увидел руку Фатимы, и весь видимый мир словно стал уплывать из-под ног.

Раздался еще один глухой звук бубна, который тут же отозвался в моей душе диким ревом. Я смешался с толпой и встал в ряды широкоплечих мужчин, выстукивая кулаком по своей обнаженной груди. Позже я очутился в прохладной тьме мечети и услышал заунывный призыв имама. Кто-то вложил мне в руки тяжелую цепь, и спину тут же пронзила жгучая боль. Текли часы. Передо мной образовалась просторная площадь, а из горла вырвался дикий и радостный знакомый крик: «Шах-сей... Вах-сей...» Рядом стоял какой-то дервиш с раздробленным лицом. Сквозь иссохшую кожу проглядывали ребра. Тысяча пар глаз молящейся толпы уставилась в транс куда-то вперед. Толпа пела.

По площади шел конь с окровавленным седлом – конь молодого Гусейна. Дервиш с раздробленным лицом вдруг издал пронзительный крик. Затем, отбросив в сторону медную чашу, бросился под копыта коня. Я споткнулся. Тяжелые кулаки били по обнаженной груди. «Шах-сей... Вах-сей...» – кричала ликующая толпа.

Пронесли какого-то мужчину в забрызганной кровью одежде. Издалека к нам приблизились многочисленные факелы, и мне пришлось следовать за шествием. Потом я снова сидел во дворе мечети в окружении мужчин в круглых папах, глаза которых были переполнены слезами. Кто-то запел марсию по молодому Гусейну. Боль сдавила ему горло. Я поднялся. Толпа стала отходить назад. Ночь выдалась прохладной. Мы прошли мимо консульства, на крыше которого развевались черные флаги. Бесконечная вереница факелов напоминала реку, в которой отражались звезды. На крышах домов толпились люди. Из-за углов подглядывали женщины в чадре.

Здание консульства охранялось часовыми, державшими наготове свои штыки. Мимо молящейся толпы прошел караван верблюдов. Вновь раздались заунывные крики, женщины припали к земле, а бледный лунный свет стал освещать их обнажившиеся ноги. Восседая на верблюдах, прошествовала семья молодого Гусейна. За ними на черном коне везли убийцу святого – Езида, лицо которого покрывал защитный козырек. При его появлении через площадь полетели камни. Всадник поскакал быстрее и спрятался во дворе выставочного зала Насреддин-шаха. На завтра была запланирована мистерия о святом Гусейне.

Мы приблизились к алмазному крыльцу шахского дворца с развевающимися черными флагами. Бахадур, дворцовая стража, стояли

склонив голову, в черном траурном одеянии. Шаха во дворце не было. Он находился в летней резиденции в Багешахе, толпа потекла на улицу Ала-ад Довле, и я вдруг остался один на темной Топмейданы. Дула ржавых пушек равнодушно смотрели на меня. Тело ныло, словно по нему прошли тысячу ударов плетки. Я коснулся плеча и нащупал густой сгусток запекшейся крови. У меня закружилась голова. Придя немного в себя, я увидел пустой фаэтон. Фаэтонщик с пониманием и жалостью смотрел на меня.

– Наложите на раны немного голубинового помета, смешанного с растительным маслом. Это поможет, – со знанием дела посоветовал он.

Изнемогая, я свалился на сиденье.

– В Шамиран, в дом Ширванширов! – выкрикнул я.

Фаэтонщик взмахнул кнутом, и мы поколесили по крутым неровным улицам.

– Вы, наверное, очень набожный человек, – поворачивался время от времени и произносил он, – помолитесь, пожалуйста, за меня тоже. У меня самого нет времени, я должен работать. Меня зовут Зохраб Юсуф.

По лицу Нино катились слезы. Она сидела на диване, беспомощно скрестив руки и плача навзрыд. Рот ее был открыт, уголки рта опущены, а между щеками и носом образовались глубокие складки. Она рыдала, содрогаясь всем телом. Она не произнесла ни слова, лишь прозрачные слезы, скатываясь с ресниц на щеки, расплывались на ее незащитном лице. Я стоял перед ней, весь раздавленный ее горем. Она не двигалась, не вытирала слез, губы ее дрожали, как листья на ветру. Я взял ее за холодные безжизненные руки и поцеловал влажные глаза. Нино наградила меня отсутствующим, непонимающим взглядом.

– Нино, – стал кричать я, – Нино, что с тобой?

Она поднесла руку ко рту, как будто хотела закрыть его. Когда она снова опустила ее, я увидел следы зубов на тыльной стороне ладони.

– Я ненавижу тебя, Али-хан, – произнесла она голосом, выразившим сильный испуг.

– Нино, тебе нездоровится?

– Нет, я просто ненавижу тебя.

Она прижала нижнюю губу зубами и стала походить на обиженного ребенка. Затем с ужасом перевела взгляд на мою разорванную одежду и обнаженные плечи с запекшейся кровью.

– В чем дело, Нино?

– Я ненавижу тебя.

Она забилась в угол дивана и, подняв ноги, подперла коленями

подбородок. Нино больше не плакала. Лишь тихо и с грустью поглядывала на меня, как на незнакомца.

– Что я такого сделал, Нино?

– Ты показал мне свою душу, Али-хан, – проговорила она монотонно и тихо, словно объятая дремой. – Я была на вилле у родителей. Мы пили чай, а потом голландский консул пригласил нас к себе домой на Топмейданы, собираясь показать нам самые варварские ритуалы Востока. Мы стояли у окна и наблюдали поток фанатиков, проходивших по улице. При звуках бубна и появлении этих диких людей мне сделалось дурно. Консул назвал это шествие оргией садомазохистов и закрыл окна, потому что с улицы доносилась вонь от пота и грязи. Вдруг раздался истошный вопль, и мы увидели, как какой-то дервиш бросился под копыта коня. «Постойте-ка, а это не...» – вытянув руку, произнес консул, но не успел закончить фразу. Я посмотрела, куда он указывал, и увидела, что среди всех этих фанатиков бил себя по груди и хлестал по спине ты, Али-хан! Я испытала такой стыд, такой позор. Подумать только, супруга фанатичного варвара! Я видела все твои движения и чувствовала на себе сочувствующий взгляд консула. Потом мы то ли пили чай, то ли ужинали. Уже не помню. Мне с трудом удалось сохранить равновесие, потому что я внезапно почувствовала ту пропасть, которая разделяла нас. Али-хан, святой Гусейн разрушил наше счастье. Я увидела в тебе фанатичного варвара, и отныне ты всегда будешь таким.

Она сидела подавленная и все еще не оправившаяся от страданий, не в силах произнести больше ни слова только потому, что я попытался найти истинный путь и согласие со Всевышним.

– Что же нам теперь делать, Нино?

– Не знаю. Счастье отвернулось от нас. Я хочу уехать – туда, где снова смогу смотреть тебе в лицо и не увижу больше того безумца с Топмейданы. Позволь мне уехать, Али-хан.

– Куда, Нино?

– Не знаю, – ответила она и коснулась пальцами моей раненой спины. – Почему, почему ты это сделал?

– Я сделал это ради тебя, Нино, но ты не поймешь меня.

– Нет, – безутешно произнесла она. – Я хочу уехать отсюда. Я так устала, Али-хан. Азия отвратительна.

– Ты меня любишь?

– Да, – ответила она с отчаянием в голосе и уронила руки на колени.

Я поднял ее и отнес в спальню, где раздел и уложил в постель. Лихорадочно мечась, она произносила какие-то бессвязные слова.

– Нино, – позвал я, – потерпи несколько недель, а потом мы уедем домой в Баку.

Она устало кивнула и закрыла глаза. Заснув, она держалась за мою руку и прижимала ее к себе. Я долго просидел рядом, чувствуя ладонью, как бьется ее сердце. Затем сам разделся и лег рядом. Тело Нино было теплым, и она лежала по-ребячьи на левом боку с согнутыми коленями, спрятав голову под одеялом.

Проснувшись рано утром, она перепрыгнула через меня и побежала в ванную комнату. Там она долго умывалась и плескалась, не позволяя мне войти... Затем вышла, стараясь не встречаться со мной взглядом. В руках у нее была маленькая склянка с бальзамом.

– Тебе следовало поколотить меня, Али-хан, – произнесла она голосом примерной маленькой девочки.

– Куда уж там. После того как я целый день колотил себя, откуда было взять силы на тебя, Нино.

Она отложила бальзам, а евнух принес чай. Спешно выпив его, Нино молча и смущенно выглянула в окно на сад.

– Все бесполезно, – сказала она вдруг, посмотрев на меня решительным взглядом, – я ненавижу тебя, Али-хан. Я ненавижу тебя и буду продолжать ненавидеть, пока мы будем находиться в Иране. Я ничего не могу с собой поделать.

Мы поднялись, вышли в сад и молча уселись у фонтана. Перед нами шествовал павлин, а во двор мужской части дома въехала карета отца.

– Я могу сыграть в нарды даже с мужчиной, которого ненавижу, – посмотрев на меня искоса, вдруг смущенно произнесла Нино.

Я принес нарды, и мы стали грустно и уныло бросать кости. Затем, склонившись над бордюром фонтана, смотрели на свои отражения в воде. Нино окунула в воду руку, сказав рябью наши отражения.

– Не грусти так, Али-хан. Я не тебя ненавижу, а эту странную страну с ее странным народом. Ненависть пройдет, как только мы окажемся дома и как только...

Она коснулась лицом воды, а когда его подняла, со щек на подбородок покатались прозрачные капли воды.

– Я точно знаю, что это будет мальчик, но все равно придется еще подождать семь месяцев, – закончила она с гордым видом.

Наша судьба теперь зависела от продвижения войск по выжженным солнцем степям Азербайджана к старому городу Баку – городу, который оказался захваченным врагом и подвергался бесконечным пыткам нефтяных вышек. Я вытер лицо Нино и поцеловал ее в холодные щеки. Она

улыбнулась. Издали снова раздался грохот барабанов в честь святого Гусейна. Я схватил Нино за руку, потащил ее быстро в дом и завел на полную громкость граммофон – арию из оперы Гуно «Фауст». Это была самая громкая пластинка в доме. Пока испуганная Нино, дрожа от страха, льнула ко мне, бас Мефистофеля заглушал древние выкрики «Шах-сей... Вах-сей...».

Глава 27

Не успела наступить осень, как войска Энвер-паши вошли в Баку, – по крайней мере так говорили на базарах, в чайхане и министерствах. Последние русские защитники города, истощенные и оторванные от своей части, причалили к берегам Ирана и Туркестана и сообщили о том, что над старой крепостью победоносно развевается красное знамя с белым полумесяцем. Арслан-ага опубликовал в газетах Тегерана напыщенные сообщения о вступлении в город турков, а дядя Ассад-ас-Салтане запретил эти газеты из желания угодить англичанам и просто из ненависти к туркам. Отец отправился на встречу к премьер-министру, и тот после некоторых колебаний разрешил восстановить судоходство между Ираном и Баку. Мы поехали в Энзели и, смешавшись с толпой беженцев, отправились на пароходе «Насреддин» к освобожденной родине.

На бакинском причале стояли солдаты в каракулевых папахах. Ильяс-бек приветствовал нас, подняв саблю, а турецкий полковник выступил с речью, стараясь придать своему мягкому стамбульскому говору как можно больше твердости азербайджанского. Мы прибыли в полностью разрушенный и разграбленный дом. Нино превратилась в деятельную домохозяйку: на протяжении недель она, засева в мебельных магазинах, вела переговоры с плотниками и, сосредоточенно нахмурившись, измеряла наши комнаты. Затем последовала череда таинственных встреч с архитекторами, наш дом заполнился шумом рабочих и запахами краски, древесины и штукатурки. Всем этим домашним гвалтом руководила Нино, сияющая от переполнявшей ее ответственности. Ей была предоставлена полная свобода в выборе мебели, обоев и внутренней отделки дома.

– Не сердись на свою Нино, Али, – докладывала она вечером, смущенная, но счастливая. – Я заказала кровати, самые настоящие кровати, которые заменят нам диваны. Обои будут светлых оттенков, а полы будут обиты ковровым покрытием. Детская – вся в белых тонах. Обстановка будет сильно отличаться от иранского гарема.

Обхватив меня за шею, она потерлась о мою щеку, чтобы справиться с угрызениями совести. Затем отвернулась и, вытянув тонкий язычок, стала пытаться дотянуться им до кончика носа. Этот трюк она проделывала всегда, оказавшись в трудной ситуации: во время экзаменов, на приеме у врачей или на похоронах. Я вспомнил ночь Гусейна, когда позволил ей настоять на своем, хотя мне и претило ходить в обуви по коврам и сидеть за

европейским столом. Мне осталась лишь плоская крыша с обзором степи. Там Нино не предложила никаких структурных изменений. В воздухе стояла известковая пыль и шум.

Я сидел на крыше с отцом, отвернувшись в сторону и дотягиваясь, как Нино, кончиком языка до носа. Я вдруг почувствовал, что выгляжу виноватым.

– Ничего не поделаешь, Али-хан, – произнес спокойно отец. – Домашние хлопоты – женское дело. Нино показала себя с хорошей стороны в Иране, хотя ей не так-то легко и далось все. Настал твой черед. Помни, о чем я говорил тебе: Баку теперь часть Европы и навсегда им останется. Темная прохлада комнат и красные ковры на стене остались в Иране.

– А ты, отец?

– Мое место тоже в Иране, и я поеду туда сразу же после рождения внука. Буду жить в нашем доме в Шамиране, пока и там в моду не войдут белые стены и кровати.

– Мне следует остаться здесь, отец.

– Я знаю, – кивнул он с серьезным видом. – Ты любишь этот город, а Нино любит Европу. Но мне не нравится наше новое знамя, шум, охвативший новое государство, и запах безбожия, витающий над городом.

Он опустил голову и вдруг сделался похожим на своего брата Ассада-ас-Салтане.

– Я уже стар, Али-хан. Мне невыносимо видеть все эти нововведения. Ты же молод и смел и поэтому должен остаться здесь. Ты нужен Азербайджану.

С наступлением сумерек я стал прогуливаться по улицам города. На перекрестках дежурили турецкие патрули. Вид у них был суровый и непроницаемый. Я разговорился с некоторыми офицерами, и они рассказали мне о мечетях в Стамбуле и летних ночах Татлысу. На крыше старого губернаторского дворца развевалось новое знамя, а в нашей гимназии заседал парламент. Жизнь в старом городе, казалось, превратилась в сплошной карнавал. Защитник прав народа Фатали-хан в качестве нового премьер-министра издавал законы и отдавал распоряжения. Мирза Асадулла, брат Асадуллы, пожелавшего уничтожить всех русских, был назначен министром иностранных дел и подписывал соглашения с соседними странами. Все эти метаморфозы увлекли и меня. Глубоко взволнованный непривычным чувством политической независимости, я с любовью разглядывал новые армейские шинели и знакомился с законами. В первый раз в жизни я чувствовал себя уютно в своей родной стране. Русские ходили крадучись, а бывшие учителя при

встрече со мной почтено здоровались. Оркестр в городском клубе весь вечер играл народные песни, мы могли не снимать шляп, а Ильяс-бек и я общались с турецкими офицерами, вернувшимися с фронта или только собирающимися туда. Они рассказали нам об осаде Багдада и о переходе через Синайскую пустыню. Им довелось повидать песчаные дюны Триполи, размытые дороги Галиции и снежные лавины в горах Армении. Они пили шампанское, нарушая Коран, и говорили об Энвере и наступлении Туранской империи, которая объединит тюркские народы. Я с изумлением и благоговением впитывал каждое их слово, ибо все это казалось нереальным, прекрасным и незабываемым сном.

Затем наступил день большого парада. По городу маршировали военные отряды. Паша, весь увешанный орденами, проехал на коне мимо выстроившихся солдат и отдал честь новому знамени. Нас переполняли гордость и благодарность, мы забыли о различиях между шиитами и суннитами и были готовы отдать жизнь за османского халифа, расцеловав сухую руку паши. Лишь один Сеид Мустафа стоял в стороне, отделившись от толпы, и всем своим видом выражал ненависть и презрение. Среди всех звезд и полумесяцев на тунике паши он заметил болгарский военный крест, который глубоко возмутил его как символ чужой веры на груди мусульманина.

После парада Ильяс, Сеид и я сидели на бульваре, усеянном осенней листвой. Друзья затеяли яростный спор по поводу основных идей нового государства. После всех кампаний и боев в Гяндже, после бесед с молодыми турецкими офицерами и опираясь на свой собственный военный опыт, Ильяс-бек убедился, что единственным способом спастись от нашествия русских в будущем было проведение европейских реформ, причем как можно быстрее.

– Я утверждаю, что можно строить крепости и дороги, вводить реформы, оставаясь при этом правоверным мусульманином! – возбужденно кричал он.

Сеид хмурил брови, глаза его были усталыми.

– Можешь пойти еще дальше, Ильяс-бек, – произнес он хладнокровно, – скажи еще, что можно пить вино, есть свинину и оставаться при этом правоверным мусульманином. Европейцы уже давно установили, что вино полезно для здоровья, а свинина – питательна. Конечно же, правоверным мусульманином можно остаться, только архангел, стоящий во вратах рая, не поверит этому.

– Между участием в параде и свиной большая разница, – рассмеялся Ильяс. – А между свиной и вином – никакой. Турецкие офицеры открыто

пьют вино и носят кресты на своей униформе.

Я слушал доводы друзей.

– Сеид, – обратился я к нему, – а можно спать на кровати, есть с помощью ножа и вилки и оставаться при этом правоверным мусульманином?

Сеид улыбнулся:

– Ты всегда будешь правоверным мусульманином. Я видел тебя в день мухаррама.

Я молчал. Ильяс-бек отодвинул назад папаху.

– Это правда, что вы перестраиваете дом на европейский манер: с современной мебелью и светлыми обоями?

– Да, все верно, Ильяс-бек.

– Это хорошо, – решительно произнес он. – Мы теперь будем жить в столице. В страну нашу станут приезжать иностранные консулы. Нам нужны будут дома, где мы сможем принимать их, нужны будут женщины, которые смогут поддержать беседу с женами дипломатов. У тебя, Али-хан, как раз такая жена и скоро будет подходящий дом. Ты должен работать в Министерстве иностранных дел.

Я рассмеялся:

– Ильяс-бек, ты рассуждаешь о моей жене, моем доме и обо мне так, словно мы кони, которых готовят к международным соревнованиям. Ты, кажется, думаешь, что я перестраиваю дом в угоду национальным интересам.

– Так и должно быть, – сурово произнес Ильяс-бек.

И вдруг меня озарило, что он совершенно прав и что все и вся должно было отныне служить интересам нового государства, которое мы хотели построить на неплодородной, иссушенной солнцем почве Азербайджана. Я отправился домой. Узнав, что я не возражаю против паркетных полов и живописных полотен на стенах, Нино счастливо рассмеялась, и глаза ее засияли, как в ту ночь в лесу у родника Печапюр.

Я стал часто выезжать верхом в степь и лежать там часами до ярко-красного заката солнца на западе. Мимо меня проходили турецкие войска. Но сейчас офицерские лица выглядели озабоченными и напряженными. Ибо вся шумиха, связанная с созданием нового государства, отдалила от нас грохот пушек и мировой войны. Но где-то очень далеко, под давлением врага, отступали союзники турок – болгары.

– Фронт прорван, и удержать его невозможно, – сообщили турки, перестав пить шампанское.

Новости доходили редко и были подобны ударам молнии. В далеком

порту Мудрое на борт английского броненосца «Агамемнон» поднялся сутулый человек с опущенным взглядом. Это был министр Военно-морского флота Великой Османской империи Гусейн Рауф-бей, которого халиф уполномочил подписать договор о перемирии. Склонившись над столом, он подписался на клочке бумаги, и на глаза паши, который все еще властвовал в нашем городе, навернулись слезы.

На бакинских улицах еще раз раздалась песня о Туранской империи, но теперь она звучала как погребальный плач. Полностью экипированный паша снова проехал верхом перед строем солдат с неподвижными лицами. Священное знамя Османского дома было спущено, барабаны пробили дробь, и паша отдал честь рукой в белой лайковой перчатке. Затем солдаты стали колоннами покидать город, оставляя память о стамбульских мечетях, великолепии дворцов на Босфоре, худощавом старике-халифе с мантией пророка на плечах.

Через несколько дней я стоял на бульваре и наблюдал, как за островом Наргин появляются первые корабли с английскими оккупационными частями. У генерала были голубые глаза, тонкие усики и сильные широкие руки. Город наводнили новозеландцы, канадцы и австралийцы. Британский флаг развевался рядом с нашим. Фатали-хан позвонил мне, приглашая прийти к нему в министерство.

Он сидел в глубоком кресле, устремив на меня жгучий взгляд:

– Али-хан, почему вы до сих пор не состоите на государственной службе?

Я не нашелся что ответить.

– Я всем сердцем принадлежу своей стране, Фатали-хан, – взглянув на разложенные на его столе толстые папки, виновато ответил я. – Готов выполнить любой ваш приказ.

– Я слышал о вашей способности к иностранным языкам. Сколько времени вам понадобится, чтобы выучить английский?

Я смущенно улыбнулся:

– Фатали-хан, мне не придется учить английский, я его уже знаю.

Откинув массивную голову на спинку кресла, он молчал. Затем вдруг спросил:

– А как поживает Нино?

Я был потрясен. Премьер-министр спрашивал меня о моей жене, игнорируя все правила этикета.

– Благодарю, ваше превосходительство, хорошо.

– А она тоже знает английский?

– Да.

Он снова замолчал, поглаживая свои длинные усы.

– Фатали-хан, – тихо произнес я, – я знаю, к чему вы клоните. Через две недели наш дом будет готов, а у Нино в гардеробе полно вечерних нарядов. Мы говорим на английском, а за шампанское я сам заплачу.

Губы под усами расплылись в улыбке.

– Прошу прощения, Али-хан. Я совсем не хотел вас обидеть. Но нам действительно нужны такие, как вы. Не у всех европейские жены, древняя родословная и представительный дом. Возьмите меня, к примеру: у меня никогда не было денег, чтобы изучить английский, не говоря уже о доме или жене-европейке.

Он выглядел усталым.

– С сегодняшнего дня вы назначаетесь атташе западноевропейского отдела. Ступайте к министру иностранных дел Асадулле. Он объяснит вам суть работы. И... не сердитесь только... Мне, право, неудобно спрашивать вас об этом. Но вы успеете закончить ремонт дома через пять дней?

– Да, ваше превосходительство, – ответил с уверенностью я, почувствовав себя так, как будто предал старого и верного друга.

Я отправился домой. Пальцы Нино были вымазаны в шпатлевке и краске. Она стояла на стремянке, прибывая к стене гвоздь для картины. Она бы очень удивилась, узнав, что служит своей родине, прибывая этот гвоздь. Я ничего не сказал ей, а только поцеловал вымазанные пальцы и позволил приобрести ледник для хранения иностранных вин.

Глава 28

«Есть ли у вас тетя? Нет, у меня нет тети, но мой слуга сломал правую ногу. Ты любишь путешествовать? Да, я люблю путешествовать, но по вечерам предпочитаю есть только фрукты» – предложения в самоучителе английского языка были ужасно глупыми. Нино захлопнула книгу:

– Думаю, нашего английского хватит, чтобы выиграть сражение. Ты когда-нибудь пробовал виски?

– Нино! – в ужасе воскликнул я. – Ты говоришь прямо как в этом самоучителе.

– Это говорит о вполне понятном психическом распаде, Али-хан, причиной которому непонятное желание служить родине. Кого мы сегодня принимаем?

Она старалась казаться безучастной, но у нее не совсем получалось. Я перечислил имена всех английских дипломатов и офицеров, которые собирались удостоить нас своим присутствием сегодня вечером. Спокойно выслушав меня, Нино гордо подняла голову. Она знала, что ни один министр и ни один генерал в Азербайджане не обладали тем, что было у ее мужа: утонченной женой, получившей западное образование, происходившей из благородного рода и говорившей на английском. Она поправила вечернее платье и посмотрела в зеркало.

– Я попробовала виски, – мрачно произнесла она, – оно ужасно на вкус, прямо противно. Наверное, поэтому его смешивают с содовой водой.

Я обнял ее за плечи, и она с благодарностью посмотрела на меня:

– Странная у нас жизнь, Али-хан. То ты меня запираешь в гареме, то превращаешь в доказательство культурного прогресса страны.

Мы спустились в гостиную. В комнате стояли вымуштрованные слуги, а на стенах висели картины с пейзажами и изображениями животных. По углам были расставлены мягкие кресла, а на столах красовались вазы с цветами. Нино зарылась лицом в ароматные лепестки роз:

– Ты помнишь, Али-хан? Помнишь, как я приносила тебе воду из долины, когда мы жили в ауле?

– А что тебе нравится больше?

Взгляд Нино стал мягким и задумчивым, а мой вопрос остался без ответа. Раздался звонок в дверь. Губы ее задергались от волнения. Но это были всего лишь родители Нино и Ильяс-бек при полном параде. Он прошелся по залу, тщательно рассматривая все, а затем восторженно

кивнул.

– Думаю, и мне пора жениться, Али-хан, – важно заявил он. – У Нино нет двоюродных сестер?

Нино и я стояли в дверях, пожимая сильные английские руки. Офицеры были высокими и краснолицыми. Голубоглазые женщины протягивали руки в перчатках, любезно улыбались и, не скрывая любопытства, оглядывались по сторонам. Может, они ожидали, что им будут прислуживать евнухи, а танцовщицы исполнят танец живота. Вместо этого появлялись вымуштрованные слуги, подавались блюда, а стены украшали картины со скакунами и зелеными лугами. У Нино перехватило дыхание при виде молодого лейтенанта, который выпил целую рюмку виски одним залпом, не разбавляя его предложенной содовой водой. В зале раздавались обрывки разговоров, которые казались такими же идиотскими по содержанию, как и предложения из самоучителя английского языка:

– Вы давно женаты, миссис Ширваншир?

– Почти два года. Да, свадебное путешествие мы провели в Иране. Мой муж любит ездить верхом. Нет, он не играет в поло.

– Вам нравится наш город?

– Ну что вы! Мы не дикари! Многоженство в Азербайджане давно запрещено. А про евнухов я лишь в романах читала.

Нино взглянула на меня. Ее розовые ноздри дрожали от еле сдерживаемого смеха. Одна майорша даже спросила у нее, была ли она когда-нибудь в опере.

– Да, была, – мягко ответила она, – кроме того, я могу читать и писать.

С этими словами она подвинула к женщине блюдо с сухим печеньем.

Молодые англичане, дипломаты и офицеры раскланивалась перед Нино, касаясь ее тонких пальчиков и скользя взглядом по ее обнаженной спине. Я отвернулся. В углу комнаты стоял Асадулла, с беспечным видом покуривая сигарету. Он никогда бы не выставил свою жену на обозрение всем этим иностранцам, но Нино была грузинкой и христианкой, и поэтому, по мнению Асадуллы, ей можно было выставлять напоказ свои руки, глаза и спину. Душу мою переполняли стыд и негодование. Мимо ушей проскальзывали обрывки разговоров, которые казались бесстыжими и вульгарными. Я опустил глаза. Нино стояла в другом конце зала в окружении иностранцев.

– Благодарю вас, – вдруг произнесла она хриплым голосом, – спасибо, вы очень любезны.

Я поднял глаза. Она стояла покрасневшая и испуганная. Затем через весь зал подошла ко мне и коснулась рукава, словно прося о помощи.

– Али-хан, – мягко сказала она, – теперь ты чувствуешь то, что чувствовала я в гостях у твоих тетюшек и кузин в Тегеране. Кем мне приходится все эти мужчины? Я не хочу, чтобы они смотрели на меня так. – И, отвернувшись, взяла под руку майоршу.

– Вы должны побывать в нашем Национальном театре. Сейчас Шекспира переводят на наш, азербайджанский язык. На следующей неделе состоится премьера «Гамлета».

Я вытер пот со лба и вспомнил суровые законы гостеприимства. Старинная пословица гласит: «Если в дом твой входит гость с отрубленной головой твоего единственного сына, накорми, напои и уважь его как гостя». Это очень мудрый закон, которого иногда трудно придерживаться.

Я разлил по рюмкам виски и коньяк. Офицеры курили сигары, и никто не закидывал на стол ноги, несмотря на то что именно этого мы от них и ожидали.

– У вас очаровательная жена и очаровательный дом, Али-хан, – стал подливать масла в огонь какой-то молодой офицер.

Он бы, наверное, очень удивился, узнай, что я не надрал ему уши только из политических соображений. Этот щенок осмелился открыто восхвалять красоту моей жены! Я дрожащей рукой налил ему рюмку коньяка и пролил несколько капель. В углу сидел пожилой дипломат с белыми усами, в белой рубашке, поверх которой был надет смокинг. Я предложил ему печенье. У него были длинные желтые зубы и короткие пальцы.

– Судя по всему, между культурами Ирана и Азербайджана существует огромная разница.

– О да. Мы опережаем их на несколько веков. Не забывайте, что у нас высокоразвитая промышленность и железные дороги. К сожалению, русские несколько задержали наше культурное развитие. Нам не хватает врачей и учителей. Но я слышал, правительство собирается послать одаренных молодых людей на учебу в Европу, чтобы восполнить пробел, за который мы должны благодарить русских.

Я продолжал говорить и собирался налить ему еще немного виски, но он отказался.

– Я прослужил консулом в Иране в течение двадцати лет, – произнес он, – и очень сожалею, что старые культурные устои Востока разрушаются, а восточный народ старается подражать нам, пренебрегая обычаями своих предков. Но может быть, они и правы. В конце концов, им решать, как жить. В любом случае я согласен, что ваша страна готова стать независимой, так же как и, например, республики Центральной Америки.

Думаю, наше правительство скоро признает вас как государство.

Я был безумцем, но цель вечера была достигнута. Министр иностранных дел Асадулла стоял в другом конце зала с родителями Нино и Ильяс-беком. Я присоединился к ним.

– О чем говорил этот старик? – быстро спросил Асадулла.

– Он говорит, что я безумец, но Англия скоро признает нас.

Мирза Асадулла облегченно вздохнул:

– Вы далеко не безумец, Али-хан.

– Благодарю вас, но думаю, что я в самом деле безумец.

Он пожал мне руку и распрощался. Когда он целовал руку Нино, я услышал, как она что-то ему шепчет, таинственно улыбаясь. Он кивнул в знак понимания. Гости разъехались в полночь, оставив в большом зале запах табака и алкоголя...

Уставшие и довольные, мы поднялись к себе в спальню, и вдруг в нас словно вселилась какая-то безудержная энергия. Нино швырнула свои вечерние туфли в угол, забралась на кровать и, стоя на матрасе, стала подпрыгивать. Она морщила нос, выпячивала нижнюю губу и напоминала игривую маленькую обезьянку. Затем, раздув щеки, она тыкала в них пальцем и с шумом выпускала воздух через губы.

– Ну, как я тебе в роли спасительницы страны? – спросила она. Затем, спрыгнув с кровати, подбежала к зеркалу и стала с восхищением смотреть на свое отражение. – Нино-ханум Ширваншир, азербайджанская Жанна д'Арк! Обворожившая майорш и утверждающая, что никогда не видела евнухов!

Она хлопнула в ладоши и рассмеялась. На ней было светлое вечернее платье с глубоким вырезом на спине. С нежных мочек свешивались длинные серьги. На шее поблескивала нить жемчуга. Руки были девичьи тонкими, а темные волосы спадали на шею. Стоя перед зеркалом, она предстала в новой красе.

Я подошел к ней и заглянул в счастливые глаза европейской принцессы. Затем обнял ее так, как будто это происходило в первый раз. Кожа была мягкой и благоухающей, а за губами белыми камешками поблескивали зубы. В первый раз в жизни мы сидели на кровати, и я обнимал европейку. Она закрыла глаза. Я почувствовал длинные загибающиеся ресницы на своей щеке. Никогда прежде мне не было так хорошо.

Я взял ее за подбородок и поднял головку. Мягкий овал лица, влажные губы и мечтательный взгляд за прикрытыми грузинскими ресницами. Я погладил ей шею, и маленькая головка упала мне в руки. Всем своим видом

она выражала страстное желание и покорность. Ее вечернее платье и европейская кровать с разобранными покрывалами и прохладными простынями исчезли. Она лежала передо мной полуобнаженная на узком тюфяке, брошенном на глиняный пол в том ауле в Дагестане. Я крепко сжал ее плечи... и вдруг оказалось, что мы лежим полностью одетые на бледном керманском ковре рядом с современной европейской кроватью. Я взглянул на лицо Нино, которой с трудом удавалось сдерживать радость. Я слышал ее дыхание, чувствовал твердые округлости ее стройных бедер и забыл о старом англичанине, молодых офицерах и будущем нашей республики.

Позже мы возлежали рядом, глядя на большое зеркало над головой.

– Платье испорчено, – произнесла Нино так, словно признавалась, что очень счастлива. – Она положила голову мне на колени и стала мыслить вслух: – Интересно, что бы сказала майорша, увидев нас сейчас. Она бы сказала: «А что, Али-хан не знает, для чего существуют кровати?»

Она поднялась и пнула меня своей маленькой ногой по коленке:

– Не изволит ли уважаемый атташе раздеться и занять свое место на брачном ложе, как это принято в дипломатическом мире? Кто-нибудь видел атташе, валяющихся на коврах?

С сонным ворчанием я поднялся, разделся и лег рядом с Нино.

Дни сменялись неделями, мы все еще принимали гостей, потчуя их виски и выслушивая дифирамбы в адрес нашего дома. Грузинское гостеприимство Нино расцвело пышным цветом. Она танцевала с молодыми лейтенантами, обсуждала подагру с пожилыми майорами и рассказывала англичанкам о временах царицы Тамары. Те были уверены, что царица правила и в Азербайджане. Я проводил дни в своем большом кабинете в министерстве, читая отчеты наших дипломатов и любуясь видом на море. По вечерам приходила Нино, полная веселья и беспечного очарования, и вела себя как подобает жене. Она вдруг, на удивление всем, подружилась с министром иностранных дел Асадуллой. Угощала его, когда он заходил к нам, и делилась советами по поводу этикета в европейском обществе. Иногда я натыкался на них, таинственно шепчущихся в каком-нибудь укромном углу дома.

– Что вы там замышляете с Мирзой? – спросил я.

Она улыбнулась и заявила, что хочет стать первой женщиной, заведующей протокольным отделом Министерства иностранных дел.

На столе накапливались кипы писем, отчетов и дипломатических нот. Молодое государство строилось быстрыми темпами, а мне нравилось разворачивать письма и бланки с нашим гербом.

Однажды прямо перед обедом курьер доставил мне газеты. Я открыл

правительственную газету и прочитал на третьей странице свое имя: «Атташе Министерства иностранных дел Али-хан Ширваншир направлен в наше консульство в Париже». Прочитав длинную статью, по всей видимости состряпанную Арслан-агой, восхвалявшим мои выдающиеся способности, я бросился через двери между внутренними помещениями в кабинет министра.

– Мирза Асадулла, что происходит? – спросил я, ворвавшись к нему в кабинет.

Он улыбнулся:

– Мы решили сделать для вас сюрприз, мой друг. И потом, я обещал вашей жене. Вы с Нино – самая подходящая пара для нашего консульства в Париже.

Я в гневе бросил газету на пол.

– Мирза, – стал кричать я, – в этой стране нет такого закона, который заставил бы меня покинуть родину на долгие годы!

Он, потрясенный, уставился на меня:

– В чем дело, Али-хан? Многие в нашем министерстве были бы просто счастливы получить назначение за границу. А вы подходите, как никто другой, на эту должность.

– Но я не хочу уезжать в Париж, а если вы станете настаивать, я подам в отставку. Мне ненавистен этот западный мир со странными дорогами, народами и обычаями. Но думаю, вы не поймете меня.

– Я на самом деле не понимаю вас, – вежливо ответил он, – но, если вы настаиваете, можете оставаться здесь.

Я отправился домой и, весь запыхавшийся, взбежал по ступенькам.

– Нино, – выпалил я, – я не могу принять это назначение.

Но моя Нино поменялась в лице, а руки стали дрожать.

– Но почему, Али-хан?

– Нино, пойми меня, пожалуйста. По той простой причине, что я люблю эту плоскую крышу над головой, эту степь и море. Я люблю этот город, крепостную стену и мечети в узких переулках. За пределами Востока я буду как рыба, выброшенная на берег.

Она прикрыла на минуту глаза.

– Очень жаль, – произнесла она грустным и несчастным голосом, растрогав меня до глубины души.

Я присел и взял ее за руку:

– Послушай, в Париже я буду так же несчастлив, как и ты в Иране. На этот раз уязвимым стану я, оказавшись в чужом окружении. Помнишь, как ты себя чувствовала в Шамиране. Жизнь в Европе для меня так же

невозможна, как это было для тебя в Азии. Давай останемся в Баку, который находится на стыке Азии и Европы. Я не могу отправиться в Париж, где нет мечетей, крепостной стены и Сеида Мустафы. Чтобы смириться с наплывом всех этих иностранцев, мне нужно иногда дышать воздухом Азии. Я возненавижу тебя в Париже так же, как ты ненавидела меня после мухаррама. Это случится, естественно, не сразу. Но однажды после какого-нибудь карнавала или бала я вдруг начну ненавидеть тебя в том чужом мире, который ты пытаешься навязать мне. Вот почему я хочу остаться здесь во что бы то ни стало. Я родился в этой стране, здесь и умру.

Она не произнесла ни слова. Когда я умолк, она склонилась надо мной, поглаживая рукой волосы:

– Прости свою Нино, Али-хан. Какой же глупой я была. Не знаю, почему я решила, что тебе будет легче приспособиться и измениться, чем мне. Мы останемся здесь и забудем про Париж. У тебя будет твой азиатский город, а у меня – европейский дом.

Она нежно поцеловала меня. Глаза ее блеснули.

– Нино, наверное, очень трудно быть женой такого человека, как я?

– Нет, Али-хан, совсем не трудно. Необходимо только немного здравого смысла и понимания.

Она поглаживала мне лицо. Моя Нино была сильной женщиной. Ее давняя мечта была разбита. Я усадил ее на колени.

– Нино, как только родится малыш, мы отправимся в Париж, Лондон, Берлин или Рим. У нас еще будет медовый месяц. И останемся в любом понравившемся тебе городе на целое лето. Мы станем ездить в Европу каждый год, ты же знаешь, я не тиран. Но здесь мой дом, я принадлежу этой стране, потому что я сын этой степи, этого солнца и этого песка.

– Да, – произнесла она, – причем очень примерный сын. Мы забудем о Европе. Но твой ребенок, которого я ношу, не будет ребенком степи или песка. Он будет просто дитя Али и Нино.

– Да, – ответил я, давая согласие стать отцом европейца.

Глава 29

– У твоей матери, Али-хан, были очень тяжелые роды. В то время мы не вызывали европейских врачей для своих жен.

Мы с отцом сидели на крыше нашего дома. Голос отца был тихим и печальным:

– Когда у твоей матери усилились схватки, мы дали ей выпить толченую бирюзу и алмаз. Но это не особенно помогло. Чтобы вырастить тебя набожным и храбрым, мы повесили твою пуповину на восточной стене комнаты, рядом с кинжалом и Кораном. Позже ты носил ее на шее как талисман, не доставляя нам хлопот своим здоровьем. В три года ты снял пуповину и сделался болезненным ребенком. Мы вначале пытались отвести от тебя хвори, оставляя в детской вино и сладости. Запустили в комнату петуха с цветным хвостом, носившегося взад и вперед, но и это не помогло отвратить болезни. Потом мы нашли в горах какого-то знахаря с коровой и пригласили его к себе. Корову закололи, знахарь вынул ей внутренности и положил тебя в ее нутро. Когда тебя вытащили, кожа твоя была красного цвета. С тех пор наш мальчик ни разу не заболел.

Из дома донесся долгий приглушенный крик. Я сидел прямо и неподвижно, стараясь полностью сосредоточиться на рассказах отца. Раздался еще один крик, протяжный и жалобный.

– Это она тебя проклиняет, – сообщил тихо отец. – Все женщины проклиняют мужей во время родов. В старые времена, родив ребенка, женщина закалывала барана, окропляя его кровью тюфяк мужа и малыша, чтобы отвести беду, которую она накликала на них при родах.

– Сколько это будет продолжаться, отец?

– Пять или шесть часов, а может, и все десять. У нее узкий таз.

Он умолк. Может, вспомнил свою собственную жену, мою мать, которая умерла при родах. Затем поднялся.

– Идем, – сказал он и направился к двум красным коврикам для намаза, расстеленным посередине крыши по направлению к Мекке, Каабе.

Мы разулись, опустили на коврики и сложили на груди руки, обхватив локоть левой руки ладонью правой.

– Это все, что мы можем сделать, но молитва важнее всех знаний врача.

Он наклонился вперед и начал молиться по-арабски:

– *Бисми Илахи аррахмани рахим* — во имя Аллаха Милостивого и

Милосердного...

Я повторял за ним молитву, стоя на коленях на коврике и касаясь лбом пола:

– *Ахсиду Лиллахи раби-л-аламин, арахмани, рахим, малики джауми дин* — хвала Аллаху – Господу миров, Милостивому, Милосердному, Царю в день суда...

Я сидел на коврике, покрыв руками лицо. Снизу все еще раздавались крики Нино. Доносясь до моего слуха, они уже не так трогали меня. Губы произносили аяты Корана так, словно они больше не принадлежали мне:

– *Ипака на буду вапака настаин* — Тебе мы поклоняемся и просим помочь.

Я положил руки на колени. Воцарилась тишина. Я слышал, как шепчет отец:

– *Ихдина сирата-лмустагим сирата лладина анаммта ачаихим* — веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал.

Я коснулся лицом коврика и наклонился всем телом вперед. Красные узоры коврика слились в одно целое.

– *Гаура лмагдуми алаихим вала ддалин* — не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

Так мы лежали в пыли и молились Аллаху, вновь и вновь повторяя слова молитвы, слова, которые Аллах вложил в уста пророка на языке арабских кочевников. Я сидел на коврике, скрестив ноги и перебирая пальцами четки. Губы шептали тридцать три имени Всевышнего.

Кто-то коснулся моего плеча. Я поднял голову и увидел над собой улыбающееся лицо. Мне что-то сообщили, но я не разобрал слов. Я поднялся и, почувствовав на себе взгляд отца, медленно спустился по лестнице. Шторы в комнате Нино были задернуты. Я подошел к ее кровати. Глаза были переполнены слез, а щеки осунулись. Она тихо улыбнулась и произнесла на азербайджанском языке, на котором не говорила:

– *Гыздыр, Али-хан, чох г'ёзаль бир гыз. О гядяр бяхтиярам* — девочка, Али-хан, у нас родилась, очень красивая девочка. Я так счастлива.

Я взял ее за руку, и она прикрыла глаза.

– Не дай ей заснуть, Али-хан, она должна еще немного продержаться, – произнес кто-то за спиной.

Я стал водить пальцем по иссохшим губам Нино, а она, уставшая и умиротворенная, поглядывала на меня. К кровати подошла какая-то женщина в белом фартуке и протянула мне сверток. Это была крошечная, сморщившаяся куколка с крохотными пальчиками и большими бессмысленными глазами. Куколка заплакала. Лицо ее исказилось.

– Какая же она красивая! – восхищенно произнесла Нино и выпрямила ей пальчики, словно это была действительно кукла.

Я поднял руку и робко коснулся свертка, но Куколка уже спала, приняв серьезное выражение лица.

– Мы назовем ее Тамарой в честь гимназии, – прошептала Нино.

Я кивнул в знак согласия. Тамара – красивое имя и принято как у христиан, так и у мусульман.

Кто-то вывел меня из комнаты. Я столкнулся с любопытными взглядами. Мы с отцом под руку вышли во двор.

– Поехали в степь, – предложил отец. – Нино скоро можно будет спать.

Мы оседлали коней и поскакали диким галопом, рассекая желтые песочные дюны. Отец что-то говорил, но я не разбирал слов. Он, казалось, пытался успокоить меня, а я не мог понять почему. Гордость переполняла меня. Ведь у меня теперь спящая сморщенная дочь с серьезным выражением лица и большими бессмысленными глазами.

Дни проходили одинаково и своей похожестью напоминали бусины на четках. Нино кормила Куколку грудью, напевая ей ночами мелодичные грузинские колыбельные и задумчиво качая головой своему маленькому сморщенному подобию.

Со мной она вела себя надменно и даже немного жестоко: мужчина, не способный произвести на свет ребенка, покормить его грудью или даже перепеленать. Я проводил дни в министерстве, а она снисходительно звонила мне, чтобы поведать о великих событиях и поступках:

– Али-хан, Куколка смеется и протягивает ручки к солнцу. Куколка – очень смышленная, Али-хан. Я показала ей стеклянный шарик, и она разглядывала его.

– Послушай, Али-хан, Куколка водит пальчиками по животику. Она очень талантлива.

Пока Куколка водила пальчиками по животу и оживленно следила за стеклянным шариком, в далекой Европе играли в игры с границами, армиями и государствами. Я знакомился с отчетами на рабочем столе и рассматривал карты со спорными будущими границами. Таинственные мужчины с труднопроизносимыми именами собрались в Версале, чтобы решить судьбу Востока. Победителям безнадежно пытался противостоять лишь один седовласый турецкий генерал из Анкары. Даже несмотря на то, что европейские державы признали наш Азербайджан суверенным государством, я не мог разделить восторгов Ильяс-бека. Мне даже неловко было разочаровывать его новостями о том, что английские войска будут скоро навсегда выведены с территории нашей суверенной республики.

– Теперь-то мы уж навсегда освободимся от гнета, – кричал он радостно, – на нашей земле не останется больше иностранцев!

– Послушай, Ильяс-бек, – сказал я, подведя его к карте, – нашими настоящими союзниками должны быть Турция и Иран, которые сейчас бессильны. Мы повисли в воздухе: с севера на нас давят сто шестьдесят миллионов русских, жаждая поживиться на нашей нефти. Пока англичане находятся здесь, ни один русский, красный или белый, не осмелится пересечь наши границы. Но стоит англичанам покинуть нашу территорию, на защиту страны сможем встать лишь ты, я да немногочисленные войска.

– Ничего, – оптимистично качал головой Ильяс-бек. – Зато у нас есть дипломаты, которые заключат дружественные союзы с русскими. Армии нужно заниматься другими делами. Отсюда, – указывал он в южном направлении, – мы должны подойти к границе с Арменией. В этой области нас подстерегает беда. Уже есть приказ министра военных дел генерала Мехмандара.

Пытаться убедить его, что дипломатия может сработать лишь при наличии умело сформированных военных сил, было гиблым делом. Английские войска ушли из города, на улицах развевались праздничные флаги, а наши войска следовали к армянской границе. На станции Ялама, находящейся на границе с Россией, остался лишь пограничный патруль и несколько дипломатов. В министерстве велись переговоры с красными и белыми русскими, а отец вернулся в Иран.

Мы с Нино провожали его в порту. Он с грустью посмотрел на нас, даже не спросив, собираемся ли мы приехать к нему.

– Что ты будешь делать в Иране, отец?

– Может, снова женюсь, – выдал он. Затем церемонно расцеловал нас и задумчиво добавил: – Я иногда буду навещать вас, а если это государство когда-нибудь развалится, можете рассчитывать на мои имения в Мазандаране.

Он ступил на сходню и долго еще махал нам, старой крепостной стене, Девичьей башне, городу и степи, которые постепенно исчезали из виду.

В городе было жарко, и ставни в министерстве закрывались лишь наполовину. Приходили русские делегаты с пресытившимися и хитрыми лицами. Они быстро и равнодушно подписывали бесконечное соглашение, состоящее из пунктов, столбцов и сносок.

Улицы были покрыты пылью и песком, а горячий ветер гонял в воздухе клочки бумаги. Родители Нино уехали на лето в Грузию. В Яламе по-прежнему оставался пограничный патруль и несколько дипломатов.

– Асадулла, – обратился я к министру, – по ту сторону Яламы стоят

тридцать тысяч русских.

– Знаю, – мрачно ответил он. – Наш городской военачальник считает, что это всего лишь сговор.

– А если он ошибается?

Министр раздраженно посмотрел на меня:

– Мы можем только заключать соглашения. Все остальное – в руках Аллаха.

У здания парламента стояли верные часовые со штыками наголо. Внутри здания спорили политические партии, а на окраинах русские рабочие угрожали забастовками в случае, если правительство запретит экспорт нефти в Россию. Кофейни были переполнены читающими газеты или играющими в нарды мужчинами. На горячих пыльных улицах детвора устраивала потасовки. Город томился под палящими лучами солнца, а с минарета слышался призыв к молитве:

– Вставайте к молитве! Вставайте к молитве! Лучше молиться, чем спать!

Я не спал, а всего лишь лежал на ковре с прикрытыми глазами. Меня не покидало страшное видение: пограничная станция Ялама, находящаяся под угрозой тридцати тысяч русских солдат.

– Нино, – произнес я, – в городе жарко. Куколка не привыкла к жаре, а тебе нравятся деревья, тень и вода. Не хочешь съездить на лето к родителям?

– Нет, – сурово ответила она. – Не хочу.

Больше я не произнес ни слова, но Нино задумчиво нахмурила бровь:

– Мы могли бы отдохнуть вместе, Али-хан. Да, в городе жарко, но твоё имение в Гяндже окружено деревьями и виноградниками. Давай поедем, там ты будешь чувствовать себя дома, а Куколка сможет нежиться в тени.

Я не мог не согласиться. Мы сели в поезд, на вагонах которого красовался герб нового Азербайджана, и по длинной широкой пыльной дороге прикатили на нем в Гянджу.

Церкви и мечети были окружены низкими домами. Высохшая река отделяла мусульманский квартал от армянского. Я показал Нино камень, к которому вражеские русские пули сотню лет тому назад пригвоздили моего прадеда Ибрагима. В реках, окружавших наше загородное имение, высунув лишь голову, неподвижно лежали буйволы. В воздухе стоял запах молока, а виноградины в садах были размером с коровий глаз. Головы крестьян были выбриты на макушке и разделены пробором спереди. Маленький домик с деревянной верандой был окружен деревьями. При виде лошадей, собак и кур Куколка рассмеялась.

Мы распаковали вещи, и мысли о министерстве, соглашениях и станции Ялама покинули меня на несколько недель. Мы лежали в траве. Нино жевала горькие стебельки, подставляя солнцу свое ясное и умиротворенное, как небо над Гянджой, лицо. Ей исполнилось двадцать лет, и она оставалась все еще слишком тонкой по восточным меркам.

– Али-хан, эта Куколка – моя. В следующий раз родится мальчик, и он будет твоим.

Затем она стала подробно планировать будущее ребенка, которое включало теннис, Оксфорд, курсы английского и французского языка, общее европейское образование. Я не сказал ни слова. Куколка была еще слишком маленькой, а у Яламы стояли тридцать тысяч русских. Мы играли на лужайке и обедали на коврах, расстеленных на траве в тени деревьев. Нино плескалась в речушке неподалеку от лежавших буйволов. Нас пришли навестить крестьяне с маленькими круглыми шапочками на голове. Они поклонились своему хану и передали корзинки с персиками, яблоками и виноградом. Мы не читали никаких газет и не получали писем. Мир для нас заканчивался на границах нашего имения и казался таким же прекрасным, как и в Дагестане.

Однажды поздним летним вечером, когда мы сидели в комнате, послышался дикий конский топот. Я вышел на веранду. С коня спрыгнул худощавый мужчина в черной черкеске.

– Ильяс-бек! – выкрикнул я и бросился к нему с объятиями.

Он не ответил. Лицо его при свете керосиновой лампы казалось мертвенно-бледным.

– Русские ворвались в Баку, – спешно сообщил он.

Я кивнул, как будто предчувствовал это. Нино стояла за моей спиной.

– Как это случилось, Ильяс-бек? – услышал я ее слабый возглас.

– Ночью из Яламы прибыли поезда с русскими солдатами. Они окружили город и заставили сдать парламент. Все министры, которым не удалось убежать, арестованы, а парламент распущен. Русские рабочие объединились со своими соотечественниками. Солдат в городе не было, а армия затерялась где-то на армянской границе. Я собираю партизанский отряд.

Я обернулся. Нино вернулась в дом, слуги впрягли коней в карету. Она собирала вещи, тихо беседуя с Куколкой на языке своих предков.

Мы поехали полями. Ильяс-бек сопровождал нас верхом. Вдалеке светились огни Гянджи, и в какой-то момент я почувствовал, как прошлое и настоящее сливаются в единое целое. Я смотрел на Ильяс-бека с кинжалом на боку, бледного и сосредоточенного. Нино сидела невозмутимо и

горделиво, как несколько лет тому назад на дынном поле в Мардакяне.

Мы приехали в Гянджу посреди ночи. На улицах толпились люди со взволнованными и напряженными лицами. Солдаты с ружьями наготове стояли на мосту, разделявшем мусульманский и армянский кварталы. Фонари проливали свет на азербайджанское знамя, развевавшееся на балконе правительственного здания.

...Я сидел, прислонившись к стене большой гянджинской мечети, с тарелкой супа в руке и разглядывал усталых солдат, развалившихся во дворе. Рывкали пулеметы, их злобный шум доносился до самого двора мечети. Азербайджанская Республика доживала свои последние дни. Передо мной лежала тетрадка, которую я торопливо заполнял строчками, чтобы еще раз зафиксировать прошлое.

Восемь дней тому назад в нашей маленькой гостинице в Гяндже происходило следующее.

– Ты сумасшедший! – вскричал Ильяс-бек.

Было три часа утра. Нино спала в соседней комнате.

– Ты сошел с ума, – повторил он, расхаживая по комнате.

Я сидел за столом, и мнение Ильяс-бека меня интересовало в этот момент меньше всего на свете.

– Я останусь здесь. Придут партизаны, и мы станем сражаться. Я не собираюсь покидать свою страну. – Я говорил тихо, словно грезил.

Ильяс-бек стоял передо мной, печально и гордо поглядывая на меня:

– Али-хан, мы проучились в одной гимназии и на больших переменах вместе дрались с русскими. Я поскакал за тобой, когда ты отправился вслед за Нахараряном, и привез Нино домой в своем седле. Мы вместе сражались у ворот Цицианашвили. Сейчас же тебе следует уйти – ради Нино, ради себя самого, ради родины, которой ты снова можешь понадобится.

– Если ты останешься здесь, Ильяс-бек, останусь и я.

– Я остаюсь потому, что одинок, потому, что умею командовать солдатами, и потому, что у меня за спиной опыт двух военных походов. Отправляйся в Иран, Али-хан.

– Я не могу уехать ни в Иран, ни в Европу.

Я подошел к окну. На улице горели факелы, и доносилось бряцание оружия.

– Али-хан, наша республика доживает свои последние дни.

Я равнодушно кивнул. Мимо окна проходили люди с оружием в руках. В соседней комнате слышались шаги. Я обернулся. В дверях стояла Нино с застанными глазами.

– Нино, последний поезд в Тифлис отбывает через два часа.

– Да, давай собираться, Али-хан.

– Нет, едешь ты с ребенком. Я приеду позже. Мне нужно будет задержаться здесь. Но вы должны уехать. Сейчас все иначе, чем тогда в Баку. Все изменилось, и ты не можешь остаться, Нино. У тебя теперь есть ребенок.

Я продолжал увещевать ее, а Ильяс-бек, склонив голову, стоял в углу. Нино окончательно проснулась. Она медленно подошла к окну и выглянула. Затем посмотрела на Ильяс-бека, который постарался отвести взгляд. Она вышла на середину комнаты и склонила голову набок.

– А как же Куколка? – произнесла она. – Ты, значит, точно не едешь?

– Я не могу, Нино.

– Твой прадед погиб на гянджинском мосту. Я помню это еще из экзаменов по истории.

И вдруг, опустившись на пол, Нино, словно раненый зверь в предсмертной агонии, издала протяжный крик. Глаза ее были сухими, а тело била дрожь. Она громко застонала. Ильяс-бек выбежал из комнаты.

– Я приеду, Нино, приеду, обещаю тебе. Мне нужно задержаться лишь на несколько дней.

Нино продолжала стонать. Народ на улице пел гимн гибнущей республики.

Вдруг Нино успокоилась и устремила вперед потухший взгляд. Затем поднялась. Я взял чемодан, схватил запеленатую куклу, и мы молча спустились по лестнице. Ильяс-бек ждал нас в карете. По переполненным народом улицам мы проехали к вокзалу.

– Потерпи. Спустя каких-то три или четыре дня Али-хан вернется к тебе, – сказал Ильяс-бек.

– Я знаю, – спокойно кивнула Нино. – Мы останемся в Тифлисе, а потом уедем в Париж. У нас будет домик с садом, а потом родится мальчик.

– Именно так все и будет, Нино, так и будет.

Голос звучал четко и уверенно. Она сжала мне руку и уставилась куда-то вдаль. Рельсы напоминали длинных змей, а поезд, появившийся из темноты, – зловещее чудовище. Она быстро поцеловала меня:

– Пока, Али-хан. Встретимся через три дня.

– Конечно, Нино. А потом уедем в Париж.

Она улыбнулась, посмотрев на меня мягким бархатом глаз. Я стоял на перроне, не в силах сдвинуться с места, словно меня пригвоздили к жесткому асфальту. Ильяс-бек провел ее в купе. Она выглянула в окно, испуганная, словно потерявшая дом пташка. Поезд тронулся. Нино махнула мне рукой, а Ильяс-бек спрыгнул с подножки вагона.

Мы вернулись в город, который напоминал карнавал. Крестьяне из соседних деревень приехали с пулеметами и снарядами, которые так долго прятали. С другой стороны реки, где располагался армянский квартал, слышались выстрелы. Эта территория уже была занята русскими. Кавалерия Красной армии заполонила землю, а в городе вдруг появился мужчина с косматыми бровями, орлиным носом и запавшими глазами. Это был шахзаде Мансур-мирза Каджар. Никто не знал, кто он и откуда он появился. Известно было лишь то, что происходил он из рода Каджар, а на папаше его сиял серебряный иранский лев. Как потомок Аги Мухаммеда, шахзаде взял командование на себя. Русские батальоны продвигались к Гяндже, а город наводнили беженцы из Баку. Они рассказывали о расстреле министров, аресте членов парламента, о трупах, выброшенных в Каспийское море с привязанными к ногам ядрами.

– В мечети Тезе Пир теперь клуб. Когда Мустафа Сеид пришел помолиться, русские избили его. Они связали его, сунув в рот кусок свинины. Позже ему удалось убежать в Иран, к своему дяде в Мешехе. Русские убили его отца.

Эти новости принес Арслан-ага. Он стоял передо мной, разглядывая оружие, которое я раздавал.

– Я тоже хочу воевать, Али-хан.

– Ты, перемазанный чернилами поросенок?

– Я не поросенок, Али-хан. Как и любой другой человек, я люблю свою родину. Мой отец уехал в Тифлис. Дай мне оружие.

Лицо его приняло серьезное выражение, а глаза сверкали. Я дал ему оружие и принял его в отряд, который занял позицию у моста. Улицы по ту сторону моста были уже заняты русскими. Мы двинулись в рукопашный бой. Перед глазами мелькали широкоскулые лица, блестели треугольные штыки. Меня обуяла дикая ярость.

– *Ирели!* – Вперед! – крикнул кто-то, и мы опустили штыки.

Кровь смешалась с потом. Я поднял приклад и почувствовал, как плечо задела пуля. Под моим ударом раскололся череп какого-то русского солдата. Мозг брызнул наружу, смешиваясь с пылью. Я, спотыкаясь, шел на врага и краем глаза заметил, как Арслан-ага вонзает кинжал в глаз неприятеля...

Издали слышались звонкие сигналы трубы.

Мы лежали за углом, беспорядочно обстреливая армянские дома. А ночью прокрались к мосту, где засел Ильяс-бек. Обмотанный лентами, он чистил пулеметы.

Мы вошли во двор мечети, и при свете звезд Ильяс-бек рассказал мне, как однажды в детстве он чуть не утонул, попав в водоворот в море.

Потом мы хлебали суп и ели персики. Перед нами сидел припавший к земле Арслан-ага. Ему в бою выбили зубы, и десны теперь кровоточили. Ночью он, весь трясясь от страха, подполз ко мне:

– Я боюсь, Али-хан. Я такой трус...

– Тогда оставь оружие и беги полем к реке Пула, а оттуда – в Грузию.

– Не могу. Я люблю свою родину так же, как и все вы, даже будучи трусом.

Я молчал. Начинался очередной рассвет. Вдалеке ревели пушки, а возле минарета рядом с шахзаде из царского рода Каджар стоял Ильяс-бек. В руках его был бинокль. Слышались скорбные и призывные звуки трубы, над минаретом развевался флаг, и кто-то запел песню о Туранской империи.

– Я кое-что слышал, – произнес какой-то мужчина с задумчивыми глазами и бледным, как у покойника, лицом. – В Иране появился некто по имени Реза, который ведет солдат и преследует врагов, как охотник – оленя. В Анкаре Кямал собирает армию. Мы сражаемся не зря. На помощь идут двадцать пять тысяч человек.

– Нет, – прервал его я, – не двадцать пять тысяч, а двести пятьдесят миллионов мусульман со всего мира спешат к нам на помощь. Только Аллах знает, успеют ли они подоспеть вовремя.

Я отправился к мосту, сел за пулемет, и лента заскользила между пальцами, как четки. Арслан-ага сидел рядом. Лицо его было бледным. Он улыбался. В рядах русских началось какое-то движение, и мой пулемет застрочил как сумасшедший. С той стороны раздался призыв к атаке. С армянских позиций зазвучал марш Буденного. Я посмотрел вниз и увидел сухое растрескавшееся русло реки. Русские солдаты бежали по площади, падали на землю и, прицелившись, стреляли по мосту. Я отвечал им диким огнем. Русские падали замертво, как игрушечные солдатики, но за ними появлялись и бежали к мосту новые ряды. Их были тысячи, а тонкий рев моего одинокого пулемета звучал бессильно на Гянджинском мосту.

Арслан-ага громко и жалобно, как ребенок, всхлипнул. Я взглянул на него. Он лежал на мосту, и из его раскрытого рта текла кровь. Я нажал на гашетку пулемета, пройдясь огнем пулеметной очереди по русским. Труба вновь заиграла призыв к атаке. Моя папаха улетела в реку, – может, ее сбила пуля, а может, и сдул ветер. Я рванул гимнастерку. Тело Арслан-аги лежало между мной и врагом. Значит, человек, даже будучи трусом, может погибнуть во имя родины. Трубы на том берегу заиграли отбой. Пулемет смолк. Я, взмокший от пота и голодный, сидел на мосту в ожидании смены.

И вот я сижу в тени мечети, похлебывая суп. У входа в мечеть стоит шахзаде Мансур, а Ильяс-бек склонился над картой. Через пару часов я

опять буду стоять на мосту. Азербайджанская Республика доживает свои последние дни. Довольно. Я буду спать, пока труба вновь не призовет меня к реке, где мой прадед Ибрагим-хан Ширваншир отдал жизнь за свободу своего народа...

Али-хан Ширваншир погиб в пять часов пятнадцать минут на Гянджинском мосту за своим пулеметом. Тело его упало в высохшее русло реки. Я спустился за ним. Оно было изрешечено восьмью пулями. В кармане его я нашел эту тетрадь. Если на то будет воля Аллаха, я передам ее жене Али. Мы похоронили его рано утром, незадолго до последнего наступления русских. Наша республика погибла, как погиб Али-хан Ширваншир.

*Ротмистр Ильяс-бек, сын Зейнал-аги
из поселка Бинагади, близ Баку*

Table of Contents

[Курбан Саид Али и Нино](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)